

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

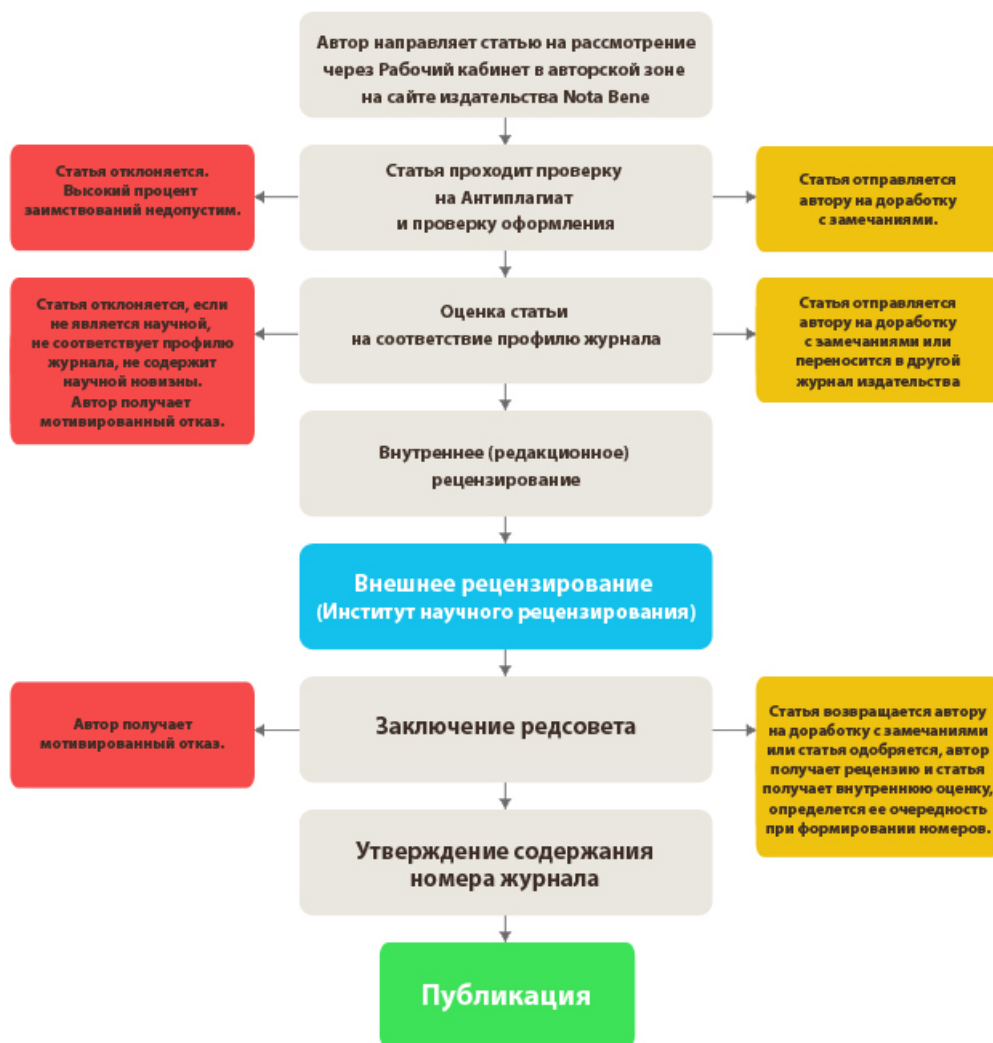
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Алехин Ф.В. Кинофикация Хакасской автономной области в период перестройки	1
Самедова Н.Э. Педагогические курсы и учительские съезды как формы профессиональной подготовки педагогов в Воронежской губернии во второй половине XIX в.	11
Ершова Т.В., Кабуров А.Р. Отражение начала Первой мировой войны в газетной хронике Москвы	19
Галямина А.Г., Черноверская Т.А. Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков	38
Самигулин М.Р. Сочинения Джерома Горсея о Московии: дипломатические отчёты или энциклопедические сочинения?	54
Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Автоматные патроны уменьшенного калибра конструкции В.Г. Федорова 1944–1945 годов	63
Саяпин В.О., Кирюшин А.Н. Истоки отечественного искусственного интеллекта: к 70-летию манифеста советских кибернетиков Соболева, Китова, Ляпунова	72
Концевая В.А. Китайская миграция на территорию российского Дальнего Востока в материалах периодической печати конца XIX в.	93
Англоязычные метаданные	105

Contents

Alehin F.V. Kinofication in Khakassia 1985-1991: The Explosion of Video Rental	1
Samedova N.E. Pedagogical courses and teachers' conferences as forms of professional training for educators in the Voronezh province in the second half of the 19th century	11
Ershova T.V., Kaburov A.R. Reflection of the Beginning of World War I in the Newspaper Chronicle of Moscow	19
Galyamina A.G., Chernoverskaya T.A. The concept of revolutionary war: classical understanding vs. the concept of French military theorists	38
Samigulin M.R. Jerome Gorsej's essays on Moscovia: diplomatic reports or encyclopedic writings?	54
Timofeeva R.A., Chumak R.N. Reduced caliber ammunition of V.G. Fedorov's design from 1944-1945.	63
Sayapin V.O., Kiryushin A.N. The origins of domestic artificial intelligence: on the 70th anniversary of the manifesto of Soviet cybernetics by Sobolev, Kitov, and Lyapunov	72
Kontsevaya V.A. Chinese migration to the territory of the Russian Far East in the materials of the periodical press of the end XIX century	93
Metadata in english	105

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Алехин Ф.В. Кинофикация Хакасской автономной области в период перестройки // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.72921 EDN: XCPHIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72921

Кинофикация Хакасской автономной области в период перестройки

Алехин Федор Витальевич

ORCID: 0009-0005-0952-1018

аспирант; кафедра истории; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Главный архивист; ГКУ РХ "Национальный архив"

655009, Россия, республика Хакасия, г. Абакан, ул. Комарова, 76, кв. 162

✉ super8766@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.72921

EDN:

XCPHIO

Дата направления статьи в редакцию:

02-01-2025

Дата публикации:

05-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является процесс кинофикации в Хакасской автономной области в период с 1985 по 1991 гг. с основным упором на такое явление "видеобум" (развитие видеопроката). Также особое внимание уделяется следующим аспектам процесса кинофикации, а именно материальному состоянию отдела кинофикации, плановому развитию, показателям развития. Параллельно и в симбиозе развивался видеопрокат в области. Основными источниками данного исследования служат документы из фонда ГКУ РХ "Национальный архив" Р-336 Хакасское областное управление кинофикации" в котором содержатся: планы, отчеты, данные по личному составу, сметы, списки имущества и его движения, перспективные планы, объяснительные записки. Также использовались вырезки и заметки из газеты "Советская Хакасия", воспоминания жителей, интервью. Исследование основывается на

принципах историзма и научной объективности и строится в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. При анализе исторических источников в данной работе основными методами можно назвать: аналитический, сравнительный, статистический. В рамках данного исследования рассматривается ход кинофикации в Хакасской автономной области в период с 1985 по 1991 гг., а именно: материально-техническое состояние, репертуарное. Выявляются основные показатели периода перестройки. Рассматриваются основные проблемы связанные с стагнацией кинематографа, а также её конкуренция с новым явлением видеопроката. Выделяются основные вехи становления видеопроката в Хакасии и основное положение кинотеатров в данный период. Рассматривается основное техническое оснащение. В статье рассматривается одно из основных различий кинотеатра и видеосалона, а именно репертуар. Отмечается и то что фактически видеосалоны состояли в ведомстве отдела кинофикации. Именно объединение этих знаний из различных разрозненных источников по данной проблематике проводится впервые.

Ключевые слова:

Кинофикация, Хакасия, Перестройка, Кино, Кинотеатры, Киноустановки, Городской кинотеатр, Видеомагнитофон, Кассета, Видео клубы

Период перестройки в истории России характеризуется как время социально-политических и экономических трансформаций. Происходившие события напрямую воздействовали на всю сферу жизни общества. В том числе на процесс кинофикации. Процесс кинофикации (как и другие процессы в стране) полностью подчинялся государству, однако после начала перестройки начались серьезные изменения. Все сферы жизни страны начали меняться, это относилось и к процессу кинофикации. Данные показывают, что в период перестройки кинематограф продолжал играть важную роль в Хакасии. Использование кино как политического и культурного инструмента значительно расширяло его влияние на общественное мнение. Процесс кинофикации страны неразрывно связан с историей кино.

Как упоминал в своей статье Моисеенко А.Д. историография вопроса носит скорее разрозненный характер. В связи с этим рассматривать необходимо отдельные исследования по отдельным, специфическим вопросам процессов кинофикации^[1]. Основной проблемой для изучения кинофикации периода перестройки можно назвать проблематику неточности данных. Как пример можно назвать учет видеосалонов, которые фактически вели нелегальную циркуляцию видеокассет и поступления импортных видеомагнитофонов. Это же касается точных данных о посещении, прокате и репертуаре. Однако отсутствие точной учетной статистики, не мешает оценивать общие тенденции процесса кинофикации. Рассматривая положение кино и кинофикации в перестроечный период исследователи указывают на то что восприятие зрителями кинокартин в определенном ключе влияло на его поведение и осознание в обществе^[2]. Так Ленин в одной из бесед с А. В. Луначарским назвал кино важнейшим из искусств^[3]. Государство использовало кино в различных пропагандистских направлениях: от визуализацию текущих задач социалистического строительства до создания "образа врага". Руководство Советского Союза увидело в кино новые возможности доведения до широких масс информации, в этой связи на протяжении десятилетий своего существования советский кинематограф был эффективным инструментом пропаганды и напрямую подчинялся государству, выполняя «явные идеологические функции»^[4].

Важной же частью в распространении кинематографа был процесс кинофикации. Именно процесс распространение кинолент, строительства кинотеатров и т.д. позволял использовать данный "политический инструмент" на как можно большую аудиторию.

Фактическое положение в кинофикации в начальный период перестройки столкнулось с некоторым потолком развития. После решения Совета министров в 1971 г. о прекращении выдачи кредитов на строительство новых кинотеатров, рост киносети резко упал. В Хакасии в период 1970-х это компенсировалось развитием Саянского ТПК и необходимостью развития кинотеатров в новых городах, поселках для прибывшего населения. Однако к 1985 г. строительство новых кинотеатров сильно замедлилось. Так в Хакасии согласно отчетам Хакасского областного отдела кинофикации и Хакасского облсовпрофа к 1985 г. в ведении киноорганизаций госкино области было 105 киноустановок^[5]. Основные модели киноустановок в Хакасии 1980-х годов были: "КП-30К", "23-КПК", "МЕ-05Х", "35-КСА-13", "35-КСА-02", "КН-22", "Украина 7"^[6]. Важным этапом в данный период стало списание большого количества кинооборудования как устаревшего. Часть киноустановок утилизировалось, часть были отданы школам и профсоюзам. Всего постоянных кинотеатров в ХАО было 9, а именно : 3 в г. Абакан ("Октябрь", "Победа", "Космос"), 2 в г. Черногорск ("Россия" и "Мир"), 1 в г. Саяногорск ("Радуга"), 1 в п. Усть-Абакан ("Сибирь"), 1 в п. Ши́ра ("Юность"), 1 в п. Копьево ("Авангард").

Хоть и постройка новых кинотеатров фактически остановилась в период перестройки, кинопоказ и обслуживание зрителя проводился достаточно успешно. Так с 1985 по 1988 гг. план постоянно перевыполняли. В среднем в данный период перевыполнение составило 4-5 %.

Говоря о посещаемости кинотеатров в период перестройки можно отметить относительную стабильность. Только в 1988 г. посещаемость сильно упала (однако в данный период и план был сильно понижен по сравнению с прошлыми годами). Можно отметить, в отличии от центральной части страны где в период перестройки кинопоказ переживал кризис из-за популяризации видеопрокатов и телевидения (из-за чего посещение кинотеатров как основного вида досуга сильно упало) в Хакасской автономной области посещение кинотеатров оставалось основным способом досуга населения. Однако все же в период перестройки обслуживание зрителей сократилось. Если в 1985 г. на 1 человека приходилось 17,7 посещений кинотеатра, в 1986 г. 18,2 то к 1990 г. это значение упало до 11,3.

Таблица по валовому сбору и посещаемости кинотеатров и киноорганизаций Хакасского отдела кинофикации за период с 1985 по 1991 гг. (в тыс.)

Год	Валовый сбор (план)	Валовый сбор (факт)	Обслуживание зрителей (План)	Обслуживание зрителей (факт)
1985	1371	1544,9	4451	4830,9
1986	1457	1524	4670	4829
1987	1471	1575	4450	4842
1988	1540	1612	3525	3660
1989	1541	1616,9	4292,7	4792,1

1990	1612	1787,9	4090	4758
1991	1884	2851	3507	4550

В период с 1988 по 1991 гг. положение кинофикации и кинодерекции ХАО характеризуется сложным финансовым положением. Общее финансирование кинофикации и кинотеатров к концу 1980-х сильно уменьшилось. Почти не выделяли деньги на ремонт кинотеатров, полностью остановилось строительство новых. В 1989-1991 гг. постоянными запросами в отдел кинофикации стали просьбы киностудий в увеличении зарплатного фонда в виду израсходования лимитов^[7]. Для решения проблем принимались различные действия, такие как отмена налогов с 01.01.91, решение поднятия 10% за стаж^[8]. Однако данные меры не успели заработать в полной мере. Необходимо отметить аномально высокие сборы валового сбора в 1991 г. Не до конца понятно с чем были связаны такие высокие сборы при не сильном изменении посещений. Основной причиной можно назвать поднятие цен на билеты и снятие налога на фильмы. Однако превышение плана на 152% является наивысшим показателем за весь период перестройки.

Важно отметить процессы которые происходили параллельно процессу кинофикации, а именно зарождения сети видеосалонов на территории ХАО.

До перестройки Советское государство активно боролось с нелегальной видеопродукцией – штрафовали владельцев, изымалась аппаратура и фильмы, а наличие у кого-либо видеоманитфона рассматривалось как преступление. Напротив, во многих развитых странах капиталистического мира домашний просмотр видео стал обыденностью, поскольку первая видеоаппаратура появилась там намного раньше: 4 марта 1956 г. видеоманитфон «Amrex» (США); 24 июня 1963 г. первый бытовой магнитофон «Telcan» (Великобритания); 7 июня 1969 г. кассетный магнитофон «Sony» (Япония). Менее чем за полвека за «железным занавесом» сменилось несколько поколений видеотехники, снизились цены, а сам ассортимент видеопродукции стал более доступен. Напротив, в отечественных СМИ нередко отмечалось: «на свою зарплату среднеоплачиваемый японец может купить два видеоманитфона. У нас же совсем другая картина»^[9].

Первый советский бытовой кассетный видеоманитфон формата VHS «Электроника ВМ-12» (на производстве с марта 1989 г.) выпускался с трех производственных объединений в Ленинграде, Львове и Воронеже, но их общий объем продукции был настолько мал, что для многих советских людей купить отечественный видеоманитфон было практически невозможно. В Москве, Ленинграде и многих других крупных городах люди записывались в многотысячные очереди на год вперед, прежде чем стать обладателями вожделенной видеоаппаратуры. Электроника ВМ-12 разрабатывался на основе "Panasonic NV-2000". Технология (как и закупочные оборудование) частично были куплены в Японии. Вес устройства составлял порядка 4 кг. Цена же устройства составляла 1200 рублей.

Из-за высокой цены видеоманитфон и видеокассеты к нему в Советском Союзе могли приобрести далеко не все, данное обстоятельство побудило предприимчивых обладателей видеоаппаратуры к созданию видео кооперативов видеосалонов, в которых собирались зрители, которые за определенную плату смотрели тот или иной фильм. Государственная позиция была неоднозначной, поскольку, с одной стороны, видеопрокат способствовал развитию предпринимательства, с другой - вносил западные

элементы в жизнь и мышление советских граждан. Также текст освещает тему видеопиратства и отношение к ней различных участников - западных правообладателей, советских властей и самих граждан.

Во второй половине 80-х годов произошла кардинальная смена мировоззрения в области кинокритики и киножурналистики. Мировое кино стало доступно большому количеству людей благодаря видеосалонам и домашнему видео.

Журнал «Советский экран» активно участвовал в обсуждении всех этих изменений, затрагивая темы как развития технологий и условиях видеопроката, так и правовые и идеологические аспекты процесса.

На страницах газеты «Советская Хакасия» обсуждалась проблематика распространения видеоаппаратуры в Хакасской автономной области. К примеру, в одной из статей автор обращает внимание на перспективы и проблемы видеоиндустрии, что подчеркивает и ее название «Видеогрёзы и видеослёзы»^[10]. В особенности оборот видеокассет в основном строился на взаимном обмене из-за большой дороговизны. По воспоминаниям современников «пустая кассета» не имеющая на себе видеофильма стоила 50 рублей. С записью – от 100 до 150 рублей».

Их дороговизна мотивировала владельцев видеоаппаратуры к созданию частных, «подпольных» видеосалонов. В статье отмечается: «Многие и пытаются как-то окупить издержки – организуют домашние сеансы или более официально, через кооперативы».

Репертуар видеосалонов ежедневно менялся, но основными жанрами были: мультфильмы (например частым явлением были марафоны «Тома и Джери»), боевики («Рэмбо», фильмы с Брюсом Ли, Джеки Чаном, Арнольдом Шварценеггером, Чаком Норрисом и многие другие). Кроме того, только для взрослой аудитории в вечернее время на экранах видеосалонов демонстрировалась и эротика.

Жанр экшена (Action с англ. действие) сильно привлекал советского зрителя. Основной причиной можно назвать интерес к западному образу жизни. Сама возможность заглянуть за «железный занавес» хоть и с помощью кино привлекал многих. Следующим главным фактором популярности именно экшен фильмов была легкость восприятия. В сюжетном плане боевики не были сложны и отсутствие перевода или его «кустарность» не мешало понимать основную линию сюжета. Необходимо отметить и то, что американские (а позже и китайские) боевики выглядели намного эффектнее и зрелищнее аналогичных советских.

На страницах областных СМИ отмечается: «возглавили кооперативы люди предприимчивые, с хорошей коммерческой хваткой. Поэтому у них на первом месте оказалось не искусство, а деньги»^[11].

7 апреля 1986 г. распоряжением Совета Министров РСФСР было официально разрешено открывать видеосалоны, видеозалы, пункты проката видеокассет, но по мнению некоторых исследователей, поток «пиратской кинопродукции и рост числа видеоклубов по интересам остановить было уже невозможно»^[12].

Открывались видеосалоны и на территории Хакасской автономной области. По словам абаканского журналиста В. Мельникова, первый видеосалон в Абакане открылся в одной из «девятиэтажек около магазина «Юбилейный» по улице Пушкина году этак в 1988 году»^[13].

Монополистом видеосалон оставался недолго, через пару месяцев после его открытия в столице Хакасии состоялось открытие сразу несколько подобных точек, «они открывались повсюду: в подвалах, гостиницах, подсобных помещениях учреждений, барах и кафе, на вокзалах и в аэропорту. Современники вспоминают, что это «было, как правило, небольшое, тесное помещение с рядами стульев и обычным телевизором, стоящим на возвышении: чтобы всем было видно. Билет на сеанс в среднем стоил один рубль. Работать видеосалоны обычно начинали после обеда, хотя некоторые владельцы практиковали и утренние сеансы, что было очень кстати для школьников-прогульщиков. Заканчивали они свою работу далеко за полночь»^[14].

Одним из приоритетных направлений деятельности, отраженным в делопроизводственной документации и протоколах заседания правления Объединения молодежных клубов и предприятий ГК ВЛКСМ г. Абакан (далее ОМКиП – прим. автора) в области культуры являлись услуги видеосалонов. К примеру, 25 августа 1988 г. правление ОМКиП акцентировало особое внимание на явную необходимость «вести четкий контроль за работой видеосалонов»^[15]. На заседании инициативной группы ОМКиП 25 февраля 1988 г. обсуждалась экономическая выгода деятельности видеосалонов из-за большого спроса на их услуги.

В постановлении заседания инициативной группы ОМКиП отмечалось: «для создания материально-технической базы ОМКиП и быстреего появления на счету организации денежных средств предложить организовать 1-2 видеосалона путем заключения договора с заинтересованными людьми, которые будут работать на собственной аппаратуре»^[16]. 27 октября 1988 г. на заседании правления ОМКиП обсуждался ряд вопросов, связанных с деятельностью видеосалонов. Особое внимание было уделено предложению открыть видеобар при Абаканском филиале Красноярского педагогического института, видеосалон «Сибирь», в подвальном помещении одноименного магазина. Таким образом, в годы перестройки при ОМКиП успешно функционировали видеосалоны «Союз» под руководством А.В. Тамерканта, «Грот» под руководством Е.Н. Шмарай и видеобар «Сириус».

Финансовые отчеты свидетельствуют о высокой рентабельности данных заведений, а основной аудиторией являлась учащаяся молодежь. Помимо этого, при Областном доме культуры работал видеосалон с двумя залами, в нём проводились мероприятия и занятия клубов^[17]. Следует отметить, что деятельность видеосалона ОДК входила в перечень платных услуг приносящих наибольшую прибыль (план 6000 р. / факт 11300 р.)^[18], что подтверждает популярность данных заведений в обществе. Раздел объявлений областных СМИ в исследуемый период зачастую заполнен приглашениями на сеансы просмотры импортного видео (производства США, Италии, Китая и т.д.) в различные видеосалоны. К примеру, в 1989 г. абаканцев регулярно приглашали в видеосалоны при ОДК, при кинотеатре «Космос», при Дворце спорта профсоюзов^[19]. Стоит отметить, что концентрировались видеосалоны не только в городах Хакассской автономной области. К примеру, первый секретарь окружного комитета ВЛКСМ В. Байков в материалах для пресс конференции со СМИ, назначенной на 15 октября 1988 г., говорил об успешной деятельности видеокооперативов при Алтайском и Аскизском районных комитетах ВЛКСМ. Кроме того, секретарь выдвинул инициативу создания крупного видеокооператива – «кооперативного досугового центра» при областном комсомоле^[20].

Яркой реакцией на распространение видеопродукции стала статья в областной газете

«Советская Хакасия» директора Хакасской областной детской библиотеки С. Надыкто в которой поднимала проблему ухода молодежи из библиотеки в видео. Поскольку на место основного источника информации – книги – пришли другие: телевизор, радио, магнитофонные записи – обычные, а теперь еще и видео. Появилось целое поколение «телевизионных» родителей, которые, не испытывая никакого интереса к чтению, в том же духе воспитывают своих детей»^[21].

Однако влияние вид на кинотеатры было. Так кинодирекция кинотеатра «Радуга» г. Саяногорск в служебной записке указывалось, что в г. Саяногорск находится 23 видеосалона, а также 7 домов были подключены к кабельному телевидению. Ссылаясь на данные обстоятельства, они просили снизить планы по валовому сбору для их кинодирекции и подведомственных учреждений.

Положение кинофикации в период перестройки можно охарактеризовать как период равномерного функционирования. В отличие от предыдущих годов, расширение киносети шло в качественную сторону (если раньше нарастание киноустановок шло в количественном качестве то в 1980-х в первую очередь ставился вопрос качества оборудования). Это также связано с тем что к 1985-г. Киносеть в ХАО была сформирована, новые кинотеатры не строились из-за отсутствия финансирования, киноустановки лишь модернизировали или заменяли. Однако к концу 1980-х экономическая ситуация в стране сильно ударила по кинодирекциям. Повышающиеся планы часто выполняли благодаря Абаканским, Черногорским кинотеатрам, когда кинодирекция в более маленьких городах сталкивалась с трудностями в выполнении плана. Параллельно этим процессам в конце 1980-х в ХАО появляются первые видеосалоны которые все больше вызывают интерес у граждан, а в некоторых городах вызывают высокие опасения в конкуренции с кинотеатрами. Основными преимуществами таких видеосалонов в первую очередь был репертуар фильмов. Большое жанровое разнообразие западных фильмов находилось вне конкуренции по сравнению с репертуаром кинотеатров. Из-за удаленности от центров сбыта видеопроекторов, их большой цены и сложностью получения видеокассет хакасская сеть видеосалонов была небольшой и сильно увеличилась она лишь в 1990-е гг., однако свое зарождение она получила в период перестройки.

Библиография

1. Моисеенко А.Д. Перестройка видеододела (1985-1988): государственный контроль и его ограничения // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 159. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-3-157-172. EDN: IKSJUH.
2. Соин Я.Я. Отечественный кинематограф рубежа XX-XX вв. и его влияние на культуру повседневности // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2019. Т. 2. С. 357. EDN: BXTQDQ.
3. Луначарский А.В. Беседа с В.И. Лениным о кино // Самое важное из всех искусств. Ленин о кино. М., 1973. С. 164.
4. Цымбал Е.В. Кинематография - пример успешного сотрудничества // Мир перемен. 2004. № 1. С. 153. EDN: RDVDOL.
5. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.
6. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 131. Лл. 49-50.
7. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 162. Лл. 4, 5, 6.
8. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.
9. Крюков Г. Видеогрезы и видеослезы // Советская Хакасия. 1988. 6 сентября. № 205 (16248). С. 3.
10. Крюков Г. Видеогрезы и видеослезы // Советская Хакасия. 1988. 6 сентября. № 205

(16248). С. 3.

11. Крюков Г. Видеогрезы и видеослезы // Советская Хакасия. 1988. 6 сентября. № 205 (16248). С. 3.

12. Разлогов К.Э. Метаморфозы киноclubного движения вчера и сегодня // Наука телевидения. 2021. Т. 17. № 2. С. 263. DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.2-241-271. EDN: ANPPVN.

13. Как жители Хакасии во времена СССР приобщались к зарубежному кино? // Рекламно-информационная газета "ШАНС". URL: <https://clck.ru/gecju> (дата обращения: 19.04.2022).

14. Как жители Хакасии во времена СССР приобщались к зарубежному кино? // Рекламно-информационная газета "ШАНС". URL: <https://clck.ru/gecju> (дата обращения: 19.04.2022).

15. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. П-30. Оп. 45. Д. 6. Л. 5.

16. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. П-30. Оп. 45. Д. 6. Лл. 2-3.

17. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

18. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

19. Абаканская торговая реклама // Советская Хакасия. 1989. 9 августа. № 183 (16526). С. 4.

20. ГКУ РХ "Национальный архив". Ф. П-12. Оп. 4. Д. 19. Л. 51.

21. Надыкто С. Праздник в дом // Советская Хакасия. 1989. 14 июля. № 162 (16505). С. 3.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Кинофикация в Хакасии 1985-1991 гг.: Взрыв видеопроката» представляет собой обращение к потенциально интересной теме трансформации советской зрелищной индустрии в период перестройки, что открывает возможность анализа экономических, культурных, социальных изменений позднесоветского периода на региональном материале. К сожалению, автор элементарно не справляется с задачей, поставленной в заглавии текста. «Кинофикация в Хакасии 1985-1991 гг.: Взрыв видеопроката» подразумевает рассмотрение процесса региональной кинофикации в динамике на протяжении шести лет, с начала перестройки и до распада СССР. Автор приводит определенные (очень краткие) данные по состоянию советского кинопроката в регионе в 1985-1986 гг., то есть в самом начале данного периода, и этим ограничивается. Задача последовательного рассмотрения развития кинофикации в Хакасии на протяжении указанного периода не решена, выводы по принципиальному отличию уровня кинофикации в 1991 по сравнению с 1985 г. не сформулированы. Текст распадается на много сюжетных фрагментов, которые не складываются в цельную завершённую картину. «Взрыва видеопроката», указанного в заголовке, в данный период не могло быть по определению т.к. видеопрокат подразумевает широкое распространение видеомagneтофонов среди населения, что имело место уже в 1990-ые гг., но никак не во второй половине 1980-ых гг. Автор сам указывает на дороговизну и дефицитность видеотехники и дороговизну видеокассет, в тексте же упоминаются видеосалоны, то есть пункты показа, но не проката; судя по финальной части текста, автор эту разницу не очень понимает и продолжает называть видеосалоны видеопрокатом. Собственно региональный компонент в тексте занимает небольшую часть, в основном автор описывает хорошо известные социокультурные процессы

общесоюзного масштаба. В попытке описать новые тенденции в кинофикации, автор с одной стороны указывает среди источников архивные материалы, с другой стороны - в большей степени опирается на одну статью 1988 г. и одну современную анонимную онлайн-публикацию. Приводимые автором цифры доходов официального кинопроката и видеосалонов трудно каким-либо образом интерпретировать т.к. цифры по кинопрокату приводятся за 1986-1987 гг., а прибыль по видеосалонам указана без даты, но явно после 1987 г. Стиль текста регулярно переходит в газетно-публицистический («Рынок заполнили кассеты не только с шедеврами мирового киноискусства, но и с откровенным кино-мусором, бесчисленными боевиками, ужасом и порнографией. Обветшалый внешний вид некогда популярных храмов кинематографа и отсутствие проката привели к тому, что они были вытеснены видеосалонами»). Автор, в отступление от заявленной темы, разбрасывается на множество разнообразных сюжетов (история развития бытовой видеотехники, жанровая специфика репертуара видеосалонов). Многие авторские мысли сформулированы недостаточно ясно и корректно: «необходимость контроля за видеосалонами и легальное регулирование их деятельности свидетельствуют о неготовности властей полностью принять новые реалии», «Видеобум» добрался и до официальных источников (это автор имеет в виду кинотеатры), «В период перестройки в Советском Союзе, особенно в 1985-1991 годах» (перестройки за пределами этих временных границ не существовало) и т.д. Какие-либо внятно сформулированные выводы, выходящие за пределы общеизвестных общесоюзных тенденций, отсутствуют. Статья рекомендуется к глубокой переработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению процесса кинофикации Хакасской автономной области в эпоху перестройки. Автор рассматривает динамику развития сети кинотеатров, использование кинематографа как средства политической пропаганды и культурное воздействие кино на население региона. Основное внимание уделяется изменениям в структуре киноинфраструктуры, трансформации зрительских предпочтений и появлению альтернативных форм кинопросмотра — видеосалонов.

Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ документов Национального архива Республики Хакасия, публикаций газетных изданий («Советская Хакасия») и материалов отраслевых журналов («Советский экран»). Автором использованы методы исторического анализа, сравнительного сопоставления наблюдений, обработки статистических данных.

Работа имеет высокую степень актуальности, поскольку раскрывает важные аспекты культурной политики государства на региональном уровне, показывает механизмы воздействия кинематографа на массовое сознание и социальные последствия внедрения новых видов медиа, таких как видеосалоны. Исследование позволяет глубже понять социальную ситуацию в период политических преобразований конца советской эпохи.

Автор впервые детально изучает процесс кинофикации и развитие системы показа фильмов в Хакасии периода перестройки. Анализируется состояние инфраструктуры кинопоказа, динамика посещаемости кинотеатров и возникновение нового феномена — видеосалонов. Особый вклад заключается в выявлении влияния экономической ситуации и социальной среды на изменение культурных практик жителей региона.

Структура статьи последовательна и логична. Список источников и литературы включает широкий спектр источников: монографии, диссертации, материалы научных

конференций, региональные издания и архивные документы. Хотя число использованных источников ограничено, их качество и надежность обеспечивают достаточную доказательную базу для выводов. Можно порекомендовать расширить библиографию работами зарубежных авторов.

Работа глубоко погружается в историю кинофикации Хакасии, иллюстрируя связь между политическими изменениями и культурными преобразованиями в провинции. Использование широкого спектра архивных материалов и региональных печатных изданий придаёт исследованию дополнительную достоверность и оригинальность. Выводы статьи имеют прикладное значение для понимания динамики социальных процессов и культурных перемен в регионах России. К сожалению, недостаточно внимания уделено сравнению состояния кинофикации в Хакасии с ситуацией в соседних областях или республиках Советского Союза. Такое сравнение могло бы выявить уникальные черты местной спецификой.

Главный вывод статьи заключается в том, что в период перестройки система кинофикации сохранилась, несмотря на экономические трудности, но претерпела качественные изменения. Возникновение видеосалонов привело к значительным сдвигам в культуре просмотра фильмов, оказав значительное влияние на предпочтения зрителей и формирование новой эстетики потребления кино. Этот вывод представляется вполне обоснованным и подкрепленным богатым фактическим материалом.

Статья представляет определенный интерес для специалистов-историков, возможно, социологов, культурологов и журналистов, занимающихся вопросами массовой культуры и региональной истории позднесоветского периода. Будет также полезна студентам вузов, изучающим советскую историю и культуру.

Учитывая хорошее качество проведенного исследования, богатый источниковый материал и актуальность темы, статья «Кинофикация Хакасской автономной области в период перестройки» заслуживает публикации в специализированном журнале «Genesis: исторические исследования», публикация обогатит корпус знаний о региональном развитии кинематографа в советское время и послужит основой для дальнейших экспертных дискуссий.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Самедова Н.Э. Педагогические курсы и учительские съезды как формы профессиональной подготовки педагогов в Воронежской губернии во второй половине XIX в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74707 EDN: YOLZYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74707

Педагогические курсы и учительские съезды как формы профессиональной подготовки педагогов в Воронежской губернии во второй половине XIX в.

Самедова Нателла Эльнуровна

аспирантка, кафедра истории России, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ samedova.natella@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74707

EDN:

YOLZYE

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2025

Дата публикации:

08-06-2025

Аннотация: Профессия учителя в настоящее время требует постоянного повышения квалификации, обновления знаний, а также гибкости в усвоении новых методов преподавания. Непрерывное обучение, объясняющееся ускоряющимся процессом устаревания знаний в постоянно обновляющемся информационном поле, сегодня является не только правом педагогического работника, но и обязанностью, закрепленной в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Систематическое повышение профессионального уровня учителя в настоящее время возможно посредством прохождения педагогических курсов любой тематической направленности, разной продолжительности, очно или дистанционно, в любом регионе России. Безусловно, такие возможности у учителя были не всегда. Дефицит

педагогических работников и их низкая компетентность, недостаток профессиональных учебных заведений для их подготовки во второй половине XIX в. оказывали влияние не только на общий уровень грамотности населения России, но и на дальнейшие процессы модернизации империи. Именно тогда, в 60-70-е гг. XIX в., педагогические курсы и учительские съезды стали нестандартным решением в деле подготовки учительских кадров для начальных учебных заведений. Изучение их истории на региональном уровне позволяет представить более наглядную картину того, с какой скоростью и каким образом власть и общество решали проблемы дефицита педагогических кадров. На основе проведенного исследования было выявлено, что вопросы складывания таких форм профессионального педагогического образования, как педагогические курсы и учительские съезды в Воронежской губернии, несмотря на имеющийся пласт исследовательских работ, нуждаются в дальнейшем рассмотрении с привлечением малоизвестных исторических источников. Автор приходит к заключению, что незначительные затраты на финансирование педагогических курсов и учительских съездов, и возможность в краткие сроки подготовить квалифицированных специалистов определили их популярность. Результатом их работы стало заметное улучшение качества подготовки учителей и увеличение их численного состава. В настоящей работе были использованы сравнительно-исторический, описательный и каузальный методы исследования.

Ключевые слова:

Воронежская губерния, педагогические курсы, учительские съезды, профессиональная подготовка, учительская семинария, школа, профессия, учитель, преподавание, знания

Великие реформы 1860-х годов подтолкнули Российскую империю к индустриальному развитию, но вместе с тем привели ее к необходимости осуществлять профессиональную подготовку большего количества специалистов, востребованных в разных отраслях народного хозяйства. Однако, для формирования сильного кадрового потенциала страны в первую очередь нужны были квалифицированные педагоги, способные осуществлять свою профессиональную деятельность в образовательных учреждениях, численность которых, благодаря либеральным реформам Александра II, неуклонно росла. В исследуемый исторический период в стране наблюдался острый кадровый дефицит педагогов, особенно в сельской местности. Еще одним препятствием в деле получения качественного образования населением России являлся низкий уровень компетентности учителей. Некоторые представители образованной российской интеллигенции, не говоря уже о простом народе, считали, что учителем мог быть всякий грамотный человек и для этой профессии «не только большой, но и никакой науки не нужно»^[1]. Исследование Т. Н. Чернобоевой по истории педагогического образования выявило, что большая часть всех учителей Воронежской губернии (примерно 35%) во второй половине XIX в. даже не имели специального образования^[2]. И все же в начале 60-х гг. XIX в. многие деятели, связанные с образованием и интересующиеся школьным делом, «чувствуют равно недостаток нравственного и практического направления в современном образовании»^[3]. Такое положение дел в образовательной сфере диктовало необходимость немедленного решения вышеупомянутых проблем в кратчайшие сроки.

Система педагогического образования Российской империи начала формироваться со второй половины XIX в. Важную роль в этом процессе сыграли Главный педагогический

институт (Санкт-Петербургский университет), Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге, педагогические классы в гимназиях, учительские семинарии, педагогические институты, учреждавшиеся при университетах, Историко-филологический институт князя Безбородко, а также педагогические курсы и учительские съезды. Ставший острым во второй половине XIX в. вопрос подготовки учителей для начальной народной школы был решен нестандартным образом — через организацию педагогических курсов и учительских съездов. Выполнить эту важную задачу взялись земские учреждения, созданные по Положению 1864 г.

Анализ проблемы исследования позволил прийти к выводу, что во второй половине XIX в. большая часть учителей Воронежской губернии готовилась через курсовую подготовку. По сравнению с другими формами профессиональной подготовки педагогов, например, педагогическими институтами и учительскими семинариями, педагогические курсы и съезды не требовали больших материальных и временных затрат на свою организацию и содержание. Это и повлияло на их востребованность в тот исторический период.

Первые педагогические курсы как форма постоянной подготовки учителей были открыты в Российской империи в 1864 г. Важную роль в их организации сыграли органы местного самоуправления. Правительственная политика по отношению к педагогическим курсам, а также учительским съездам в разные исторические периоды меняла свой вектор направленности. Так, до 1882 г. власть предоставляла их организацию земствам, а с 1883 по 1888 г. отношение к учительским курсам и съездам сильно изменилось в сторону их запрета. В 90-е гг. XIX в. практика проведения учительских курсов возродилась, но под строгим контролем чиновничьего аппарата.

Вопрос об открытии педагогических курсов в Воронежской губернии был поставлен воронежским гласным П. П. Готовым в 1866 г. на губернском земском собрании^[4]. Он высказал свое убеждение, что именно земство должно заниматься вопросами подготовки народных учителей, которых катастрофически не хватало в сельской местности. Данная инициатива была поддержана директором Воронежской губернской гимназии А. Ф. Сцепурой. В 1867 г. была образована специальная комиссия по разработке положения о педагогических курсах, организуемых в губернии. В подготовленном положении фиксировалось, что курсы должны были быть двухгодичными и двухклассными, а цель их организации заключалась в профессиональной педагогической подготовке обучающихся.

В 1867 г. было получено разрешение от попечителя Харьковского учебного округа о проведении первых педагогических курсов в Воронеже на основании «Правил о педагогических курсах» Министерства народного просвещения. Первые педагогические курсы в Воронеже были организованы при Воронежской губернской гимназии в 1868 г. Право на обучение могли получить лица не моложе 16 лет, окончившие городское, уездное, духовное училища или другие учебные заведения^[5]. На педагогических курсах изучались как общие дисциплины, так и специальные, такие как педагогика, дидактика, психология. Значимое место в системе подготовки учителей на педагогических курсах отводилось практическим занятиям в школе. На первом году обучения курсисты должны были посещать уроки в приходском училище, знакомясь с методикой преподавания и учебно-воспитательной организацией в школе. На втором году им предстояло проходить практику и самостоятельно проводить занятия. Лучшие ученики курсов получали стипендии, которые в 1872 г. составляли 6 руб. 25 коп.^[6] Плата преподавателям

педагогических курсов варьировалась от 15 до 25 руб. в месяц в зависимости от предмета и часовой нагрузки. Так, учитель математики К. П. Захаров зарабатывал 25 руб. в месяц ^[7].

Выпускники курсов получали свидетельство учителя начальных народных училищ и обязаны были по своей профессии отработать не менее двух лет в школе. Но по тем или иным причинам, не всем ученикам удавалось окончить курсы. «Педагоги-ученики (слушатели курсов — авт.) очень часто пропускали уроки, особенно взрослые, желавшие погулять...» ^[8] В начале работы педагогических курсов выпускников было немного. В 1870 г. их численность составляла всего девять человек из пятнадцати поступивших, но

позднее число окончивших курсы неуклонно стало расти ^[9]. К в 1876 г. двадцать один человек полностью окончил педагогические курсы. Безусловно, для всей губернии такого количества народных учителей не хватало. Кроме этого, многие видные воронежские педагоги, например Н. Ф. Бунаков, критиковали программу курсов, как не предоставляющей глубокую педагогическую подготовку. Поэтому в 1872 г. дворянский гласный И. А. Лисаневич на заседании губернского земского собрания предложил произвести реорганизацию курсов и учредить III класс для более полноценной, системной подготовки учителей. В этом же году Воронежская губернская земская управа ходатайствовала перед попечителем Харьковского учебного округа об открытии III класса педагогических курсов. Однако попечитель сообщил, что данный вопрос должен решаться через губернатора: «... имею честь уведомить, что я не признаю себя вправе представить Министру народного просвещения ходатайство Воронежского Земства об открытии III класса педагогических курсов при Воронежской губернской гимназии и расширении программ преподавания в сих курсах соответственно программ учительских семинарий, так как Земские учреждения на основании ст. 2 и ст. 68. Положения о сих учреждениях могут представлять высшему Правительству свои ходатайства и заключения по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд не иначе, как через Губернаторов.» ^[10]

Не получив положительного ответа на свой запрос, губернская земская управа почерпнула из письма попечителя ценный совет, суть которого заключалась в необходимости подготовить подробный проект учреждения III класса с указанием источников его финансирования до момента обращения с данным предложением к губернатору. Курсы планировалось построить по программе учительской семинарии. Однако, подготовленный проект не был одобрен из-за идентичности целей и образовательной программы курсов учительской семинарии, что противоречило существовавшим нормам. Министерство народного просвещения предложило в будущем преобразовать педагогические курсы в учительскую семинарию, которая была открыта в 1875 г. в Воронеже. Через год при ней состоялись краткосрочные педагогические курсы.

С 70-х гг. XIX в. на место педагогических курсов на некоторое время пришли губернские учительские съезды, ценность которых, по мнению большинства педагогических деятелей, была выше. На съездах учителям, помимо классического усвоения информации через лекционный процесс, удавалось обсуждать наиболее сложные случаи из их педагогической практики, обмениваться эффективными методами и приемами работы, узнавать современные тенденции в педагогике. На курсах же слушатели в основном пассивно воспринимали информацию от лектора. Стоит отметить, что в документах того периода понятия «учительские съезды» и «краткосрочные курсы» (или «временные педагогические курсы») носили синонимичное значение ^[11]. Основная цель съездов, как подчеркивалось в ряде нормативных актов, была идентичной

краткосрочным курсам — «... педагогические курсы для учителей народных училищ имеют одинаковую цель с педагогическими съездами учителей, а именно: ознакомить наставников училищ с новейшими приемами начального обучения.»^[12]

Земство Воронежской губернии до организации первых съездов в г. Воронеже выступало с инициативой допуска к учительским съездам всех интересующихся вопросами педагогики и, в целом, сферой образования: «Признавая, что съезд учителей может принести пользу не только учителям, но и всем интересующимся делами народного и начального образования признано необходимым лекции на съездах учителей, практические занятия в школе, сделать публичными, для чего озаботиться приисканием соответствующего помещения и установлением порядка посещений лекций.»^[13]

Однако, на практике, на съезды отправляли и допускали тех, кто имел непосредственное отношение к школе. Уезды Воронежской губернии готовили списки своих наиболее активных и заинтересованных сельских учителей, и отправляли их в Воронежскую губернскую земскую управу: «Вследствии отношения от 5 минувшего марта за № 2473, Уездная Земская Управа имеет честь уведомить Губернскую Управу, что на съезды сельских учителей в г. Воронеж имеют быть командированы от Острогожского уезда семь человек ...»^[14] Так, к примеру, Валуйская уездная земская управа в 1874 г. направила на педагогический съезд восемь человек: «Список учителей народных сельских училищ Валуйского уезда, командируемым в г. Воронеж на время съезда:

Учителя, командируемые на счет Губернского Земского сбора:

1. Гавриил Попов.
2. Павел Попов.
3. Иван Гальский.
4. Илья Осьмачкин
5. Василий Путинцев.

Учителя, командируемые на счет Уездного сбора:

1. Александр Лукин.
2. Александр Мишковский.
3. Николай Черницкий.»^[15]

Первый всероссийский учительский съезд прошел в 1872 г. в Москве, а в 1873 г. было принято решение о проведении первых учительских съездов в Воронеже. Для проведения съездов учителей использовались различные здания учебных заведений губернии. Директора учительских семинарий, на базе которых организовывались съезды, должны были осуществлять за ними надзор: «...наблюдение за съездами, открываемыми при правительственных учительских семинариях, и представление отчетов о результатах съездов должно быть возлагаемо на директоров упомянутых семинарий, вместо инспекторов народных училищ.»^[16]

Одним из ярких участников учительских съездов был педагог-новатор Н. Ф. Бунаков. К моменту организации первых воронежских съездов, российскому «учителю учителей»

удалось принять руководство двумя десятками учительских съездов и курсов по всей России. Воронежская губернская управа и училищный совет пригласили его быть руководителем и составителем программы воронежского педагогического съезда: «Во исполнение постановления Губернского Земского Собрания об открытии учительского съезда в 1874 г. в г. Воронеже, Губернская Земская Управа пригласила к обсуждению распоряжений по сему предмету членов Губернского Училищного Совета от Земства и г.

Бунакова, принимающего на себя руководство съездом...»^[17] Но через некоторое время Николай Федорович дискредитировал себя в глазах правительства как лицо политически неблагонадежное, в связи с не раз озвученной им точкой зрения о необходимости радикальных изменений государственного строя и народной жизни. Попечитель Харьковского учебного округа не допустил российского педагога до руководства съездом. Эта ситуация и повлияла на то, что съезд учителей в Воронеже прошел позднее, а именно в 1875 г.

Кроме Н. Ф. Бунакова большую роль в организации и руководстве курсами и съездами в Российской империи сыграли такие талантливые русские педагоги, как В. И. Водовозов, А. П. Киселев, Д. И. Тихомиров, В. П. Вахтеров и многие другие.

Педагогические курсы и учительские съезды стали одной из важных форм профессиональной подготовки педагогических кадров, а 60-70-е гг. XIX в. — наиболее плодотворным для их развития временем. Незначительные затраты на их финансирование и возможность в краткие сроки подготовить квалифицированных специалистов определили их популярность. Результатом работы как педагогических курсов, так и съездов стало заметное улучшение качества подготовки учителей и увеличение их численного состава.

Библиография

1. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Книга по Требованию, 2018. С. 107.
2. Чернобоева Т. Н. История становления и развития педагогического образования в г. Воронеже (вторая половина XIX - первая треть XX вв.): дис. ... истор. наук. Воронежский государственный педагогический университет. Тамбов, 2008. С. 32.
3. Чернобоева Т. Н. История становления и развития педагогического образования в г. Воронеже (вторая половина XIX - первая треть XX вв.): дис. ... истор. наук. Воронежский государственный педагогический университет. Тамбов, 2008. С. 33.
4. Пыльнев Ю. В. История народного образования Воронежского края (конец XVII - начало XX века): монография. Калининград: Аксиос, 2012. С. 489.
5. Чернобоева Т. Н. История становления и развития педагогического образования в г. Воронеже (вторая половина XIX - первая треть XX вв.): дис. ... истор. наук. Воронежский государственный педагогический университет. Тамбов, 2008. С. 39.
6. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 257. Л. 16.
7. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 257. Л. 17.
8. Пыльнев Ю. В. История народного образования Воронежского края (конец XVII - начало XX века): монография. Калининград: Аксиос, 2012. С. 489.
9. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
10. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 257. Л. 38-39.
11. Пыльнев Ю. В. История народного образования Воронежского края (конец XVII - начало XX века): монография. Калининград: Аксиос, 2012. С. 500.
12. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 16 (об.).
13. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 15 (об.).

14. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 29.
15. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 28.
16. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 36 (об.).
17. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 476. Л. 15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Великие реформы Александра II настолько перевернули повседневную жизнь российского общества, что по отношению к ним дореволюционные историки выделяли дореформенный и пореформенный периоды. Промышленный переворот в дотоле невиданных в империи размерах вызвал растущую потребность в профессиональных кадрах, при этом особая потребность была в педагогических кадрах.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются педагогические курсы и учительские съезды как формы профессиональной подготовки педагогов в Воронежской губернии во второй половине XIX в. Автор ставит своими задачами показать систему подготовки педагогических кадров в рассматриваемый период, проанализировать результаты работы педагогических курсов и съездов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать работу педагогических курсов и съездов в Воронежской губернии. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Источниковая база статьи включает в себя документы из фондов Государственного архива Воронежской области. Из используемых исследований укажем на работы Ю.В. Пыльнева и Т.Н. Чернобаевой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения образования в Воронежском крае. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как образованием в целом, так и образованием в Воронежской губернии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что во второй половине XIX в. в стране наблюдался острый кадровый дефицит педагогов, особенно в сельской местности, при этом даже имевшиеся педагогические кадры не отвечали требованиям времени. В работе показано, что такие талантливые педагоги, как Ф.Н. Бунаков, В.И. Водовозов, А.П.

Киселев, Д.И. Тихомиров, В.П. Вахтеров сыграли «большую роль в организации и руководстве курсами и съездами в Российской империи». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, если «Первый всероссийский учительский съезд прошел в 1872 г. в Москве», то уже в 1873 г. было принято решение о проведении первых учительских съездов в Воронеже. Автор делает вывод, что «педагогические курсы и учительские съезды стали одной из важных форм профессиональной подготовки педагогических кадров, а 60-70-е гг. XIX в. — наиболее плодотворным для их развития временем».

Главным выводом статьи является то, что «результатом работы как педагогических курсов, так и съездов стало заметное улучшение качества подготовки учителей и увеличение их численного состава».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть замечание: в библиографии не должны указываться ссылки на страницы, это согласно требованиям указывается непосредственно в тексте статьи. Читательской аудитории было бы интересно сравнить положение с педагогическим образованием в соседних с Воронежской губернией регионах.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ершова Т.В., Кабуров А.Р. Отражение начала Первой мировой войны в газетной хронике Москвы // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. С. 19-37. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74211 EDN: ZYKPYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74211

Отражение начала Первой мировой войны в газетной хронике Москвы

Ершова Тамара Витальевна

доктор исторических наук

профессор; институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 к. 3

✉ ErshovaTV@mgpu.ru

Кабуров Артемий Равильевич

аспирант; институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет
Учитель истории и обществознания; ГБОУ Романовская школа

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 к. 3

✉ artem.kaburov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74211

EDN:

ZYKPYN

Дата направления статьи в редакцию:

24-04-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Объектом исследования является российская периодическая печать в годы Первой мировой войны. Предметом исследования является содержание московских ежедневных газет, отражающее их реакцию на начало Первой мировой войны. Авторами проанализированы выходившие в первые дни после объявления войны номера трёх

крупнейших ежедневных газет, издававшихся на тот момент в Москве («Московские ведомости», «Русские ведомости», «Утро России»). Привлечённые газеты принадлежат к различным течениям общественной мысли, что особенно важно учитывать при изучении общественного мнения в контексте войны. Выбранный для исследования материал демонстрирует как общие, так и различные элементы в оценках московской прессой начавшегося конфликта. В ходе исследования выявлены акценты, свойственные каждому привлечённому изданию, выделен затрагиваемый газетами в первые дни войны круг сюжетов, который позволяет судить о высоком уровне разнообразия в освещении событий конца лета 1914 года. Методологической основой исследования выступают принципы историзма, объективности, системности и опоры на исторические источники. Исследование проводилось главным образом историко-сравнительным методом. Научная новизна исследования состоит в привлечении широкого круга газетных статей в качестве исторического источника и детальным анализом их содержания. Выводы исследования указывают на широкий круг освещаемых в прессе вопросов, связанных с вооружённым конфликтом. Изначальная реакция различных газет на начало войны практически идентична, но здесь же обнаруживается разница в трактовке разворачивающихся событий и приоритетности для газетных изданий тех или иных тем. Неоднозначно в газетах оценивается и переживаемое русским обществом состояние патриотического подъёма, наряду с положительными откликами встречаются и призывы к успокоению. Другими популярными в те дни газетными сюжетами стали вопросы дипломатии, военно-воздушные силы, исторические параллели, заметки о кайзере Вильгельме II, обзор экономического положения воюющих держав. В совокупности с уже имеющимися работами, дальнейшее исследование периодической печати Москвы в годы Первой мировой войны выглядит целесообразным и перспективным. Помимо развития регионального аспекта, исследования такого рода позволят детальнее изучить как общественные настроения Российской Империи в 1914–1917 гг., так и этот период в истории отечественной периодической печати.

Ключевые слова:

Первая мировая война, периодическая печать, газеты, московские газеты, пресса, общественное мнение, Москва, статьи, публицистика, начало войны

Введение

Первая мировая война — крупнейший для своего времени военный конфликт, с которым сталкивалось человечество. Но для большинства современников этой войны, особенно поначалу, подобная оценка была неочевидна. В первые дни войны внимание было направлено на множество различных её аспектов. Большую роль в формировании общественного мнения тогда играла периодическая печать и именно в ней мы находим отклики на важнейшие события и явления. Российская Империя стала одним из ключевых участников конфликта, который оказал значительное влияние на историю нашей страны, а Москва была вторым городом империи. Поэтому мы и обратили наш взгляд на восприятие самого начала войны московскими ежедневными газетами. Цель работы состоит в анализе и сравнении содержания и акцентов номеров нескольких московских ежедневных газет, выходивших в первые дни войны.

Тема российской периодической печати в целом и в контексте Первой мировой войны представлена в отечественной историографии. Дореволюционный период характеризуется началом изучения истории российской печати как общественного

института. В качестве примера первых работ по этой теме можно назвать труды С. А. Венгерова [1], Г. В. Балицкого [2], А. Н. Шлосберга [3]. Эти авторы рассматривали как исторический, так и литературный аспект становления и развития русской печати. В этих первых исследованиях подобного рода прослеживается её эволюция с момента зарождения при Петре I и до начала XX века. Тогда актуальным, особенно в свете революции 1905 г., становится вопрос о взаимоотношениях печати и власти, который сводится к анализу цензуры и размышлениям о преимуществах свободы прессы. Важным для исследования российской печати трудом стала библиография Н. М. Лисовского [4], продолженная уже советскими исследователями [5]. В этих библиографиях проделана огромная работа по систематизации сведений о периодических изданиях Российской Империи за период с 1703 по 1916 гг.

Исследования советского периода посвящены главным образом роли большевистской печати в революционной борьбе. Но уже во второй половине XX века наблюдается всё большее разнообразие в изучении темы периодической печати. Б. И. Есин в ряде своих трудов затронул широкий круг вопросов, касающихся становления и развития газетного дела и журналистики в России, охватывая при этом весь период существования Российской Империи. А. Н. Боханов обратил своё внимание на связь буржуазной прессы и крупного капитала на рубеже XIX – XX веков [6]. В своём исследовании он обозначил этап, когда издание газет становится отраслью предпринимательства. Таким образом автор не только прослеживает связь между издательскими и капиталистическими кругами, но и освещает вопрос финансовой и хозяйственной составляющих дореволюционного газетного дела. Нужно отметить и работу А. Ф. Бережного, посвящённую легальной печати в период Первой мировой войны [7]. Бережной анализирует изменение цензурных условий, вызванное войной, типологизирует издания (выделяя правительственную, оппозиционную и революционную прессу) и прослеживает роль легальной периодической печати на протяжении 1914 – 1917 гг. Один из выводов состоит в том, что на протяжении первого года войны печать играла мобилизационную роль, помогая правительству, но затем начинает критиковать власти, усиливая в конечном счёте её кризис.

Сегодня же в нашем распоряжении есть самые разноплановые работы. Исследователи Т. А. Белогурова, Т. П. Назарова и Н. В. Морозова обратились к освещению в российской печати различных вопросов, связанных с Первой мировой войной [8, 9]. Появляются и исследования, посвящённые непосредственно московской печати рубежа XIX и XX веков [10, 11]. Работы названных авторов демонстрируют актуальность и потенциал изучения периодической печати в Российской Империи начала XX века в целом и в контексте Первой мировой войны, в частности. Современные исследователи продвинулись в изучении истории отдельных изданий и системы периодической печати Российской Империи. При этом вопрос о месте и роли в этой системе, применительно к 1914 – 1917 гг., печати Москвы всё ещё не раскрыт. Данная работа рассматривает изначальную реакцию на начало мировой войны ряда значимых и крупных московских изданий.

В качестве материала исследования привлечены номера «Московских ведомостей», «Русских ведомостей» и «Утра России». К 1914 г. «Московские ведомости» оставались крупным консервативным и монархическим печатным органом. Таковой газета стала в период руководства М. Н. Каткова и, по выражению современного исследователя, оставалась верной заложенным им принципам вплоть до 1917 г. [12] Непосредственно в предвоенные годы газетой руководил Л. А. Тихомиров, который продолжал монархическую и проправительственную линию и насаждал национал-патриотизм [13].

Сразу после ухода Тихомирова в 1913 г. редактором стал крупный монархический деятель Б. В. Назаревский, в 1916 г. его сменил брат, историк В. В. Назаревский. В это время в газете активно публикуется прочие видные участники монархического движения Москвы. Таким образом, в 1914-1917 гг. газета формально оставалась непартийной, но фактически стала органом московских монархистов. «Русские ведомости» с момента своего появления в 1863 г. постепенно становились либеральной, оппозиционной и «профессорской» (по составу редакции) газетой [\[14\]](#). Важной вехой в истории этого печатного органа стал Гейдельбергский съезд 1873 г., на котором было принято решение «добиваться конституции», газета стала пропагандировать идеи конституционализма и реформаторства, противопоставив себя «Московским ведомостям» [\[15\]](#). Как отмечалось в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, «Это — единственная газета, вполне подходящая к тому высокому типу печатного органа, который создан лучшими ежемесячными журналами. ... Лучшие круги русской провинции читают "Р. Ведомости"». К 1914 г. «Русские ведомости», по словам сотрудника газеты В. А. Розенберга, «в подлинном смысле слова, были независимым органом свободного русского общественного мнения» [\[16\]](#). «Утро России» - молодая на тот момент газета, издававшаяся П. П. Рябушинским с 1907 г. Выражая интересы московских предпринимателей, на момент 1914 г. являлась органом недавно созданной партии прогрессистов. По мнению современного исследователя, «"Утро России" отражало знаковую линию либеральной печати, основанную на изначальном и безусловном приятии войны» [\[17\]](#).

Каждая из названных газет издавалась в Москве и принадлежала к числу крупнейших ежедневных общественно-политических изданий, читавшихся и ценившихся не только в первопрестольной, но и за её пределами. В 1912 г., то есть незадолго до войны, их тиражи составляли около 30 тысяч экземпляров [\[15\]](#). За каждым из этих печатных органов стояли разные круги – монархисты, либерально настроенная интеллигенция и капиталисты. Таким образом, рассмотрение и сравнение публикаций названных газет представляет интерес по причине популярности и различной идеологической направленности этих изданий.

Говоря о газетах в годы войны нужно затронуть вопрос цензуры. Будучи во многих аспектах войной совершенно нового типа, Первая мировая явила и войну информационную, где печать становится оружием в руках государства. Контроль правительства над прессой, имевший место и до войны, стал ещё более значимым. К 1914 г. российская печать руководствовалась «Временными правилами о печати», принятыми в 1905–1906 гг. В условиях военного времени они сразу же были дополнены «Временным положением о военной цензуре» и несколькими перечнями запрещённой к публикации информации. Современные исследователи отмечают несовершенство российской цензуры в 1914 г. Во-первых, цензоры могли «вымарывать» в печатном материале места, кажушиеся им подозрительным, чем и злоупотребляли [\[18\]](#). Во-вторых, не до конца продуманным видится решение разделить цензуру на «полную» и «частичную» (первая действовала в прифронтовых районах, вторая – в тылу). И это деление сказалось непосредственно на московской печати: «Особенно это касалось московских газет и журналов, которые, несмотря на свое огромное информационное значение и влияние, формально были освобождены "Положением" от военно-цензурного контроля. Потенциально это давало московской печати преимущества над ее петербургскими конкурентами, которые, вследствие введения в столице военного положения, были под более пристальным вниманием властей» [\[19\]](#). Характерной чертой

становится объединение в цензурных комиссиях военных и гражданских служащих. Изначальной задачей цензуры по отношению к органам печати было недопущение распространения сведений, ставящих под угрозу безопасность государства. Чем дальше шла война, тем больше она проникала в самые разные сферы жизни тыла, а потому и под цензурные ограничения могли попасть сведения, непосредственно к боевым действиям не относящиеся. Однако в первые дни войны только что созданные военно-цензурные комиссии (в том числе московская) не действовали в полной мере, представители военных ведомств только начали разграничивать сферу своей работы с гражданскими коллегами. Рассматриваемый нами в настоящей работе газетный материал представлен главным образом рефлексией над начинавшейся, но ещё не вступавшей в свою основную фазу войной, а потому не содержал сведений, которые могли бы расцениваться как запрещённые к публикации (сведения о составе и перемещениях войск и т.п.). В рассматриваемых номерах ещё не фигурирует «белых пятен».

Ход работы

Анализируя содержание периодики начального этапа войны, можно выделить как общие вопросы, затрагиваемые практически всеми изданиями, так и отдельные, не повторяющиеся в разных газетах сюжеты. Главной темой в 20-х числах июля (здесь и далее - по старому стилю) 1914 г. стали генезис войны и отклик общественности на факт объявления войны России. Естественно, каждая крупная газета стремилась изложить читателям свой взгляд на происходящее, обозначить своё отношение и дать соответствующую оценку. Рассмотрим некоторые примеры.

Особенно ярко, на наш взгляд, освещают происходящее «Московские ведомости». Прежде всего, газета стремится разъяснить читателям суть германского политического плана, цель которого – германская гегемония в Европе. Ссылаясь на германскую печать, авторы заметки сообщают о восстановлении германским правительством антироссийского общественного мнения как в самой Германии, так и в странах Согласия и попытках убедить правительства Англии и Франции в захватнических целях России (имеется ввиду стремление России установить протекторат над славянами Южной Европы). При этом нашими журналистами утверждается, что и в Англии, и во Франции понимают истинные мотивы Германии – «И в Париже, и в Лондоне хорошо знают, что не мысль ограждения Европы от русской опасности руководит германской политикой, а желание посеять недоверие между державами тройственного согласия, чтобы тем легче добиться главной цели - порабощение Европы под германской гегемонией» [\[20\]](#). Переговоры же поддерживались Германией лишь чтобы выиграть время для подготовки к войне и попыток рассорить Россию с союзниками. Б. В. Назаревский, редактор газеты в те годы, развивал данную версию происхождения войны в своём самостоятельном труде «Война за правду: как началась великая европейская война?» [\[21\]](#). Эта точка зрения находит своё подтверждение и в современной историографии Первой мировой войны [\[22\]](#).

Нельзя не отметить напечатанные в газете слова, ставшие поистине пророческими: «Первый выстрел, который последует на русско-германской границе, будет началом борьбы, которая затмит своим величием европейские войны прежних времён и может оказаться роковой для многих европейских государств. Это будет крушение не политической системы, а крушение государств, потому что раны, нанесённые этой войной, можно будет вылечить только после многих десятков лет, и разорённые, обнищавшие народы будут клясть виновника этой борьбы из века в век» [\[20\]](#). Весьма верно охарактеризовав масштаб и последствия грядущей войны, авторы этих строк,

охваченные патриотическим подъёмом, вряд ли предполагали, что роковой эта война станет и для Российской Империи. Негативный прогноз даётся и простым немцам – «Они не думают о том, что даже успешная война принесёт германскому народу неисчислимые бедствия» [\[20\]](#). Таким образом, ещё в июле 1914 года «Московские ведомости» практически предсказали, хоть и в общих чертах, как итоги, так и оценку Первой мировой войны.

Если публикации первого дня войны были наполнены попытками осмысления и объяснения значимости момента, то буквально в следующие дни мы видим, что это осознание произошло и газета, не пытаясь внушить читателям излишнего оптимизма, стремится донести эту значимость: «Свершилось! Теперь смело можно сказать, что мы перешли тот таинственный рубеж, который отделяет одну эпоху в жизни народов Европы от новой, пока ещё никому неизвестной ... Перед нами открывается новая страница истории ... Мы переживаем время исключительное. Слава Богу, - теперь это можно сказать, - мы оказались на высоте данного великого исторического момента ... Всем сомнениям, всем колебаниям наступил конец» [\[23\]](#). Характерно, что в данном случае «Московские ведомости» не подчёркивают какой-либо один аспект описываемых событий, а объединяют их в единый нарратив. Так в контексте начала войны переплетаются история, религия и политика. Николай II упоминается как «кроткий Царственный Давид, Который молитвенно призывается на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение» [\[23\]](#). Помимо прочих исторических отсылок, о которых речь пойдёт далее, в текстах фигурируют сражения Александра Невского. Однако, акцент делается не столько на военной победе над тевтонами, сколько на вере и святости князя – «Очевидно, что Царя и народ одушевляет та же глубокая вера, которая в XIII веке вела на борьбу с тевтонами Св. Благоверного Александра Невского» [\[23\]](#).

В материалах «Утра России» также видим обличение Германии: «Чести объявления войны России Германия не уступила своей союзнице, виновнице австро-сербского конфликта, зачинщице великой европейской войны. Германия срывает со своего лица маску. ... Германия не считает более нужным скрывать, что в её именно руках скрещивались все нити тщательно подготовленного в недрах тройственного союза движения, которое давно уже направлено против грозно крепнущей мощи России» [\[24\]](#). Примечательно, что зачинщицей великой войны признаётся Австрия, но акцент делается именно на агрессии Германии. Если в «Московских ведомостях» речь шла о попытках установления германской гегемонии в Европе, то здесь превалирует нарратив вызова, брошенного мощи и национальным интересам России. При этом упоминается и «дорогая и верная союзница» Франция, чьё сердце бьётся «в унисон с нами» [\[24\]](#). Газета констатирует и факт единения: «Сейчас нет в России ни эллинов, ни иудеев, ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, а есть один-единый русский народ. И эта единая, объединённая Россия – залог другой России, России великой, непобедимой!» [\[24\]](#). Вероятно, слова о другой России отсылают к идеям мирнообновленцев и прогрессистов.

Подобно «Утру России», «Русские ведомости», констатируя факт развязывания войны Германией и Австрией, отводят роль зачинщицы Австрии. Отмечается роль в попытках мирного урегулирования конфликта не только России, но и Англии. Вообще вопросам дипломатии и роли Англии газета уделяет особое внимание, об этом речь пойдёт далее. Примечательно, что, в то время как «Московские ведомости» предложили своим читателям весьма занимательную версию плана германского блока по началу большой

войны, «Русские ведомости» констатируют, что «Сейчас неизвестны их точные расчёты, неизвестно, почему они сочли наиболее удобным для войны именно настоящий момент; это неизвестно, да и не важно» [25]. Важен, по мнению газеты, сам не подлежащий сомнению факт осознанного начала войны. Своеобразно газета толкует и причины патриотического подъёма в России: «Сознание, что Россия не только не повинна в вспыхнувшем европейском пожаре, но что она всеми мерами старалась предотвратить его, что в событиях последних дней она стояла за интересы права и культуры и что теперь дело идёт о защите отечества от напавшего на неё врага, - это сознание создаёт великую нравственную силу, которая сплотит всех русских без различия мнений в единое могучее целое» [25]. Здесь читается, что Россия не только защищается сама, но и защищает, выражаясь современным языком, общеевропейские ценности, права и культуру, попираемые немцами, и именно это делает участие России в войне делом «правым». По сравнению с двумя другими газетами риторика «Русских ведомостей» отличается элементами западничества и осторожностью в оценках.

Новость об объявлении Австро-Венгрией войны России ожидалась, сразу была окрещена газетами закономерной и не вызвала такой бурной реакции, как в случае с Германией. Вопрос состоял лишь в том, почему объявление войны последовало спустя время. «Русские ведомости» указывают на две возможные причины: необходимостью дополнительной подготовки своей армии и выжидание агрессии со стороны России, чтобы вынудить Италию выступить на стороне Тройственного союза [26]. «Утро России» отмечает, что такой поворот событий воодушевил сербскую армию, а также обличает императора Франца-Иосифа, который «осуществляет мечту всей своей жизни: по-австрийски отплатить России и Правнуку спасшего Габсбургов Прадеда» [27]. «Московские ведомости» в свойственной им манере прокомментировали манифест Николая II, продолжая мотивы, сопровождавшие отклик на объявление войны Германией [28].

Итак, каждая из трёх рассматриваемых нами газет откликается на эпохальное событие, внося в общую хронику собственные акценты. Теперь перейдём к рассмотрению некоторых отдельных сюжетов, продолжающих главную новость тех дней. Одни публикации рассматриваемых нами газет взаимодополняют друг друга, иные вступают в противоречие. В любом случае, газетные статьи и заметки, которые мы проанализируем далее свидетельствуют о широком спектре интересовавших в те дни общественность вопросов.

Не обходят стороной газеты вопрос о составе и численности армий. На основе анализа «напряжённости» воинской повинности и её сравнения с приростом населения в России, Германии и Франции делаются выводы о военном потенциале сторон, где Россия «представляется в исключительно благоприятных условиях» [29]. При этом Германия не сильно отстаёт от России, а Франция находится в положении значительно худшем, поэтому особенно нуждается в русской защите. Отметим высокий уровень осведомлённости в этом вопросе «Русских ведомостей». Помимо скрупулёзного подсчёта численности войск и артиллерии противника, ещё до начала активных военных действий газетой указывается на возможность реализации плана Шлиффена – Мольтке: «есть указания на то, что германский генеральный штаб в случае войны на два фронта решил двинуть главные силы сперва против Франции, оставив против России заслон» [30]. Время показало, что прогноз оказался точен.

Общеизвестно, что Первая мировая война стала первым масштабным вооружённым

конфликтом, где широкое применение получила авиация. И практически сразу тема роли военно-воздушных сил получила освещение в печати. Анализируя потенциал воздушного флота некоторых европейских государств, автор, подписанный как Лётчик, составляет условный рейтинг. По его мнению, лидерами в области военно-воздушного флота к началу войны являются Франция и Германия, Англия сосредоточилась на морской авиации, а положение Австрии сильно уступает не только названным странам, но и Италии (с которой ей предстоит сражаться в дальнейшем) [31]. В одном из следующих номеров эта статья будет продолжена рассуждением о функционале воздушного флота на войне [32]. Главное внимание обращено на воздушный флот Германии. Анализируя развитие авиации в предвоенные годы, систему подготовки лётчиков и расположение авиабаз, автор одной из статей констатирует, что Германия преуспела в этой области и будет опасным врагом в небе [33]. Подобным же образом рассматривается воздушный флот Австро-Венгрии, но ему даётся совершенно иная оценка: «Если в лице отдельных австрийских лётчиков русские лётчики и встретят достойных соперников, то в общем австрийская авиация не окажется грозной силой» [34]. Большие надежды возлагаются на французскую авиацию, не уступающей германской [35]. Русским же ВВС в прессе уделяется не так много внимания. Лишь «Московские ведомости», освещая в схожем с другими публикациями ключе германские силы, отмечают: «Россия также, к счастью, успела создать первоклассные воздушные силы» [36]. Продолжая тему военно-воздушного флота, «Утро России» (а за ним и другие газеты) широко осветило гибель французского пилота Гарро, ценой своей жизни уничтожившего немецкий дирижабль. В номере газеты от 24 июля этому событию посвящено сразу три статьи. Прежде всего, отмечается проявленный французским лётчиком героизм [37, 38]. Кроме того, это громкое событие анализируется с практической точки зрения: «Хотя эта воздушная стычка является только началом ... она уже должна произвести серьёзный переворот в дальнейшей кампании» [39].

Отдельной темой становится освещение в печати общественных настроений тех дней. «Русские ведомости» публикуют свидетельство историка А. А. Кизеветтера [40], только вернувшегося в Москву из деревни. Он отмечает, что не увидел в городе шумных манифестаций, о которых читал в газетах. Напротив, его впечатляет спокойствие и молчаливо-серьёзное осознание момента. В то же время «Утро России» с осуждением констатирует прямо противоположный факт и призывает своих читателей к тому состоянию, о котором как раз свидетельствовал Кизеветтер на страницах «Русских ведомостей». Оригинальный в условиях охвативших страну настроений, но при этом рациональный взгляд на патриотическую активность народных масс демонстрирует «Утро России», последовательно выступающее за спокойную и твёрдую решимость, к чему и призывает своих читателей. Можно выделить несколько статей, в которых содержится критика манифестаций и призыв к сдержанности. Прежде всего, ставится вопрос: «Нужны ли сейчас те шумливые уличные манифестации, что наблюдаются ежедневно по вечерам на улицах Москвы?» [41]. Негативное к ним отношение газета объясняет несколькими причинами. Во-первых, манифестации ценны, но лишь «когда они являются взрывом народных чувств», а теперь, спустя несколько дней они становятся совершенно обыденным явлением. Во-вторых, «они нарушают гармонию общего объединения на одной величественной мысли, - мысли о предстоящей вооружённой России великой задаче, великом подвиге». В-третьих, злобные «долой» демонстрируют низкий уровень культуры и русское общество должно показать «славянскую культуру и благородство», подчеркнув таким образом своё превосходство над немцами. Особой чертой публикаций «Утра России» в этой связи стало внимание к солдатам и военной работе

(подразумевается процесс мобилизации и работа военной промышленности). Высоко оценивая такую основополагающую работу, газета предостерегает: «Нервность и суетливость улицы не должны врываться в работу лиц, завершающих в эти дни мобилизацию наших вооружённых сил. ... Чем спокойнее этот труд, тем молниеноснее и победнее его завершение» [42]. Но это не означает, что газета призывает к полному успокоению, это больше похоже на холодную решимость: «Нельзя в такие дни заказывать сердцам медленнее биться, но должно держать себя в руках, проявлять высокую гражданскую выдержку» [42]. Здесь же газета, одной из первых, называет и благословляет назначенных императором генералов Жилинского, Иванова и Ренненкампа. Наконец, нельзя не признать справедливость следующего напечатанного тезиса: «если уличные манифестации и являются в некоторой степени выражением общественного мнения и настроения масс, они должны прекратиться с того момента, как была пущена первая русская пуля, как пролилась первая капля русской крови. Теперь не имеют больше права кричать «ура» те, кто вынужден оставаться в тылу. Пусть кричат «ура» те, кто идёт сейчас в атаку под Эйдкуненом и на берегах Вислы» [43]. Позиция «Московских ведомостей» в те дни выражена рядом опубликованных газетой речей протоиерея Иоанна Восторгова [44, 45], одного из лидеров московских монархистов. В этих речах с точки зрения христианской морали обличается германский император, войне придаётся характер крестового похода против германизма, а читатели (и слушатели, соответственно) призываются к спокойному исполнению христианского долга по защите православного Отечества и славянства.

В дни великого потрясения общество обращается к историческим примерам и стремится определить роль переживаемых событий в историческом процессе. «Московские ведомости» первыми начали проводить исторические параллели. В заметках проводятся аналогии не только с 1612 и 1812 годами (концепция Второй отечественной войны [46]), но и с атмосферой Москвы накануне русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. При этом отмечается, что «нынешнее народное всероссийское движение стало ещё шире и глубже» [47]. Особое среди исторических параллелей значение отводится победе над Наполеоном в 1812 году. Наполеоновская Франция рассматривается как гегемон Европы, на роль которого теперь претендовала Германия. Тогда, в начале XIX века, Россия уже спасла Европу от захватчика. И в 1914 году для России усматривается аналогичная роль – «Начинается новый период всемирной истории, и мы верим, что наша Русь, как и в начале XIX века, скажет в XX столетии своё веское слово» [23]. Кроме того, объявление Германией войны России совпало с двадцать седьмой годовщиной смерти М. Н. Каткова. Отмечая патриотизм, масштаб и значение деятельности Михаила Никифоровича, сотрудники газеты верят, что охвативший страну порыв единения народа и Царя является торжеством идей, которым служил Катков. В грозный час эта заметка апеллирует к «великому духу» Каткова. В других изданиях видим статьи, освещающие роль не столько России, сколько славянства. Так, А. И. Булдеев пишет о «русской идее» и видит назначение России в её становлении оплотом славянства. Немцы «прекрасно поняли новую волну славянской культуры, оплотом которой является Россия» [48] и именно славянский и германский мир борются теперь в Европе. Говоря о надвигающейся войне, автор также затрагивает тему внутренних беспорядков, обращая внимание на пример Русско-японской войны и тот факт, что теперь надежды врага на рабочее движение и революцию не оправдаются, что свидетельствует о признании автором состояния единства, в котором теперь пребывает русское общество. Другая статья повествует о выходе славянства на мировую арену. Если в предыдущем примере роль России рассматривалась в контексте лидерства в

славянском мире, то здесь роль российского государства более размыта. Автор статьи утверждает, что «Европа роковым образом втянута в борьбу славян за своё национальное существование» [49]. Переоценивается и место России в системе европейской дипломатии. Автор отрицает значение для западноевропейской политики заключения франко-русского союзного договора 1894 года, а ключевое значение отводит англо-французскому соглашению 1904 года. Россия таким образом «была только союзницей Франции. ... играла роль только союзницы» [49]. «Только» в данном контексте носит характер пренебрежения, автор стремится подчеркнуть тезис о первостепенности взаимоотношений между Францией, Англией и Германией, без активного участия России, при случайном включении в эти взаимоотношения славянства. Вероятно, это личное суждение автора и оно не отражает позиции газеты. В других публикациях мы не встречаем подобной точки зрения. Тем не менее, данная статья свидетельствует о плюрализме исторических и политических оценок, озвучиваемых непосредственно в начале войны. Встречаются и отсылки к событиям из истории союзных стран. Сатирик Н.А. Фольбаум (под псевдонимом Жакасс) воспеваает французский романтизм. Соппротивление Франции навеивает журналисту мысли о средневековье и битве Роланда в Ронсевальском ущелье. В данной заметке затрагивается ещё один популярный в те дни сюжет: «Следует быть благодарным императору Вильгельму. Это он заставил нас вспомнить красоту и очарование былых сражений» [50].

Вильгельм II всегда был эксцентричным человеком и после начала войны многие были склонны винить его лично, что сразу же нашло отражение в газетах. Утверждается, что император Вильгельм не просто бросил вызов Европе, но и сплотил против себя все её силы. Приведём здесь цитату, нагляднее всего демонстрирующую такой взгляд: «Вильгельм II объединил против себя не только правительства, но и народы, не только господствующие классы, но и демократию. Самых убеждённых врагов милитаризма, самых непримиримых противников господствующей буржуазии он сразу, одним ударом сплотил вокруг правительств и армии и превратил их в яростных защитников войны против него» [51]. Далее автор демонстрирует конкретные примеры консолидации политических сил из разных европейских государств. Здесь речь идёт о политике германского императора, но некоторые публикации, что называется, переходят на личность. Наибольшее внимание фигуре кайзера уделяет в своих статьях «Утро России». Так, германскому императору приписывается «безграничное честолюбие», свойственное и Наполеону [52]. Доходит и до оскорбительного содержания. Некоторые новости из Европы вызывают подобные язвительные комментарии: «Душевное состояние верховного вождя Германии начинает вызывать самые серьёзные опасения. Слава великого Наполеона явно не даёт покоя Вильгельму Гогенцоллерну. ... "Дело императора Вильгельма" придётся, видимо, обсуждать не европейским конгрессам, а консилиуму врачей-психиатров» [53]. Впрочем, находятся и статьи, отзывающиеся о Вильгельме без прямых или завуалированных оскорблений и даже отмечающие достоинства его стратегии. Кайзера даже сравнивают с самим Цезарем, а его действия с переходом Рубикона. Рассуждая о месте Австрии в германских планах, «Утро России» отмечает: «Император Вильгельм выказал себя более австрийцем, чем сам Франц-Иосиф. Теперь понемногу выясняется этот хитроумный шахматный ход Вильгельма. Он взял инициативу войны в свои руки» [54].

Вместе с восприятием германского императора деформируется и образ олицетворяемой им страны. Если в самые первые дни поводом для негативных оценок Германии был сам факт развязывания ей большой войны, то с началом боевых действий внимание к себе привлекали действия германской армии. Газеты распространяли сведения о жестоком

отношении немецких солдат к населению Льежа и других бельгийских городов, а потом и о военных преступлениях в российском Калише (причём здесь газеты получили возможность опираться на рассказы беженцев). В конечном счёте обрывочные сведения о случаях мародёрства и насилия по отношению к гражданскому населению позволяли сформировать общую картину германского варварства, где речь шла уже о всей германской нации. «Германия в самом начале войны покрыла себя позором перед всем христианским цивилизованным миром» - резюмируют «Московские ведомости» [\[55\]](#).

Несмотря на то, что в Европе и на российском пограничье уже начались боевые действия, не ослабевало внимание общественности к дипломатии. Ряд вопросов международных отношений оставался открытым, а позиция Англии, Италии и Турции, первое время остававшееся неясной, была крайне важна для противоборствующих держав. Активнее прочих изданий международные отношения анализировали «Русские ведомости», чьей характерной особенностью становится пристальное внимание к происходящему за пределами России. В первые дни войны особый интерес для газеты представляет положение в европейском конфликте Англии, это касается как английского правительства, так и общественного мнения англичан. Так, в самом начале одного из номеров приводится перевод статьи из английской «Times», передающей позицию Англии. Содержание статьи сводится к заверениям об отсутствии у англичан корыстных интересов на континенте и о готовности Англии вступить за своих союзников. Комментируя английскую статью, наша газета указывает, что «Те мысли, которые она содержит, и то чувство, которым она проникнута найдут живейший отклик в России» [\[25\]](#). Этот мотив единения Англии, Франции и России будет фигурировать в материалах «Русских ведомостей» и в дальнейшем. Вместе с тем, ссылаясь на дипломатов, газета делится с читателями своей уверенностью в солидарности Англии с союзниками – «исчезло всякое сомнение в решительности Англии выступить с Россией и Францией не только в области дипломатических переговоров, но и в сфере реальных действий» [\[56\]](#). Однако, в следующем же номере газета указывает на неясность международной обстановки, в том числе английской позиции. «Англия пока не приняла окончательного решения» [\[57\]](#) - очевидное противоречие с предыдущим номером. Несмотря на подобные разногласия, интересен сам факт столь пристального внимания к международной политике. В то время как прочие русские газеты давали лишь небольшие комментарии, касающиеся других стран, и выдержки из зарубежной прессы, «Русские ведомости» публикуют целые статьи, посвящённые как международной обстановке в целом, так и анализу различных аспектов участия европейских держав в конфликте. Так, помимо неясности в отношении Англии, ставится под сомнение дальнейший нейтралитет Италии, указывается на колебания в политике Румынии и Болгарии, анализируется вопрос мобилизации Швеции, Швейцарии, Голландии, рассматривается положение Люксембурга и Бельгии [\[57\]](#). В дальнейшем, после вступления в войну Англии, наибольшее внимание будет отводиться положению Италии и Турции. Спустя несколько дней с начала войны, газета будет констатировать, что международная ситуация складывается существенно в пользу России, а значит и Антанты [\[58\]](#). Новость о вступлении в войну Англии вызывает в газете едва ли не больший отклик, чем факт объявления Германией войны России. Небезосновательно отмечая, что английский флот и переправленная во Францию и Бельгию английская армия создадут для Германии множество проблем, редакция превозносит историческую роль Англии в контексте войны. Не употребляя напрямую термин «мировая», газета даёт понять, что таковой война стала именно после вступления в неё Англии – «Изменяется и общая картина войны. Из войны за гегемонию в Европе ... она превратилась в борьбу против притязаний Германии на мировое

господство, к которому упорно стремился императора Вильгельм» [59]. В материалах газеты Англия удостоивается высокой оценки и в вопросах мира, в той же статье читаем: «Выступление Англии является особенно веским, потому что она больше всех других держав прилагала усилий к сохранению мира, она больше, чем кто-либо другой, колебалась, прежде чем решится на участие в войне. ... С самого начала кризиса история предоставила Англии, как совершенно незаинтересованному государству, роль судьи, которому надлежит вынести авторитетный приговор». При этом причина выступления Англии усматривается в нарушениях Германией нейтралитета других государств и общая её решимость использовать грубую силу, что дополнительно подчёркивает оценку Англии как государства-мироотворца. «Утро России» обращает своё внимание на действия другой державы – Соединённых Штатов Америки. Газета критически отзывается о предложении посредничества президентом Вильсоном. Примечательно, что почти половину статьи, посвящённой американскому предложению, занимает обличение Германии и Вильгельма II. Здесь содержится откровенно антигерманская и милитаристская риторика: «Лучший посредник между нами – меч. И только мечом будет решено это общеевропейское дело с кровавым нарушителем мира и спокойствия целой Европы» [60]. Кроме того, подчёркивается тот факт, что США взяли на себя защиту германских подданных в воюющих державах, а просьба о посредничестве на самом деле исходит из Берлина. Газета таким образом намекает, что президент Вильсон выбрал не ту сторону конфликта. Здесь же затрагивается другой, не менее насущный в военное время вопрос об экономическом состоянии воюющих держав. В этой статье объясняется, что мирная инициатива американского президента продиктована политико-экономическими интересами Америки, которую не устроила бы победа в войне конкурента – Англии. В иных изданиях встречается прямо противоположное мнение: «Опасения, что янки Северной Америки будут поддерживать Германию против Англии ... рассеиваются, потому что интерес Соединённых Штатов заключается в исчезновении немецкого флота в Тихом океане» [61]. И всё же главное внимание обращено на экономическое положение Германии (в наибольшей степени), Австрии и России.

Прежде всего, «Утро России» затронуло вопрос снабжения воюющих держав хлебом. Здесь указывается на бедственное положение Германии, которая сама же своими агрессивными в отношении нейтральных соседей действиями закрыла себе поставки извне [62]. Неутешительный для Германии прогноз даётся и в одной из статей «Русских ведомостей» [63]. Вслед за продовольственной тематикой в печати начинают фигурировать и статьи о финансовом и промышленном положении воюющих сторон. «Московские ведомости» публикуют подробный материал, в котором в ретроспективе сравнивается экономическое положение Германии и России. Отмечая как слабые, так и сильные стороны германской экономики, газета резюмирует: «средства Германии далеко не так обширны, как это кажется с первого взгляда» [64]. Негативный для Германской экономики прогноз делает и «Утро России»: «Роковым путём Германия приближается к ужасной экономической катастрофе, которая неминуемо вызовет катастрофу политическую» [65]. Аналогичным образом пишется и об экономическом состоянии Австрии [66]. В каждой подобной публикации положение немцев сравнивается с Россией, и авторы настроены оптимистично. Отмечается, что Россия никогда ещё не вступала в войну в столь выгодном финансовом положении [67], выражается одобрение планов правительства обратиться к податным ресурсам страны, т. е. поднять налоги на табак и водку [68]. Указывается на более выгодное, чем у Германии, положение промышленности в России, ввиду её удалённости (за исключением Польши) от театра боевых действий

[69].

Показательным примером динамики заинтересованности печати и одним из самых громких информационных поводов после объявления Германией войны стал визит царской семьи в Москву. Внимание к фигуре царя и идея сплочения вокруг державного вождя были неотъемлемой частью газетной хроники первых дней войны, однако совсем скоро газеты вернулись к другим связанным и несвязанным с войной вопросам. Царский манифест об объявлении войны Австрией повлёк уже не такую бурную реакцию, как в случае с аналогичным манифестом о Германии. Приезд императора с семьёй в первопрестольный город вновь поставил в центр внимания прессы монарха, его слова и жесты. Естественно, для московской печати августейший визит имел ещё большее значение. Особым смыслом это событие наделили «Московские ведомости», для которых это стало большим, чем сенсация. Если прочие газеты лишь описывают маршрут следования и действия царственных особ, печатают заслушиваемые ими приветственные речи, хотя и весьма подробно, то консервативное издание не упускает возможности продемонстрировать верноподданнические чувства и распространить монархические настроения среди своих читателей. Газета на нескольких исторических примерах подчёркивает значение Москвы в условиях нападения врага и её связь с предками Николая II [70]. «Московские ведомости» свидетельствуют об особом переживаемом москвичами духовном подъёме, объясняемым мысленным и молитвенным единением горожан с посетившей их «священной особой» [71]. Подчёркивая историческое значение момента, газета пишет: «Разразившееся ныне война в русской истории будет отмечена одной исключительной особенностью: в самом начале грозного поединка народов Русским Державным Вождём указана определённая цель, которую должна достигнуть наша сила и раньше достижения её мы не можем теперь сложить своё оружие» [72]. В других затронутых нами газетах мы не видим столь живого отклика на царский визит. Отсюда становится видно, что издания, демонстрировавшие лояльность царской власти в первые дни, не желают, либо не считают нужным делать это и далее, во всяком случае, также активно.

Заключение

Материалы рассмотренных крупных и авторитетных ежедневных газет Москвы наглядно демонстрируют изначальную реакцию печати на начало крупного военного конфликта. Сюжеты публикаций свидетельствуют о широком спектре проблематики, интересовавшей читателей и журналистов в контексте начала войны. Сравнение этих сюжетов выявляет как общие точки интереса и оценки, так и уникальные для различных изданий акценты. Общей чертой всех трёх рассмотренных нами газет стало восприятие войны как должного испытания, которое России предстоит пройти. Общей тенденцией стало и то, что, сравнивая вооружённые силы и экономический потенциал воюющих держав, газеты положительно оценивают позиции Российской Империи. Разницу между газетами мы усматриваем в фокусе публикаций и риторике. Становится видно, что, несмотря на консолидацию общества в условиях начала войны, органы печати не отказываются от своих идеологических и политических установок, которые в свою очередь влияют на взгляд газет. Поэтому даже учитывая наличие общего контекста можно отметить присутствующие в рассмотренных публикациях приоритеты каждого издания: «Московские ведомости» чаще других прибегают к религиозным и историческим мотивам, «Русские ведомости» в большей степени обращают внимание на дипломатический аспект конфликта и положение зарубежом, а «Утро России» охотнее поднимает экономические вопросы.

Анализируя динамику публикаций, можно заметить, что громкие лозунги и экстренные сообщения первых дней в массе своей начинают разбавляться более будничными сводками новостей от телеграфных агентств и корреспондентов. При этом публикуемый в газетах аналитический материал не теряет своей актуальности и рациональности, хотя и несёт на себе оттенок патриотических чувств и антигерманских настроений. Помимо рассмотренных в настоящей работе сюжетов, занимающих первые полосы газет, постоянным содержанием номеров становятся короткие сообщения о боевых действиях в Европе и на русском пограничье, сведения о благотворительности (помощь беженцам, обустройство госпиталей для раненых). Не исчезает со страниц газет и мирная жизнь – сообщения об увеселительных мероприятиях, светской и культурной жизни Москвы, криминальная хроника.

Библиография

1. Самодержавие и печать в России / [Предисл.: С. Венгеров]. – Санкт-Петербург: Светоч, 1906. – 80 с.
2. Балицкий Г. В. Зарождение периодической печати в России / Г. В. Балицкий. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1908. – 78 с.
3. Шлосберг А. Н. Начало периодической печати в России (Ист.-лит. исслед.) / А. Н. Шлосберг. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. – 75 с.
4. Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: (материалы для истории русской журналистики) / составил и издал Н. М. Лисовский. – Типография Акц. Общ. Тип. Дела, 1915. – 1066 с.
5. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / Составители: Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М.; под общей редакцией В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского. – Л.: Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958–1961. – В 4-х томах. – Том 1. А-З. – Л.: ГПБ, 1958. – 661 с.; Том 2. И-П. – Л.: ГПБ, 1959. – 714 с.; Том 3. Р-Я. – Л.: ГПБ, 1960. – 668 с.; Том 4. Указатели. – Л.: ГПБ, 1961. – 396 с.
6. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – 152 с.
7. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
8. Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / Т. А. Белогурова; под ред. Ю. В. Журова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Смоленск: Смоленский ЦНТИ, 2006. – 129 с.
9. Назарова Т. П., Морозова Н. В. Цели и причины Первой мировой войны в дискурсе Российской центральной печати (1914 г.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 7. С. 35-38.
10. Костриков С. П., Надёхина Ю. П. Периодическая печать России как отрасль предпринимательства (на примере московской прессы рубежа XIX–XX вв.) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2012. № 69. С. 75-78.
11. Джагарян Е. А. Московская периодическая печать как исторический источник по изучению образа Москвы в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 23-27.
12. Деревягина Е. В. М. Н. Катков в "Московских ведомостях". К истории издания // Вестник НовГУ. 2003. № 25.
13. Есин Б. И. "Московские ведомости" под редакцией Л. Тихомирова. 1909 г. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 3.
14. Таймасова Я. В. Либералы "Русских ведомостей" в конце 1860 – начале 1880-х гг.: формирование общественно-политической программы // Вестник РУДН. Серия:

Политология. 2016. № 4.

15. Боханов А. Н. Буржуазная пресса и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. С. 68-69.

16. Розенберг В. А. Из истории русской печати: организация общественного мнения в России и независимая партийная газета "Русские ведомости", 1863–1918 гг. – Прага: Пламя, 1924. – С. 258.

17. Эйдук Д. В. Германия и немцы в русской печати, июль–октябрь 1914 г. (по материалам газеты "Утро России") // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2.

18. Гужва Д. В. Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 527.

19. Богомолов И. К. Военная цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // История книги и цензуры в России. Пятые Блюмовские чтения: Материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма. 21 мая 2018 года / под науч. ред. М. В. Зеленова. – СПб: Культурно-просветительское товарищество, 2019. – 314 с.

20. Война объявлена // Московские ведомости. 1914. № 168. 20 июля.

21. Назаревский Б. В. Война за правду: как началась великая европейская война? Чтения для фабрично-заводских рабочих. – М.: Комиссия по устройству общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы, 1915. – 70 с.

22. Борисюк А. А. Забытая война. Россия в 1914–1918 годы. Факты, цифры, подвиги героев / А. А. Борисюк. – М.: Вече, 2024. С. 24.

23. Среди газет // Московские ведомости. 1914. № 169. 22 июля.

24. С нами Бог! // Утро России. 1914. № 166. 20 июля.

25. Москва, 20 июля // Русские ведомости. 1914. № 166. 20 июля.

26. Москва, 25 июля // Русские ведомости. 1914. № 170. 25 июля.

27. Война с Австрией // Утро России. 1914. № 170. 25 июля.

28. Царское слово // Московские ведомости. 1914. № 174. 27 июля.

29. Три страны // Утро России. 1914. № 166. 20 июля.

30. Москва, 26 июля // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

31. Воздушные силы Европы // Русские ведомости. 1914. № 167. 22 июля.

32. Что делает воздушный флот во время войны? // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

33. Воздушные силы Германии // Утро России. 1914. № 167. 22 июля.

34. Воздушные силы Австро-Венгрии // Утро России. 1914. № 168. 23 июля.

35. Воздушные силы Франции // Утро России. 1914. № 170. 25 июля.

36. Воздушные флоты на театре войны // Московские ведомости. 1914. № 172. 25 июля.

37. Слава героям! // Утро России. 1914. № 169. 24 июля.

38. Оскольский Н. Трофеи Франции // Утро России. 1914. № 169. 24 июля.

39. Первый воздушный бой // Утро России. 1914. № 169. 24 июля.

40. Кизеветтер А. А. В спокойствии сила // Русские ведомости. 1914. № 170. 25 июля.

41. Больше сдержанности // Утро России. 1914. № 165. 19 июля.

42. Спокойствие // Утро России. 1914. № 166. 20 июля.

43. Сильные-спокойны // Утро России. 1914. № 170. 25 июля.

44. Единение // Московские ведомости. 1914. № 171. 24 июля.

45. "На нас напали" // Московские ведомости. 1914. № 172. 25 июля.

46. Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение / В. В. Розанов. – Петроград: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1915. – 234 с.

47. Среди газет // Московские ведомости. 1914. № 168. 20 июля.

48. Назначение России // Утро России. 1914. № 165. 19 июля.
49. Заря новой эпохи всемирной истории // Утро России. 1914. № 166. 20 июля.
50. Песнь о Роланде // Утро России. 1914. № 170. 25 июля.
51. Смирнов Е. Вильгельм II против Европы // Русские ведомости. 1914. № 170. 26 июля.
52. Объединение Европы // Утро России. 1914. № 167. 22 июля.
53. "Дело императора Вильгельма" // Утро России. 1914. № 171. 26 июля.
54. Рубикон Вильгельма // Утро России. 1914. № 168. 23 июля.
55. Германские мародёры // Московские ведомости. 1914. № 178. 1 августа.
56. Война // Русские ведомости. 1914. № 166. 20 июля.
57. Москва, 22 июля // Русские ведомости. 1914. № 167. 22 июля.
58. Москва, 26 июля // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.
59. Москва, 24 июля // Русские ведомости. 1914. № 169. 24 июля.
60. Посредничество Вильсона // Утро России. 1914. № 171. 26 июля.
61. Среди газет // Московские ведомости. 1914. № 177. 31 июля.
62. Необходимая мера // Утро России. 1914. № 166. 20 июля.
63. Продовольствие Германии во время войны // Русские ведомости. 1914. № 168. 23 июля.
64. Средства Германии // Московские ведомости. 1914. № 177. 30 июля.
65. Экономический крах Германии // Утро России. 1914. № 170. 25 июля.
66. Экономический кризис в Австрии // Утро России. 1914. № 171. 26 июля.
67. Камский С. Экономическая готовность России // Московские ведомости. 1914. № 179. 2 августа.
68. Соколов А. Война и финансовые ресурсы России // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.
69. Кафенгауз Л. Наша промышленность и война // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.
70. Царь и Москва в её исторических преданиях // Московские ведомости. 1914. № 180. 3 августа.
71. Sursum Corda // Московские ведомости. 1914. № 181. 5 августа.
72. С нами Бог! // Московские ведомости. 1914. № 182. 6 августа.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой глубокий и детальный анализ материалов трех крупнейших московских ежедневных газет («Московские ведомости», «Русские ведомости» и «Утро России») в первые дни начала Первой мировой войны. Работа выполнена квалифицированно и профессионально, обеспечивая объективное представление о восприятии и реакциях российских прессы на первый глобальный военный конфликт XX века.

Автор ставит целью изучить специфику освещения начальной фазы Первой мировой войны в ведущих московских газетах. Исследование охватывает различные аспекты восприятия событий, включая эмоциональные и политические оттенки репортажей, интерпретацию событий читателями и публикой, а также понимание ролей каждой газеты в представлении текущего кризиса. Основная задача — выявить сходства и различия в освещении важнейших моментов, проанализировать подходы и методы подачи информации, влияющие на общественное сознание — в статье выполнена.

Методологически исследование выполнено качественно и методично. Используются

классические методы источниковедения и медиа-анализа, такие как сравнительный анализ текста, структурирование информации и выделение характерных особенностей стиля и подхода каждого издания. Такая методика позволяет оценить, каким образом информационные потоки формируют коллективное сознание и оказывают влияние на массовое восприятие событий. Однако стоит отметить отсутствие более широкого привлечения статистических методов, позволяющих количественно оценивать частоту употребления определенных терминов или тематических блоков. Использование визуализации результатов могло бы сделать выводы более наглядными и убедительными.

Актуальность данной работы обусловлена сохраняющимся интересом к истокам и причинам Первой мировой войны, а также дискуссиям о возможном влиянии массовых коммуникаций на социальные процессы. Более глубокое знание того, как формировалось публичное пространство в условиях большого международного конфликта, помогает лучше понимать современные механизмы формирования массовой идентичности и реакций населения на внешнюю политику. Кроме того, исследование актуально и в плане историко-культурологического значения, поскольку позволяет увидеть особенности мировоззрения и самосознания москвичей в начале XX века, что способствует формированию целостного представления о ментальных установках и социальных процессах того времени.

Научная новизна работы заключается в тщательном сопоставительном анализе подходов к освещению событий тремя крупнейшими московскими газетами. Впервые проводится комплексный анализ различных точек зрения, представленных в каждом издании, что позволяет реконструировать сложную палитру мнений и эмоций, существовавших в обществе в августе 1914 года. Особенность исследования — сочетание анализа текущих новостных сообщений с обсуждением долговременных исторических перспектив, придавая каждому сообщению дополнительное измерение, подчеркивающее преемственность исторических процессов и циклический характер развития общества.

Структура статьи хорошо выстроена, логика изложения ясна и последовательна. Статья написана хорошим научным стилем, соблюдены требования академического письма. Список литературы представлен исчерпывающе и включает большое количество как исторических источников, так и научных исследований. Привлечены как отечественные, так и зарубежные работы, касающиеся периодической печати и медиа-анализа.

Автор эффективно взаимодействует с существующими исследованиями, формулируя аргументированные возражения и поддерживая диалог с предшественниками. Часто используются контраргументы, основанные на новых источниках и результатах собственного анализа. Например, дискуссия о степени зависимости прессы от государственной цензуры сопровождается разбором конкретных ситуаций, показывающих ограниченную эффективность цензурной практики. Некоторым недостатком является недостаточное привлечение зарубежных исследований, которые могли бы добавить дополнительные перспективы к анализу информационной среды и культурных кодов времен Первой мировой войны.

Основной вывод статьи о важности газет как инструмента социальной идентификации и передачи ценностей представляется справедливым и обоснованным. Показано, насколько тесно связаны массовые средства информации с формированием национальной идентичности и развитием гражданской сознательности. Однако вывод мог бы быть подкреплён дополнительными доказательствами и примерами из зарубежной прессы, что усилило бы универсальность полученных выводов.

Работа заинтересует широкую аудиторию исследователей истории, специалистов по массовой коммуникации, студентов гуманитарных специальностей и любителей исторической науки. Она предлагает ценные данные и глубокие размышления о роли

прессы в формировании общественного мнения и восприятии великих исторических событий.

Учитывая высокое качество исполнения, рекомендую статью «Отражение начала Первой мировой войны в газетной хронике Москвы» к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Галямина А.Г., Черноверская Т.А. Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74639 EDN: ZQLHDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74639

Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков

Галямина Анна Георгиевна

аспирант; кафедра мировой экономики, международных отношений и права; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

✉ galiamina.anna@yandex.ru

Черноверская Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

доцент; кафедра мировой экономики, международных отношений и права; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"

630099, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Центральный р-н, ул. Каменская, д. 52/1

✉ eleonored@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74639

EDN:

ZQLHDL

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Понятие «революционная война» существует в интеллектуальном пространстве уже длительное время и в каждом конкретном контексте адекватно понимается участниками дискуссии. Тем не менее, на сегодняшний день не существует ни чёткого определения этого понятия, ни, тем более, разработанной концепции этого

явления. Более того, отсутствует понимание того, что представители разных национальных культур могут вкладывать в это понятие совершенно разный смысл, что может затруднять адекватное понимание научных и публицистических текстов, написанных представителями иной культурной и научной традиции. Таким образом, данная статья посвящена рассмотрению эволюции представлений о революционной войне с конца XVIII века, поскольку именно война первой коалиции и наполеоновские войны в дальнейшем послужили эмпирическим материалом, на котором были сформированы представления о сущности революционной войны, и до сегодняшнего дня. Источниковой базой исследования послужили выступления в печати деятелей революционных движений, касающиеся вопросов войны и мира, а также теоретические работы французских военных. Авторы использовали традиционные методы исторического исследования и опирались на принцип историзма. Было проанализировано зарождение представлений о специфике революционной войны как вооружённой борьбы за прогрессивные ценности у представителей разных политических сил во время Великой французской революции. Рассмотрена дальнейшая эволюция этого понятия в представлении Симона Боливара, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и Мао Цзэдуна, разработавшего практическую концепцию ведения революционной войны в условиях слабого, аграрного и полуколонизированного Китая 30-х гг. Показано, как своеобразный исторический опыт французов, столкнувшихся во Вьетнаме со стороны Вьетминя с практическим применением рекомендаций Мао, привёл к тому, что во Франции военными теоретиками была сформирована собственная оригинальная и существующая по сей день концепция революционной войны, в рамках которой это понятие приобретает совершенно иной смысл, чем в классической версии, что закономерным образом меняет трактовку многих исторических и современных военных конфликтов, что полезно учитывать при работе с франкоязычной историографией.

Ключевые слова:

революционная война, Великая французская революция, Робеспьер, Бриссо, Боливар, Энгельс, Ленин, Мао Цзэдун, герилья, революции

Нередко в специальной и публицистической литературе встречаются термины, смысл которых кажется интуитивно понятным, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что разные авторы вкладывают в них неодинаковое содержание. К числу таких терминов с неопределённым чётко значением относится и понятие «революционная война». Тем не менее, при работе с историческими и аналитическими текстами оказывается важным понимать, в каком именно смысле употребляет автор этот словосочетание.

Обращение к справочной литературе обнаруживает отсутствие соответствующих словарных или энциклопедических статей, раскрывающих его содержание. В результате зачастую под революционной войной понимаются военные действия, сопровождающие революционные события, без рассмотрения характерных особенностей, отличающих этот тип войн от других. Таким образом, целью настоящего исследования стал анализ тех специфических особенностей революционных войн, по которым авторы XVIII-XX вв. выделяли их среди других разновидностей вооружённых конфликтов.

Стоит подчеркнуть, что в задачу исследования не входил анализ самих революционных войн, а также тех оценок характера и степени революционности того или иного конкретного вооружённого конфликта, сопровождавшего революцию, которые давали

сами революционные деятели, но исключительно анализ их представлений о том, что такое *революционная война* – как явление общественной жизни.

Было рассмотрено понятие революционной войны в представлениях некоторых знаковых фигур наиболее значимых революционных движений от Великой французской революции до середины XX века, а также в представлениях французских военных теоретиков середины XX века. Великая французская революция была выбрана в качестве точки отсчёта в силу того, что именно это историческое событие первым получило у современников наименование революции в сегодняшнем смысле – как глубокое качественное изменение в жизни общества. Происходившая десятилетием ранее Американская революция в сознании современников воспринималась не как качественный скачок, не как завоевание нового, но в этимологически дословном значении этого слова – как возвращение в исходную точку, возвращение утраченных когда-то прав. Так, именно посягательством на права американцев как переехавших за океан британских подданных Эдмунд Бёрк объясняет причины Американской войны за независимость: «В этом характере американцев любовь к свободе является преобладающей чертой, которая отмечает и отличает целое; и поскольку пылкая привязанность всегда ревнива, ваши колонии становятся подозрительными, беспокойными и несговорчивыми, когда они видят малейшую попытку силой отнять у них или обманом отобрать у них то, что они считают единственным преимуществом, ради которого стоит жить. ... Во-первых, жители колоний являются потомками англичан. Англия, сэр, это нация, которая, я надеюсь, до сих пор уважает и прежде обожала свою свободу. Колонисты эмигрировали от вас, когда эта часть вашего характера была наиболее преобладающей; и они приняли эту предвзятость и направление в тот момент, когда они расстались с вами. Поэтому они не только преданы свободе, но и свободе согласно английским идеям и на английских принципах [\[1, p. 47\]](#)». Великая французская революция же является не отвоёвованием узурпированных исторических прав, а завоеванием новых и утверждением не существовавших ранее ценностей. Таким образом, именно войну первой коалиции, сопровождавшую первую революцию, осознанную как революция в современном смысле этого слова, можно рассматривать как первую революционную войну. Кроме того, хотя словосочетание «революционная война» не использовалось французскими революционерами, не только самый опыт французских революционных войн послужил тем эмпирическим материалом, на основе которого сложилось это понятие, но и специфические черты, присущие революционной войне, которые впервые были отрефлексированы и озвучены самими французскими революционерами непосредственно во времена Революции, вновь проявляются в дальнейшем при каждой новой попытке осмыслить это явление. В качестве верхней хронологической границы исследования была выбрана середина XX века, поскольку в это время революционная активность смещается из Европы в страны Азии, Африки и Латинской Америки, где в силу объективных причин принимает форму партизанской войны. В результате, к примеру, работа Че Гевары озаглавлена «Партизанская война» и посвящена специфическим проблемам, целям и задачам именно партизанской, а не революционной войны.

Исследование выполнено в русле новой интеллектуальной истории, предполагающей, согласно принципу историзма, учет взаимодействия между движением идей и теми историческими контекстами, в которых идеи зарождаются, функционируют и видоизменяются, – с использованием традиционных методов исторического исследования.

Источниковой базой работы послужили тексты, созданные деятелями революционных

движений, осмысливавшими природу сопровождавших революции вооружённых конфликты с точки зрения идеи революционной войны: выступления П.-Ж. Бриссо и М. Робеспьера в Законодательном собрании и Якобинском клубе, посвящённые проблеме ожидающейся войны революционной Франции с европейскими державами Старого порядка, выступления в печати С. Боливара во время войны испанских колоний за независимость, выступление Ф. Энгельса в «Новой Рейнской газете» во время Революции 1848-1849 гг., выступления в печати В.И. Ленина, брошюры Мао Цзэдуна, посвящённые вопросам революционной войны в Китае, а также протоколы заседаний центрального комитета РСДРП, посвящённых проблеме Брестского мира. Кроме того, были использованы теоретические работы французских военных, в которых разрабатывается французская концепция революционной войны.

Дискуссия по вопросу о войне разворачивается осенью 1791 – весной 1792 гг. Хорошо известно, что главными сторонниками объявления революционной войны была группа революционеров, в дальнейшем известная как жирондисты, и их лидер Пьер-Жак Бриссо, но в целом их точку зрения разделяли в те месяцы практически все видные деятели революции. По их мнению, война необходима, так как революционная Франция находится в недружественном окружении: «Осмелимся ли мы отрицать недружественное окружение? Будем ли мы отрицать, что эмигранты собирают силы в Вормсе, в Кобленце, вооружаются, запасаются продовольствием? Будем ли мы отрицать, что нам угрожает скорое вторжение? Будем ли мы отрицать, что курфюрсты обещают им не только убежище, но и значительную поддержку, что они получают ее от различных князей, в чьих интересах поддерживать огонь вражды во Франции?» [\[2, p. 31\]](#). В этих условиях Бриссо предлагает превентивную войну для защиты революции во Франции. Кроме того, эта война с точки зрения Бриссо должна будет иметь еще одну цель – распространение революционных идей и ценностей на соседние территории. Максимилиан Робеспьер, его главный оппонент в вопросе о войне во время развернувшейся зимой 1791-1792 гг. общественной дискуссии, следующим образом изображает предложенный Бриссо «крестовый поход по имя свободы»: «вы приведете наши победоносные армии ко всем соседним народам; вы установите повсюду муниципалитеты, директории, национальные собрания, и вы сами восклицаете, что эта мысль возвышенна, как будто бы судьбы империи управлялись риторическими фигурами. Наши генералы, ведомые вами, будут не более чем миссионерами конституции; наш лагерь будет только школой общественного права; прихвостни иностранных монархов, вовсе не ставя никаких препятствий осуществлению этого плана, предстанут перед нами не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы выслушать [\[3, p. 81\]](#)». По мнению Бриссо, этот проект должен быть успешен, поскольку соседние народы готовы воспринять идеалы Французской революции: «таков клич всех патриотов, таково желание всех друзей свободы, разбросанных по всем странам Европы; они только и ждут этого счастливого случая, чтобы напасть на своих тиранов и свергнуть их» [\[4, c. 157\]](#). Таким образом, с точки зрения Бриссо и будущих жирондистов, революционная война представляет собой, с одной стороны, защиту уже совершённых революционных преобразований, а с другой – вооруженный экспорт революции.

Стоит отметить, что для человека, воспитанного в духе Просвещения, каким был Бриссо, его идеи о возможном активном распространении революционных ценностей вполне логичны и закономерны: раз революционные ценности разумны, то разумные, просвещённые люди должны их принять и одобрить, все прочие должны быть просвещены и тогда тоже смогут их воспринять.

С этой точки зрения интересна позиция Максимилиана Робеспьера, который, как

известно, стал главным и практически единственным оппонентом Бриссо в дискуссии о войне. Робеспьер, тоже человек, воспитанный идеалами Просвещения, отвергает возможность вооружённого экспорта революции «Никто не любит вооружённых миссионеров, и первый совет, какой дают природа и осторожность, – оттолкнуть их как врагов» [3, п. 81]. Робеспьер настаивает на том, что причины революционных преобразований должны обнаружиться внутри страны: «Разве хватило бы примера Америки, чтобы разорвать наши цепи, если бы время и стечение счастливейших обстоятельств незаметно не привели к революции? Декларация прав — это не свет солнца, освещающий всех людей одновременно; это не молния, ударяющая во все престолы одновременно. Легче написать ее на бумаге или выгравировать на латуни, чем восстановить в сердцах людей ее священные символы, стертые невежеством, страстями и деспотизмом» [3, п. 82]. Практика французских революционных войн со временем подтвердила скептицизм Робеспьера, но здесь хотелось бы отметить сложность и нехарактерность подобных воззрений для конца XVIII века – неудивительно, что подавляющее большинство французов приняли позицию Бриссо.

Дополнительно хотелось бы отметить ещё один принципиальный вопрос, при ответе на который мнения Робеспьера и Бриссо оказались противоположными, – какими силами должна вестись революционная война? С точки зрения Неподкупного, в том случае, если война всё-таки начнётся, основу армии должен составлять вооружённый народ, солдаты-граждане [5, с. 180]. С точки зрения Бриссо и война, и революционная агитация на занятых территориях должны вестись именно силами регулярной армии, а не вооруженного народа, так как это более рационально и с экономической, и с военной точки зрения, поскольку, по его мнению, идея *народной* (курсив – Ж.-П. Бриссо) войны «означает, что мы хотим оторвать весь народ от его жилищ, от его занятий; означает, что у нас повсюду имеются средства накормить и вооружить его; означает, что крестовый поход бесчисленных миллионов людей нужен для того, чтобы рассеять тысячи человек; означает, что с толпой отважных, но не привычных к оружию людей, людей, у которых нет опытных начальников, мы будем более уверены в успехе, чем с войсками дисциплинированными, вооружёнными, привычными к усталости – это означает, одним словом, отправить людей на бойню» [2, п. 10].

20 апреля 1792 Франция объявляет войну Францу I, королю Венгрии и Богемии (с 5 июля 1792 — император Священной Римской империи Франц II). Неудачи наступательной войны и оккупация части французской территории приводят к тому, что Франция вынуждена перейти к обороне, к защите отечества – и в то же время эта война является защитой революционных преобразований [6], т.е. революционная война меняет свой характер, превращаясь из вооружённого экспорта революции в ее вооружённую защиту.

Тем не менее, даже последовавшие за войной первой коалиции наполеоновские войны в определенной степени сохраняли в себе элемент вооружённого экспорта демократических идей Революции – в частности, через введение в подчиняемых Франции странах правовых систем, основанных на универсальном принципе равенства граждан перед законом. – В то же время вторжение французских войск в Испанию не только спровоцировало там собственную революцию, но вызванный этим вторжением кризис на Пиренейском полуострове послужил, в свою очередь, толчком еще одному вооружённому конфликту, который может рассматриваться как революционная война – к войне за независимость испанских колоний в Америке.

Здесь революционная война смешивается с национально-освободительным движением поскольку внутри испанской колониальной империи латиноамериканцев «лишили даже

действенной тирании, ибо нам не было разрешено осуществлять ее функции» [\[7, с. 56-57\]](#), – отмечает один из главных руководителей этого движения Симон Боливар, также рефлексирующий относительно природы этой войны: в роли тирана здесь выступает правительство метрополии. По итогам войны за независимость испанские колонии в Америке не только обретают независимость и формируют собственные национальные государства, но и добиваются того, чтобы в этих государствах в какой-то степени были приняты либеральные нормы и ценности, узаконенные Великой Французской революцией: «Венесуэла учредила федеративное демократическое правительство, провозглашая первостепенными права человека, поддержала равновесие ветвей власти и установление всеобщих законов, направленных на соблюдение гражданских свобод, свободы печати и др» [\[7, с.57\]](#). Современные исследователи при этом склонны также обращать внимание на то, что на практике война испанских колоний за независимость обретала не только характер национально-освободительного движения, в котором все население колоний противостояло испанской монархии, но и характер гражданской войны, в котором разные группы населения могли сражаться за какие-то свои частные формы эмансипации, а часть населения могла даже сохранять верность метрополии и противостоять тем, кого они рассматривали как изменников [\[8\]](#). В результате важную роль в этом конфликте играли не только столкновения между регулярными армиями, но и партизанские действия. При этом в первой трети XIX века, когда одним из основных направлений международной политики была борьба за формирование национальных государств, роль партизанского движения не была в достаточной степени оторефлексирована. Более того, Боливар подчеркивал важность именно регулярной армии, противопоставляя ее даже не партизанским отрядам, а народному ополчению, использовать которое исходя из опыта республик древности предлагали его оппоненты [\[7, с.22-23\]](#). Напротив – партизанскую войну против Второй Венесуэльской республики вели контрреволюционные иррегулярные отряды Хосе Томаса Бовеса, основу которых составляли льянерос, неграмотная венесуэльская беднота, подверженная влиянию испанской пропаганды. Помимо партизанского контрреволюционного сопротивления, слабость и некоторая политическая отсталость Латинской Америки по сравнению с Европой приводила к тому, что, по мнению Боваря, завоевавшим независимость государствам Латинской Америки придется искать подходящие им формы государственного устройства, так как в силу отсутствия соответствующего опыта они не могут копировать принятое в Европе: «Я не высказываюсь за федеральную систему из народных и представительных единиц, потому что она слишком хороша для нас и требует таких политических способностей и навыков, каких у нас еще нет. По этой же причине я отвергаю монархию, даже являющую собой сплав аристократии с демократией, что принесло Англии столько славы и пользы. И если из монархических и республиканских форм правления мы не можем выбрать подходящую для нас во всех отношениях, мы все же постараемся избежать и демагогической анархии и монархической тирании. Мы будем искать нечто среднее между крайностями, которые грозят бедами, несчастьем и бесчестьем» [\[7, с.22-23\]](#).

Ни французские революционеры, ни латиноамериканские инсургенты не использовали в своих работах термин «революционная война». Это словосочетание появляется в качестве термина уже в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. И хотя тема революционной войны не получает в их творчестве отдельного специального рассмотрения – представляют интерес рассуждения Фридриха Энгельса «изнутри» Революции 1848-49 годов в Германии – относительно перспектив и возможностей революционной войны в контексте анализа им развития революции в Пьемонте: он выделяет следующие главные

особенности революционной войны: 1) война ведётся ради защиты революционных преобразований 2) вести подобную войну способно только радикальное революционное правительство, способное также и на жёсткие внутривнутриполитические меры защиты революции 3) война должна вестись силами всего вооружённого народа [\[9, с.416-419\]](#). Характерно, что здесь Энгельс в качестве примера революционной войны приводит именно практику якобинцев 1793 года. Также стоит отметить, что Энгельс рассматривает партизанскую революционную войну в качестве эффективного способа противостоять более сильному противнику.

Более подробно революционная война рассматривается в трудах большевиков, воспринявших и теоретически осмысливших военный и революционный опыт своих предшественников, – и здесь это понятие используется как термин общеупотребительный и всеми в контексте адекватно понимаемый.

Ленин в своих работах определяет революционную войну как «войну в защиту угнетённых классов против капиталистов, в защиту угнетённых империалистами маленькой горстки стран народов против угнетателей, в защиту социалистической революции от иностранных нашествий [\[10, с.276\]](#)» – в противоположность империалистической войне. Главным актором революционной войны должна являться сформированная революционным правительством революционная Красная гвардия, т.к., по общепринятому мнению, озвученному Крестинским во время дискуссии о Брестском мире, ведение революционной войны при помощи вооружённых сил, оставшихся от дореволюционного правительства, невозможно [\[11, с. 206\]](#). Т.е. главным свойством революционной войны является классовый характер этого конфликта. Важно отметить, что несмотря на оценку Лениным Великой французской революции как революции буржуазной, а не социалистической, французские революционеры, по его мнению, вели именно революционную, справедливую войну против своих феодалов [\[10, с.277\]](#) – т.е. субъектом революционной войны оказывается не какой-то определённый класс, а тот, который в конкретных исторических условиях является с точки зрения Ленина революционным.

Принципиальным оказывается для Ленина справедливый и прогрессивный характер революционной войны – она рассматривается как средство уничтожить войны в дальнейшем – в этом случае Ленин полемизирует со сторонниками политического идеализма и говорит о провале вильсоновской идеологии [\[10, с.274\]](#), пытавшейся решить проблему военных конфликтов при помощи создания системы международного арбитража. Согласно Ленину, прочный мир возможен только при условии коренной перестройки общества, одним из способов которого может являться революционная война.

При этом стоит обратить внимание на то, что в дискуссиях 1910-20 гг. XX в. революционная война, может пониматься двояко – либо как защита революционного отечества, защита территории, на которой уже произошли революционные преобразования и, соответственно, защита этих преобразований [\[11, с.200\]](#), либо как средство подталкивания революции в других странах, экспорт революции, гражданская война с международным, в частности, германским империализмом [\[11, с.201\]](#) – что соответствует тем формам, которые принимала революционная война во время Великой французской революции. Современный исследователь Бажуков полемизирует в данном случае с точкой зрения, устоявшейся в советской историографии, традиционно противопоставлявшей левых коммунистов как сторонников вооружённого экспорта

революции и Ленина как их решительного противника, и утверждает, что Ленин вооружённый экспорт революции при определенных условиях вполне допускал и что его отказ от революционной войны во время дискуссии, предшествовавшей заключению Брестского мира, был вызван технической неготовностью Советской России к войне в тот момент [\[12\]](#). В качестве примера активной наступательной революционной войны, проводимой большевиками, в частности, с санкции Ленина, Бажуков называет Советско-польскую войну.

Соглашаясь в целом с приведённой выше точкой зрения, хотелось бы дополнить ее несколькими замечаниями. Безусловно, в конкретных исторических условиях значимую роль в отказе от революционной войны играла материальная неготовность Советской России к ней. В целом же необходимо помнить, что в это же время мировая революция представлялась событием, ожидавшимся в ближайшей перспективе, поэтому любые решения принимались исходя из их предполагаемой пользы или вреда для ее приближения. Пожертвовать ли революционными преобразованиями в неготовой к войне Советской России ради разжигания революции в Германии? Подобный выбор допустим в том случае, «если мы верим в то, что германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей» [\[11, с.205\]](#). В противном случае необходимо воздерживаться от активных военных действий и сосредоточиться на упрочении революционных преобразований в России, поскольку «Германия только ещё беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну» [\[11, с.201\]](#). Здесь более полезными для распространения революционных идей оказываются другие способы - обмен пленными, который позволит попасть в Германию людям, «видевшим нашу революцию на практике» [\[11, с.211\]](#), а также успешное революционное строительство, способное продемонстрировать всему миру преимущества нового строя [\[13, с.250\]](#). Но принципиальным моментом в любом случае здесь оказывается недопустимость привнесения революции извне. С одной стороны, она основывается на ленинском понимании революционной ситуации - условий, возникающих внутри страны, при которых политический кризис может разрешиться революцией: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» (курсив – В.И. Ленин) [\[14, с.300\]](#). Другим теоретическим и идейным обоснованием отказа от экспорта революции становится признание права наций, а не трудящихся на самоопределение [\[15, с.156-162\]](#). Как представляется, оно является следствием марксистского понимания исторического процесса в целом: если главным историческим субъектом являются народные массы, а законы исторического развития объективны, то привнесение революции извне в страну, где революционная ситуация не сложилась, а народ не готов к революционным преобразованиям, становится технически невозможным – что характерным образом перекликается с доводами Максимилиана Робеспьера. Т.е. извне возможна только поддержка в разрешении уже назревшего революционного кризиса.

Что же касается Советско-польской войны, то согласно воспоминаниям М.Н. Тухачевского, советское руководство переоценило революционность польского пролетариата и крестьянства, экстраполировав на Польшу ситуацию в Белоруссии, где население в целом благожелательно встречало Красную армию и где еще до прихода Красной армии начинались крестьянские волнения. Тухачевский рассматривает это как

возможность привнесения революции извне [\[16, с.61\]](#), но в целом здесь тоже можно говорить о помощи уже назревшему революционному движению. В целом же можно говорить о том, что революционная война во время Великой Октябрьской социалистической революции имела оборонительный характер, причём основную роль в этом конфликте играла сформированная революционным правительством регулярная армия.

Революционный и военный опыт большевиков был затем осмыслен адаптирован к китайским условиям Мао Цзэдуном, систематически изложившим свои взгляды в работах «Стратегические проблемы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.), «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (май 1938 г.), «О затяжной войне» (июнь 1938 г.).

Мао следует за Лениным, разделяя войны на несправедливые - контрреволюционные и справедливые - революционные, которые в свою очередь могут быть как классовыми, так и национальными. Повторяет Мао и рассуждения Ленина о том, что революционная война является средством прогрессивного переустройства мира и устранения любых войн в дальнейшем: «Война – это чудовище, которым люди убивают друг друга, в конечном итоге будет устранено с развитием человеческого общества, и оно будет устранено в ближайшем будущем. Но есть только один способ устранить ее: использовать войну против войны, революционную войну против контрреволюционной войны, национально-революционную войну против национальной контрреволюционной войны и классовую революционную войну против классовой контрреволюционной войны. ... Если мы не поднимем знамя справедливой войны, то большая часть человечества будет опустошена. Флаг справедливой войны человечества — это флаг спасения человечества, а флаг справедливой войны Китая — это флаг спасения Китая. Война, которую ведет большинство человечества и большинство китайского народа, несомненно, является справедливой войной, делом высшей чести по спасению человечества и спасения Китая и мостом, который превращает мировую историю в новую эру» [\[17\]](#). При этом в качестве противника в революционной войне может выступать как внутренний враг, в случае Китая - Гоминьдан, так и враг внешний, в китайском случае - Япония: «В революционной войне этот принцип непосредственно связан с основным политическим принципом войны. Например, основным политическим принципом войны Китая против японских захватчиков, то есть политической целью этой войны, является изгнание японских империалистов и построение независимого, свободного и счастливого нового Китая. В военном плане это означает: отстоять родину вооруженной силой и изгнать японских бандитов» [\[18\]](#). Определив суть революционной войны в принципе, Мао переходит к рассмотрению технических особенностей революционной войны в специфических китайских условиях, которые заставляют Мао разрабатывать собственную теорию революционной войны, а не слепо копировать успешный опыт Советской России в Гражданской войне, хотя Мао признает безусловную необходимость учета этого опыта [\[17\]](#).

В результате в рассуждениях Мао революционная война в Китае принимает форму партизанской, нерегулярной войны. Но, стоит подчеркнуть, что Мао остается теоретиком именно революционной, а не партизанской войны [\[19\]](#). Та форма партизанской и затяжной войны, которую принимает революционная война в Китае, обусловлена его конкретными историческими условиями: Китай - большая, но слабая, полуколониальная страна, при этом китайской красной армии противостоит более сильный противник, но произошедшая в Китае революция, в том числе аграрная, обеспечивает красной армии

поддержку крестьян [\[17\]](#), а в дальнейшем - победу революции в Китае. Стоит отметить, что подобное свойство партизанской революционной войны отмечалось уже Энгельсом (см. выше).

Взаимодействовавшие со своими китайскими товарищами вьетнамские коммунисты усвоили маоистскую тактику партизанской войны и применили ее во время Первой Индокитайской войны, где с ней столкнулись французские вооруженные силы. В частности, по воспоминаниям французских военных, воевавших во Вьетнаме, окружавшее их местное население, вплоть до детей, при необходимости могло быть мобилизовано Вьетмином для диверсионной деятельности против французских колониальных войск – устройства засад, повреждения железнодорожных путей и телефонной связи [\[20\]](#). В связи с этим французским военным теоретикам пришлось разрабатывать свою стратегию контрреволюционной войны или контргерильи, а для этого – подробно изучить и теоретически осмыслить феномен, с которым они столкнулись. Для этого работы Мао были переведены на французский язык, а во французском интеллектуальном пространстве в результате сформировалась концепция революционной войны как революционной герильи.

Согласно этой концепции, революционная война берет свое начало в антиколониальном движении. При этом в случае революционной войны участники антиколониальной герильи не просто противостоят колониальным властям, но опираются на идеологию, способную внушить симпатию в лагере противника и нейтральном лагере, что меняет характер войны. Эта идеология не может быть побеждена идеологией противоположной стороны, что делает противостояние несимметричным. Восставшие получают материальную и моральную поддержку, начинается давление на общественное мнение в стране-колонизаторе, что позволяет восставшим держаться - в результате затраты на войну становятся чрезмерны, что приводит страну-колонизатора за стол переговоров, продолжающихся длительное время на фоне затухающего конфликта [\[21, p.23-25\]](#) - т.е., технически подобный способ ведения войны позволяет более слабому в экономическом и военном плане противнику добиться определённого успеха. Вне непосредственной связи с антиколониальным движением революционная война представляет собой особую форму партизанской войны, в которой традиционные формы преследования противника сочетаются с особыми политическими действиями, направленными не только на захват власти, но и на ее модификацию в целях особой идеологии [\[22\]](#). При этом, поскольку данная концепция разрабатывалась людьми, вынужденными противодействовать революционной войне, то, разумеется, именно инсургенты, группа, нацеленная на захват и модификацию власти, объявляется единственно виновной в развязывании конфликта, вне зависимости от того, кто первым применяет силу [\[23, p.3\]](#). Хотя первоначально группа инсургентов может быть невелика, в дальнейшем посредством пропаганды она приобретает массовую поддержку невоенного населения [\[23, p.2\]](#), которое тоже может включаться в партизанскую борьбу с противником.

Таким образом, революционная война согласно этому представлению, безусловно, опирается на определенную идеологию, но совершенно не обязательно эта идеология должна быть именно революционной - так, помимо Вьетнама, другой важной базой для разработки концепции революционной войны французским военным теоретикам послужил Алжир, где в силу слабости местной компартии идеологической основой противостояния выступал ислам. Согласно генералу Бофру, автору книги «Революционная война: новые формы войны», на момент написания книги (книга издана в 1972 году) в мире насчитывалось около 50 вооруженных конфликтов и практически все

они содержали в себе элементы революционной войны [\[21, p.III\]](#).

Стоит отметить, что разные французские военные теоретики выделяли разные элементы современных им вооруженных конфликтов в качестве основных элементов революционной войны. Согласно генералу Немо, революционная война становится фактически синонимом герильи, которую он понимает как действия, опирающиеся на насилие и осуществляющиеся противником на территории, на которой другой осуществляет политическое и экономическое управление и военную оккупацию [\[22\]](#). При этом сторона, ведущая революционную войну, опирается на массовую поддержку населения, поскольку рассматривает его не как аморфную массу, которую надо завоевать и удержать в подчинении, а как почву, которую они должны оплодотворить, перестраивая революционное управление в соответствии с особенностями данного общества. Т.е. здесь первичен именно партизанский аспект, а идеологизированность выполняет вспомогательную функцию.

В то же время генерал Огар рассматривал революционную войну в первую очередь как часть всемирной стратегии марксистов-ленинистов по переустройству человеческого общества. С его точки зрения именно это объясняет, почему по всему миру постоянно вспыхивают горячие революционные войны, составляющие революционную войну [\[22\]](#) - т.е. этот автор подчеркивает прежде всего именно идеологический, революционный, а не партизанский аспект революционной войны.

Впрочем, стоит отметить, что в середине XX в. подходы Немо и Огара не были столь различны, как может показаться на первый взгляд. В это время антиколониальное движение, проявляющееся в форме герильи, действительно зачастую выступает в том числе и под коммунистическими лозунгами и пользуется поддержкой советского блока, а революции, как, например, кубинская, начинаются именно в форме герильи - таким образом, вооруженные выступления в поддержку революционной идеологии и революционных ценностей (в этот период - чаще всего именно коммунистических) происходят в форме партизанской войны.

Стоит отметить, что рассмотренное выше употребление термина «революционная война» характерно именно для франкофонной культуры. В русскоязычной среде оно не получило широкого распространения. Рассматривая партизанские революционные выступления в XX веке, составители сборника «Красная герилья в Азии», для обозначения партизанской войны, проходящей под левыми политическими лозунгами, используют термин «герилья», а сам вооруженный процесс захвата власти революционными силами авторы сборника называют «вооружённой революцией» [\[24, 25\]](#).

В дальнейшем подобное понимание революционной войны во франкоязычной культуре экстраполировалось и на другие конфликты, вне зависимости от того, можно ли их считать революционной войной в старом, традиционном понимании или нет.

Так, например, некоторые французские авторы пытаются механистически интерпретировать взгляды Ленина с точки зрения появившейся гораздо позднее французской концепции, считая признаком революционности Гражданской войны наличие небольшой идеологически заряженной группы революционеров-большевиков, противостоявших изначально государственному аппарату Российской Империи [\[26\]](#).

Аналогичным образом генерал Бофр, обращая внимание то на партизанский, то на идеологический характер военных действий, обнаруживает черты революционной войны во многих вооруженных конфликтах на протяжении человеческой истории - так,

например, в качестве элементов революционной войны он рассматривает как идеологическую ангажированность Жанны д'Арк, так и опору коннетабля Дюгеклена на партизанские действия [\[21, p.88\]](#). Религиозные войны с этой точки зрения являются полноценной революционной войной [\[21, p.89-92\]](#). Более того, революционную войну могут одновременно вести обе стороны вооружённого конфликта: во время наполеоновских войн французы ведут революционную войну в силу своей идеологической ангажированности, обеспечивающей им сторонников даже во вражеском лагере, а их противники в Испании и в России - в силу опоры на партизанскую войну [\[21, p.98\]](#).

Традиция подобного понимания революционной войны до сих пор жива во франкофонной культуре. Так, французский военный журналист Рено Жирар, анализируя стратегию ХАМАС в обострившемся осенью 2023 года арабо-израильском конфликте, приходит к выводу что в данном случае бойцы ХАМАС ведут революционную войну, поскольку неотличимы от мирного палестинского населения, которое они предполагают освободить, так как они и члены их семей посещают те же мечети и те же школы, что и остальные палестинцы и выглядят внешне точно так же. Т.е. в данном случае понятие революционной войны не связано напрямую с революцией. Одна из сторон конфликта определённым образом идеологически заряжена, но эту идеологическую базу нельзя назвать революционной. Признаками революционной войны согласно Рено Жирару становятся отсутствие регулярной армии, которую можно однозначно отличить от мирного населения, и любая идеологическая ангажированность [\[27\]](#).

Интересно, что подобное понимание революционной войны коренным образом меняет традиционную интерпретацию некоторых событий. В частности, с этой точки зрения, революционную войну ведут вандейцы, так как представляют собой партизанские отряды, сражающиеся против регулярной армии, в то время как традиционно именно регулярные войска французской республики рассматривались как революционная армия, поскольку с их стороны это была война за революционные ценности.

Подобное понимание революционной войны, конечно, содержит в себе одно из значимых свойств этого явления – опору на вооружённый народ, которую подчёркивали почти все рассмотренные нами деятели революционных движений, пытавшиеся отразить вооружённые конфликты, в которые они были вовлечены. Тем не менее, представляется, что традиционное понимание революционной войны как военных действий, направленных на защиту или экспорт революционных ценностей и преобразований, оказывается более конкретным и емким, чем французский вариант, который позволяет по формальным критериям объединить в одну категорию принципиально разные вооружённые конфликты. Аналогичным образом, традиционные термины «революционная диктатура» или «якобинская диктатура» представляются более корректными, чем используемый некоторыми современными исследователями термин «диктатура монтаньяров» [\[28, с. 183\]](#), поскольку последний термин формально указывает лишь на субъект власти, на носителей диктаторской власти – конкретных лиц, составлявших Гору Конвента, но не раскрывает суть и смысл проводимой ими политики. Оба же традиционных наименования сосредоточены именно на ее характерных чертах – диктатура, направленная на осуществление и защиту революционных преобразований [\[29, с. 42-44\]](#).

Авторы выражают благодарность д.и.н. Е.В. Савковичу за предоставленные тексты работ Мао Цзэдуна.

Библиография

1. Burke E. Speech on Conciliation with America. Chicago: Scott, Foresman and company, 1898. 159 p.
2. Brissot J.P. Troisième discours de J.P. Brissot, député sur la nécessité de la guerre Prononcé à la société, le 20 janvier 1792. Paris: Impr. du Patriote français, 1792. 18 p.
3. Robespierre M. Sur la guerre (2 janvier) // Robespierre M. Oeuvres complètes. T. VIII. Discours (3e Partie). Octobre 1791 - Septembre 1792. Paris: Presses universitaires de France, 1954. P. 74-93.
4. Жорес, Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. II. М.: Прогресс, 1978. 648 с.
5. Робеспьер М. О войне. Речь 18 декабря 1791 // Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 168-184.
6. Hallen T. van der. Robespierre et le dilemme de la diplomatie révolutionnaire // Academia.edu [сайт]. - URL: https://www.academia.edu/35055943/Robespierre_et_le_dilemme_de_la_diplomatie_r%C3%A9volutionnaire (дата обращения: 22.01.2022). 16 p.
7. Боливар С. Избранные произведения. 1812-1830. М.: Наука, 1983. 280 с.
8. Thibaud C. Guerre et révolution au cours des Indépendances hispano-américaines // Rivista Storica Italiana. 2010. № 122-122. P. 649-681.
9. Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев. II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 416-419.
10. Ленин В.И. О тезисах по аграрному вопросу французской компартии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 274-281.
11. Протоколы Центрального комитета РСДРП, август 1917 - февраль 1918 / ред. М.А. Савельев. М., Л.: Государственное издательство, 1929. 309 с.
12. Бажуков В.И. Концепция революционной войны в учении В.И. Ленина: теория и практика // Вестник Московского Университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 1. С. 25-37.
13. Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 243-253.
14. Ленин В.И. Маёвка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 296-305.
15. Ленин В.И. VIII съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 156-162.
16. Тухачевский М. Поход за Вислу // М. Тухачевский. Поход за Вислу. Ю. Пилсудский. Война 1920 года. М.: Издательство "Новости", 1992. С. 33-97.
17. Мао Цзэдун. Стратегические вопросы революционной войны в Китае, декабрь 1936 г. [中国革命战争的战略问题(一九三六年十二月)] // marxist.org [сайт]. - URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193612.html> (дата обращения: 3.04.2024).
18. Мао Цзэдун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков, май 1938 [抗日游击战争的战略问题(一九三八年五月)] // marxist.org [сайт]. - URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193805.html> (дата обращения: 6.04.2024).
19. Bouzoumita M. Mao et la guerre révolutionnaire // Stratégique. 2016. № 3. P. 63-87.
20. Villatoux M.-C., Villatoux P. Aux origines de la "guerre révolutionnaire": le colonel Lacheroix parle // Revue historique des armées. 2012. № 268. P. 45-53.
21. Beaufre A. La guerre révolutionnaire: Les formes nouvelles de la guerre. Paris: Fayard, 1972. 231 p.

22. Villatoux M.-C. Hogard et Némó. Deux théoriciens de la "guerre révolutionnaire" // Revue historique des armées. 2003. № 232. P. 20-28.
23. Gallula D. Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice. N.-Y.: Praeger Security International, 1964. 130 p.
24. Джха И. Пойми же боль Бастара // Герилья в Азии. Красные партизаны в Индии, Непале, Индокитае, Японии и на Филиппинах, подпольщики в Турции и Иране / Составители А. Колпакиди, М. Нигматуллин. М.: Родина, 2023. С. 38-48.
25. Полонский И. Красная герилья на Филиппинах // Герилья в Азии. Красные партизаны в Индии, Непале, Индокитае, Японии и на Филиппинах, подпольщики в Турции и Иране / Составители А. Колпакиди, М. Нигматуллин. М.: Родина, 2023. С. 21-27.
26. Malis C. La guerre révolutionnaire, de Lénine à l'État islamique // Stratégique. 2017. № 3. P. 161-183.
27. Girard R. La guerre révolutionnaire du Hamas // le Figaro [сайт]. - URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-la-guerre-revolutionnaire-du-hamas-20231016> (дата обращения: 24.03.2024).
28. Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 468 с.
29. Старосельский Я.В. Проблемы якобинской диктатуры. Л.: Издательство коммунистической академии, 1930. 306 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «О некоторых этапах эволюции понятия "революционная война" в общественной мысли XVIII-XXI вв.» посвящен перспективно интересной и актуальной теме происхождения и смыслового наполнения понятия «революционная война», однако некоторые исходные методологические решения автора вызывают сомнения. Во-первых, общественная мысль XVIII-XXI вв., заявленная автором в заглавии – это безбрежное море, которое невозможно проанализировать с какой-либо достойной степенью глубины в работе данного объема, автор выбирает буквально несколько сюжетов: Великая французская революция – Симон Боливар – Ленин – Мао – французские авторы об опыте Вьетнама. Во-вторых, работу с корпусом исторической и политологической литературы по теме работы автор подменяет результатами запроса в поисковой системе Google, и вышеуказанную схему своей работы автор строит именно на результатах интернет-запроса (опустив по непонятным причинам американскую войну за независимость). Точно так же суждение о недостаточной изученности темы («В то же время в литературе не существует его четкого, общепризнанного определения») автор получает по итогам обращения к поисковой системе. Отобранные автором сюжеты каждый сам по себе могли быть темой отдельного исследования по наличию и отсутствию революционности в ведущейся войне, различным трактовкам этих войн в литературе и т.д. Рассмотренные сюжеты и мнения не являются сколько-нибудь достаточным материалом для того чтобы обобщить трансформацию понятия «революционная война» в общественном мнении за 250 лет, это частные случаи, связь между которыми может быть выражена более или менее явно. Непонятно, почему автор обращается к авторам рассмотренных мнений как теоретикам («Подобное понимание революционной войны, конечно, содержит в себе одно из значимых свойств этого явления – опору на вооружённый народ, которую подчёркивали все рассмотренные нами теоретики»): Ленин, Мао, французские генералы, Боливар были практиками революции. Точно также сумма мнений этих

персонажей не дает нам «общественного мнения». В выводах автор не приходит к какому-то итогу по заявленной теме исследования, а возвращается к понятийному аппарату времен Великой Французской революции. Многие проблемы работы проистекают по причине ухода от традиционной схемы научного исследования: предмет исследования, источники и методология исследования, актуальность, научная новизна, обзор литературы по теме исследования, трактовка ключевых терминов исследования (в данном случае "общественное мнение") и др. Работа в целом не лишена ценности, но ей не хватает более адекватного содержанию заголовка, научно-методического обоснования и четких выводов по теме работы. Рекомендуются к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению понятия «революционная война» и особенностям его трактовки различными авторами от эпохи Великой французской революции до второй половины XX века. Основное внимание уделяется сравнительному анализу классического подхода, связывающего революционную войну с защитой и экспансией революционных преобразований, и точки зрения современной французской военной теории, интерпретирующей это понятие значительно шире, включая партизанские действия и идеологические аспекты вооружённых конфликтов. Автор ставит задачу выявить ключевые различия в восприятии революционной войны представителями разных эпох и культурных традиций, определить степень влияния французского военного дискурса на современные концептуализации данного феномена. Методология исследования основывается на анализе текстов, созданных участниками революционных движений и мыслителями, занимающимися вопросами революционной борьбы. Автор привлекает широкий спектр источников, охватывающих различные исторические периоды и культурные контексты. Используются методы исторической реконструкции, сравнительно-исторического анализа и философской интерпретации. Работа выполнена в рамках новой интеллектуальной истории, что предполагает сочетание историко-критического метода с анализом взаимовлияния идей и социальных реалий.

Автор сравнивает классические взгляды на революционную войну, представленные в трудах деятелей Французской революции и последующих революционных лидеров, с современным пониманием этого феномена, отражённом в работах французских военных теоретиков XX века. Такой подход позволяет глубже раскрыть эволюцию смысла и содержания термина «революционная война».

Актуальность данной темы очевидна: в XXI веке продолжают возникать вооружённые конфликты, которые претендуют на статус революционных войн, особенно в регионах бывшего СССР и развивающегося мира. Поэтому исследование происхождения и эволюции подходов к определению революционной войны важно для лучшего понимания текущих процессов. Кроме того, статья актуальна для специалистов в области международных отношений, философии и социологии, изучающих влияние идеологических факторов на развитие военных стратегий и принятие решений.

Научная новизна состоит в сравнении классической европейской трактовки революционной войны с новым подходом, разработанным французскими военными теоретиками. Впервые предпринята попытка рассмотреть эти два взгляда в целостном историко-политическом контексте, показывая взаимосвязь традиционной практики революционной войны и современных интерпретаций, акцентирующих внимание на

идеологическом аспекте и партизанских действиях.

Автор демонстрирует, что современный подход расширяет рамки традиционного определения, делая возможным отнесение к категории революционных войн даже тех конфликтов, которые не связаны напрямую с революциями в классическом смысле. Такой подход помогает лучше понять механизмы современного насилия и даёт инструменты для анализа современных локальных конфликтов.

Структура статьи выстроена последовательно и логично. Аргументы изложены ясно и аргументированно. Список использованных источников и литературы обширен и разнообразен. Привлечены оригинальные тексты деятелей революций, работы известных историков и философов, материалы исследований российских авторов и западных учёных. Особенное значение имеют работы, посвящённые развитию теории революционной войны в XX веке, такие как труды генерала Андре Буафра («*La guerre révolutionnaire*»).

Автор активно вступает в диалог с другими исследователями, подчёркивая своё несогласие с некоторыми выводами коллег. Особенно выделяются позиции, касающиеся роли партизанских действий и значения идеологического компонента в определении революционной войны. Например, критикуется точка зрения, согласно которой понятие революционной войны сводится исключительно к действиям регулярных армий, что отражает стремление автора показать многообразие возможных трактовок исследуемого феномена.

Главный вывод статьи заключается в выявлении существенных различий между традиционным пониманием революционной войны и современным подходом, предлагающим широкое толкование этого понятия. Выводы сделаны обоснованно и подкреплены материалами оригинальных документов и авторитетных научных публикаций. Однако не хватает критического осмысления собственных выводов относительно практических последствий такой широкой трактовки.

Работа привлечёт внимание представителей гуманитарных наук, особенно студентов и преподавателей истории, политологов, международников и специалистов по безопасности. Исследователи, интересующиеся проблемами революций и военных конфликтов, найдут много интересного и полезного материала.

Статья «Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков» заслуживает рекомендации к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Самигулин М.Р. Сочинения Джерома Горсея о Московии: дипломатические отчёты или энциклопедические сочинения? // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74840 EDN: WDYMAW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74840

Сочинения Джерома Горсея о Московии: дипломатические отчёты или энциклопедические сочинения?

Самигулин Максим Равилевич

аспирант, институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет
учитель; ГБОУ Школа 2086

125130, Россия, г. Москва, Войковский р-н, Старопетровский проезд, д. 12 к. 6

✉ samigulinmaksum@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74840

EDN:

WDYMAW

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2025

Дата публикации:

19-06-2025

Аннотация: Объектом исследования являются политические взгляды английских дипломатов и путешественников на Московию XVI века. Предметом исследования являются взгляды Джерома Горсея на Московию, отражённые в его путевых заметках. В них автор отходит от привычного для английских путешественников описательного и энциклопедического характера путевого очерка в сторону сюжетного повествования с подробными характеристиками не только географии и быта жителей Московского государства, но и политической деятельности его правителей. Целью данной работы стало рассмотрение «Путешествий Джерома Горсея» в более широком контексте политических сочинений его эпохи. Поиск сходств политического языка Горсея и политических деятелей эпохи Елизаветы Тюдор поможет понять, чем обусловлены характеристики данные Московии и особое внимание торговца к деятельности

московских государей Работа опирается на методологию Кембриджской школы изучения политических языков Нового времени. Ключевым методом которой является рассмотрение исторических источников в широком контексте сочинений эпохи и поиск повторяющихся языковых маркеров. Основными выводами проведённого исследования стало то, что сочинения Горсея о Московии стоит расценивать не только как форму отчётности перед Тайным советом и один из многих путевых очерков, но также рассматривать в одном ряду с политическими памфлетами и хрониками его эпохи. Исследование политического языка Джерома Горсея поможет лучше понять особенности коммуникации английских дипломатов с государственной элитой Британии членами Тайного совета, к которым представитель Московской компании адресуется в начале «Путешествий». А «Путешествия Джерома Горсея» стоит рассматривать не как точные описания дипломатической и торговой деятельности в Московии, а скорее как один из способов трансляции политических идей английских элит, чьё влияние испытывал дипломат.

Ключевые слова:

Тюдоры, политические языки, Джером Горсей, дипломатия, Московия, Московская компания, Иван Грозный, памфлеты, дипломаты, путевые дневники

Во второй половине XVI века Англия превращается в одну из сильнейших морских держав и вступает в борьбу с Испанией и Португалией за освоение новых территорий. Англичане начинают искать новые торговые пути в Азию и устанавливать связи с Московией^[1,2,3]. Начинается построение торговых и дипломатических отношений с 1551 года, когда в Лондоне была основана Московская торговая компания, обладавшая монополией на торговлю с Московским государством^[4]. При этом её члены играли роль не только торговых представителей, но и дипломатов^[5].

Среди них распространяется жанр путевых записок, которые содержали подробную информацию о землях, в которых побывал торговец или представитель правительства. Издавались заметки путешественников чаще всего в составе географических компендиумов, которые представляли собой собрание широкого круга текстов, посвященных определённой территории. В историографии присутствует несколько взглядов на характер путевых записок^[6]. С одной стороны, эти произведения носят описательный характер конкретных путешествий и могут быть отнесены к мемуарам, травелогам^[7] или энциклопедической литературе, цель которой в то время развлечь своего читателя. При этом часть путевых описаний использовалась с идеологической целью формирования взглядов англичан на устройство мира, в котором подданные английского короля присутствуют на множестве континентов и успешно конкурируют с торговцами и первопроходцами других держав^[8].

К концу XVI века устанавливается хрестоматийная форма путевых записок^[7]. Путевые очерки англичан чаще всего делятся на следующие смысловые блоки: описание посещённой области, её географические особенности и города, описание правителей и органов власти, сообщения о местном населении и его составе, описание системы суда и налогов в государстве, часть о военном деле, описание религиозных особенностей и быта населения. Такую структуру задаёт путевой очерк Джайса Флетчера^[9], её придерживается большинство авторов сочинений, изданных ведущим английским

издателем Ричардом Хаклюйтом [\[10\]](#).

Одним из первых представителей Московской компании при дворе Ивана Грозного был сэр Джером Горсей, который выполнял дипломатические поручения в Московии с 1573 по 1590 год [\[11\]](#). После его возвращения были изданы «Путешествия Джерома Горсея» [\[12\]](#). Отметим, что это издание вероятнее всего состоит из нескольких фрагментов, созданных автором в разные временные периоды его службы и уже после неё [\[13\]](#).

В «Путешествиях» Горсей отходит от привычного для английских путешественников описательного и энциклопедического характера путевого очерка в сторону сюжетного повествования с подробными характеристиками не только географии и быта жителей Московского государства, но и политической деятельности его правителей. При этом большая часть повествования посвящена правлению Ивана IV. Целью данной работы стало рассмотрение «Путешествий Джерома Горсея» в более широком контексте политических сочинений его эпохи. Поиск сходств политического языка Горсея и политических деятелей эпохи Елизаветы Тюдор поможет понять, чем обусловлены характеристики данные Московии и особое внимание торговца к деятельности московских государей в «Путешествиях», жанр которых не предполагал акцента на политических характеристиках и оценках правителей.

Характеристика и формирование образов европейских монархов свойственна не путевым очеркам, а иному жанру распространённому в Англии XVI века – политическим памфлетам. Проблема восприятия и сравнения европейских правителей с английским монархом встречается в политических памфлетах его современников Горсея: «Политика войны» Томаса Бэкона, «De republica Anglorum» Томаса Смита и «Некоторые причины и политические доводы, почему король Англии должен вступить в войну с испанцами» Томаса Скотта.

Одной из центральных идей английских памфлетов становится противопоставление «тиранов» и «королей». Для английских интеллектуалов XVI века «тиран» — это противоположность короля. Король — это «лицо, которое правит по праву наследования или доброй воли народа, управляет страной по закону и справедливости, и ищет выгоды для людей, как для самого себя», а тиран «насильно объявляет монархию против воли народа, нарушает законы для своего удовлетворения, принимает другие [законы] без совета народа, стремится не к процветанию своих жителей, а к своему, его сторонников и рода» [\[14\]](#). Отличия между «тиранами» и «королями» авторы памфлетов видят в первую очередь в целях и их взаимоотношениях с подданными. Отличительной чертой правителей «тиранов» становится развязывание войн, при которых «огнём и мечом безжалостно уничтожаются справедливые и законные чужие владения» [\[15\]](#). Завоевателями движут их «ненасытные тиранические амбиции» [\[15\]](#). Оппозицию «король – тиран» встречаем и в речи Елизаветы перед войсками в Тилбёри: «Пусть тираны боятся, я же всегда вела себя так, что, видит Бог, доверяла мои власть и безопасность верным сердцам и доброй воле моих подданных». Заканчивает свою речь королева следующими словами: «мы [англичане] вскоре одержим славную победу над врагами моего Бога, моего королевства и моего народа».

Рассмотрим в этом ключе «Путешествия Джерома Горсея». В них правление Ивана Грозного характеризуется, как тираническое, а сам царь определяется как тиран. При этом характеристики, которые получает Иван IV схожи с теми маркерами, которыми тираническую власть определяют авторы политических памфлетов. Так все военные действия против Швеции и Речи Посполитой, которыми руководит Иван IV описываются

как наступательные и захватнические. А проявление отрицательных черт правителя дипломат связывает с его завоевательной политикой. После описания территорий, завоёванных Иваном Васильевичем, встречаем следующий пассаж «так он вырос в своём могуществе, возгордился, усилился, стал жестоким и кровавым в своих завоеваниях» [\[12\]](#). Русские войска лишь однажды характеризуются, как храбрые и достойные. Такую характеристику Горсей даёт отрядам, оставшимся противостоять Крымскому хану, в то время как сам Иван IV уехал с семьёй и золотом [\[12\]](#).

Развязывание агрессивной войны становится для Горсея ключевым маркером для обозначения тирании Ивана IV. Подобно авторам английских политических памфлетов дипломат описывает войну, как разрушительное явление для развития государства. В описании его пути в Московию встречаем следующий пассаж: «я посетил и осмотрел части Франции и Нижних провинций (Нидерландов) в их цветущем состоянии, но в самый мрачный период войны» [\[12\]](#). Отметим также, что это роднит позицию Горсея со взглядами на войну бюрократической элиты Англии, которые не поддерживали военные действия английских войск в Нидерландах и в своих письмах к военачальнику англичан лорду Дадли выступали только за оборонительный характер войны [\[16\]](#).

Следуя установившейся и ставшей традиционной структуре путевых очерков, Горсей дополняет части, обычно не связанные с военными действиями, описаниями завоевательной политике Ивана IV. Раскроем этот тезис на нескольких конкретных примерах.

Большинство путевых очерков англичан начинаются с описания посещённой области и её городов [\[10\]](#). Описания городов сопровождаются сообщением о расположенных рядом географических объектах и товарах, которые можно купить в городе. Такие сообщения соответствуют инструкции Себастьяна Кабота, которыми руководствовались английские моряки: «Названия народов каждого острова должны записываться, равно продукты и отрицательные черты страны; следует отмечать характер, качества и обычаи населения, местность, где они живут, какие предметы они более всего желают получить и с какими продуктами они наиболее охотно расстанутся и какие металлы имеются у них в холмах, горах, потоках, реках, на поверхности земли или в земле». Горсей, следуя инструкции и устоявшейся традиции, начинает свой очерк с описания городов Московии и товаров, но сопровождает их вставками об истории завоевания: «он [Иван IV] получил у польского короля знаменитые города Полоцк, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и многие другие, имевшие огромные богатства и бесчисленное количество людей, ставших пленными,— все это на пространстве 700 миль внутри этой земли; он покорил Белую Русь и Литву— земли с богатыми торговыми городами, изобилующими многими товарами: льном, пенькой, салом, кожами, зерном и множеством скота» [\[12\]](#). В сообщении о крупнейших торговых городах Московии Новгороде и Плеско Горсей добавляет пассаж о том, что Иван IV «предавал смерти всех мужчин, женщин и детей, попадавшихся ему на пути» [\[12\]](#) в эти города. Такие сюжетные вставки совершенно не соответствуют стандартным путевым очеркам о Московии. К примеру, торговец Московской компании Ричард Чанслер в своём описании Московии сообщает о Новгороде, что «этот город превосходит все остальные по производству льна и пеньки; он также производит шкуры, мед и воск» [\[10\]](#), информацию, которую требовала от него торговая инструкция. Здесь можно сделать вывод о том, что Горсей сознательно вплетает в своё сочинение сюжетные описания с целью подчеркнуть стремления царя Московии к завоеваниям и убийству своих подданных.

Отметим ещё одну особенность завоевательных походов Ивана IV. Основной военной силой этих походов становятся татары у него на службе, которых дипломат по всей видимости отождествляет и с опричным войском. «Вследствие этого брака он получил несокрушимую мощь и силу этих татар, более решительных и лучших воинов, чем его собственные ... Раздувшийся от своей гордости, пойдя против здравого смысла, ведя за собой армию из ста тысяч конных и пятидесяти тысяч пехотинцев, он выступил к границам Ливонии и Швеции – пределам христианского мира с той стороны» [\[12\]](#). Здесь Джером Горсей, возможно, следует традициям хронистов того времени, которые приводили в пример тирании Османского императора мусульманина, который угрожал христианским королевствам. Показательно, что в границы «Христианского мира» дипломат не включает Московию.

За описанием городов и власти в путевых очерках обычно следовала характеристика системы управления и знати. В этой части сочинений Горсей сообщает о разделении государства на «земское и опричное» и коронации царя Симеона, особо отмечая, что сделано это было без согласия вельмож Ивана IV. Здесь встречаем ещё один маркер тирана, который «насильно объявляет монархию против воли народа, нарушает законы для своего удовлетворения, принимает другие [законы] без совета народа» [\[12\]](#). Схожее построение двух пассажей позволяет предположить, что Горсей через Ивана IV практически иллюстрирует описание тирана из памфлета Томаса Смита.

Выделяется и описание Горсеем церковного устройства Московии. Авторы путевых очерков, изданных Хаклюйтом, в этой части обычно описывали религиозные предрассудки жителей Московии и давали краткое перечисление церковных титулов, встречающихся в государстве. Джером также описывает церковную иерархию в Московии: «митрополиты, епископы, священники, архимандриты, игумены, настоятели, казначеи и все другие чины главных монастырей» [\[12\]](#). Но и это описание автор сопровождает сюжетным пассажем о казни мятежных монахов, которые по воле царя были отданы на съедение медведям, называя это событие «занимательной трагедией».

Как и в политических памфлетах в «Путешествии Джерома Горсея» правителю тирану противопоставляется правитель, которого любит народ. Сначала Горсей описывает случай, когда Иван IV отправил тысячу стрельцов, чтобы разорить дворян и купцов из Нарвы и Дерпта, которые были расселены рядом с Москвой с обещанием свободы вероисповедания. А в следующем пассаже автор описывает смерть сына Ивана IV царевича (государя) Ивана. Так «королевство понесло ещё большую потерю: надежду на своё благополучие, мудрого, спокойного и наиболее достойного государя, героя с приятными чертами внешности, 23 лет, любимого и оплакиваемого всем народом».

Ещё одно противопоставление «тирана» «императора» Ивана и другого правителя встречаем у Горсея в описании Ливонской войны. Во время завоевания Лифляндии Иван IV угнал «всех богатых и знатных людей», а «проявленная им жестокость и тирания с прискорбием описана ливонским историком». В этом же пассаже Горсей сообщает читателю, что города в Лифляндии были завоеваны «наиболее доблестным королём Стефаном Баторием». Здесь вновь можно провести параллели с идеями политических памфлетов, в которых негативными тираническими чертами наделяется монарх-завоеватель, который ведёт агрессивные войны. При этом единственной правильной войной считается защита своих земель и подданных.

Дополняет негативный образ тирана в лице Ивана IV его суеверность. Английские интеллектуалы конца XVI века относились к суевериям скорее со скептицизмом, считая

их свойственными необразованным крестьянам [\[17,18\]](#). А в сочинениях Горсея верующим в различные предсказания и предрассудки описывается правитель Московии, «который был занят теперь лишь оборотами солнца» [\[12\]](#). Горсей описывает и несколько конкретных случаев, в которых чародейки и волхвы предсказывали судьбу императора Московии. Вслед за сообщением о предсказаниях чародеек Горсей добавляет пассаж о болезни Ивана Грозного, наступившей вследствие греховности: «У царя начали страшно распухать половые органы — признак того, что он грешил непрерывно в течение пятидесяти лет».

Кроме памфлетов описание правителей и их характеристики встречаются в исторических хрониках XVI века, которые описывали не только исторические события, но и давали характеристику событиям и правителям современных автору. К ним можно отнести собрание хроник Рафаэля Холиншеда и Джона Стоу, которые посвящают отдельные тома эпохе правления Тюдоров. Покровителями издателей хроник были лица приближённые к монарху, чаще всего члены Тайного совета, которые таким путём транслировали свои политические идеи. Поиск похожих маркеров политического языка хронистов и дипломатов позволит сделать выводы

Отметим несколько литературных приёмов, которые роднят представителя торговой компании с хронистами его эпохи. Английские хронисты маркировали наиболее опасные и разрушительные события для государства сообщениями о странных природных явлениях или рождениях монстров. Такие вставки встречаем в хрониках Джона Стоу и Рафаэля Холиншеда, например, перед сообщениями об эпидемиях чумы или восстаниях. В похожем стиле английский дипломат сообщает сначала о случае, как вспышка молнии в помещении убивает слугу царя, его сына и собаку. В следующем пассаже после описания случая с молнией автор сразу сообщает о том, что поляки, шведы и крымцы окружили его [Ивана Васильевича] страну. Схожи «Путешествия Джерома Горсея» с хрониками также в особом внимании к коронации правителей. И хронисты, и Горсей подробно описывают коронационные процессии различных правителей, уделяя им целые параграфы своих произведений. Горсей также предлагает читателям обратиться к другим его трудам, где коронация Фёдора Ивнаовича описана гораздо подробнее.

В сочинении Джерома Горсея встречаются и отдельные пассажи с описанием его дипломатической деятельности. Эти части текста представляется возможным разбить на две категории. Первая это сообщения о перевозке и доставке отдельных дипломатических писем из Англии в Московию, и могут быть в дальнейшем рассмотрены в качестве одной из форм дипломатической отчётности. Ко второй категории отнесём сообщения о деятельности Горсея при дворе московских царей. Здесь отдельно выделим рассказ дипломата о том, как он помог нескольким десяткам шотландцев устроиться наёмниками в армии Ивана Грозного и получить значительное жалование [\[12\]](#). Так как полное издание «Путешествий Джерома Горсея» было издано уже после смерти Елизаветы Тюдор [\[13\]](#) представляется возможным связать появление этого пассажа с приходом к власти шотландской династии Стюартов, перед которыми автор стремился подчеркнуть свои заслуги во время дипломатической службы в Московии. На этом случаи прямой коммуникации дипломата с Иваном Васильевичем заканчиваются. При этом сочинения Горсея содержат достаточно объёмные описания его бесед и взаимодействия с другими московскими монархами. Возможно таким образом, дипломат пытался дистанцировать себя от службы и помощи тираническому правлению.

Подводя итог, можно предположить, что сочинения Горсея о Московии стоит расценивать не только как форму отчётности перед Тайным советом и один из многих путевых

очерков, но также рассматривать в одном ряду с политическими памфлетами и хрониками его эпохи, которые формировали образ английского монарха Тюдора, как миротворца, любимца народа и защитника христиан, и противопоставляли ему образ жестокого тирана-завоевателя. Иллюстрацией такого тирана в сочинениях английского дипломата предстаёт Иван IV, для описания которого дипломат использует политический язык схожий с политическими памфлетами и хрониками своей эпохи [\[19,20\]](#). Исследование политического языка Джерома Горсея поможет лучше понять особенности коммуникации английских дипломатов с государственной элитой Британии членами Тайного совета, к которым представитель Московской компании адресуется в начале «Путешествий». А «Путешествия Джерома Горсея» стоит рассматривать не как точные описания дипломатической деятельности в Московии, а скорее как один из способов трансляции политических идей английских элит, чьё влияние испытывал дипломат.

Библиография

1. Дмитриева, О. В. Елизавета Тюдор / О. В. Дмитриева. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 306 с. EDN: QPXRAD.
2. Фёдоров, С. Ё. Королевский двор в Англии XV-XVII веков / С. Ё. Фёдоров. — СПб.: Алетейя, 2015. — 384 с.
3. Collinson, P. Elizabethans / P. Collinson. — L.: Cambridge University Press, 2003. — 265 p.
4. Bossy, John. Under the Molehill: An Elizabethan Spy Story / J. Bossy. — New Haven: Yale University Press, 2002.
5. Guy, J. The Tudors. A Very Short Introduction / J. Guy. — NY.: Oxford University Press, 2000. — 115 p.
6. Солодкин, Р. Я. Записки Дж. Горсея о России в отечественной историографии конца XX в. (на примере исследований В. А. Колобкова) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2012. — № 4 (20).
7. Шпак, Г. В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI-XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах: монография / Г. В. Шпак; Российская академия наук, Институт всеобщей истории. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. — 247 с.
8. Дмитриева, О. В. "Различные путешествия" Р. Хаклюйта (1582) и поиски англичанами северо-западного прохода в Азию // Новая и Новейшая история. — 2023. — Выпуск 4. — С. 46-59. DOI: 10.31857/S013038640025128-8 EDN: LEVGNG.
9. Fletcher, Giles. Of the Rvsse Common Wealth; or, maner of gouvernement by the Russe Emperour. — London: Printed by T. D. for Thomas Charde, 1591.
10. Hakluyt, Richard. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. — London: Cassell, 1889. — 192 p.
11. Западноевропейские авторы XV-XVII вв. о России: материалы к биобиблиографическому словарю / Российская академия наук, Институт археологии; составитель П. Д. Малыгин; ответственный редактор П. Г. Гайдуков. — Москва: ИА РАН, 2018. — 190 с.
12. Horsey, Jerome. Travels of Sir Jerome Horsey // Russia at the close of the sixteenth century: comprising, the treatise "Of the Russe Common Wealth," by Giles Fletcher; and the Travels of Sir Jerome Horsey, now for the first time printed entire from his own manuscript. — London: Printed for the Hakluyt Society, 1856.
13. Севастьянова, А. А. Предисловие. Джером Горсей и его сочинения о России // Джером Горсей. Записки о России: XVI - начало XVII в. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 5-46.
14. Smith, T. De republica Anglorum. The maner of gouvernement or policie of the realme of

England, Seene and allowed. — 1583. — Ann Arbor, MI; Oxford (UK): Text Creation Partnership.

15. Becon, T. Works of Thomas Becon. — Cambridge: University Press, 1843. — 530 p.

16. Lord Burghley to the earl of Leycester. 6th March 1586 / W. Cecil // Correspondence of Robert Dudley, earl of Leycester, during his government of the Low countries, in the years 1585 and 1586. — London: Printed for the Camden Society, by J. B. Nichols and Son, 1844. — P. 152-153.

17. Мортимер, Я. Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени: [6+] / Ян Мортимер; перевод с английского А. Захарова. — 4-е изд. — Москва: Эксмо, Бомбора, 2022. — 332 с.

18. Betteridge, T. Literature and politics in the English Reformation / T. Betteridge. — Manchester [u.a.]: Manchester Univ. Press, 2004. — 272 p.

19. Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner // History and Theory. — 1969. — Vol. 8, No. 1. — P. 353. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/2504188>.

20. Уваров, П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе / П. Ю. Уваров. — М.: ИВИ РАН, 2000. — 98 с. EDN: RPQKFB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Сочинения Джерома Горсея о Московии: дипломатические отчёты или энциклопедические сочинения?» представляет собой источниковедческое обращение к известному тексту конца XVI века английского дипломата Джерома Горсея «Путешествия Джерома Горсея». Сам текст хорошо известен в отечественной исторической науке, являлся предметом источниковедческого анализа в диапазоне от Ключевского до Скрынникова и далее (к сожалению, автор не пытается обобщить предыдущие исследования данного текста и каким-либо образом соотнести свое исследование с ними). В данном случае автор практикует довольно неординарный подход, трактуя «Путешествия Джерома Горсея» не столько как источник по средневековой истории России, сколько пример жанровой английской литературы XVI века – путевые записки. Собственно уточнению жанра произведения Горсея преимущественно и посвящена рецензируемая работа, автор рассматривает текст не с точки зрения адекватности/полноты отображения российских реалий или актуальных политических нарративов (хотя по этому поводу делаются обоснованные выводы в финальной части работы), но в контексте прочих путевых заметок английских авторов этого временного периода. Автор выделяет характерные черты нескольких жанров английской словесности XVI в. (путевые записки, политические памфлеты, исторические хроники) и сопоставляет текст Горсея с данными набором характеристик, что в итоге позволяет автору прийти ко вполне обоснованному заключению о комплексном и в известной степени синтетическом характере «Путешествий Джерома Горсея»: «...сочинения Горсея о Московии стоит расценивать не только как форму отчётности перед Тайным советом и один из многих путевых очерков, но также рассматривать в одном ряду с политическими памфлетами и хрониками его эпохи». Подобная многослойность текста совершенно разумно трактуется автором как указание на невозможность трактовки данного источника как «точных описаний дипломатической деятельности в Московии». Не совсем удачным представляется заглавие работы: «Сочинения Джерома Горсея о Московии: дипломатические отчёты или

энциклопедические сочинения?». Автор в итоге приходит к выводу, что сочинения Горсея не являются в полной мере ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвертым (сочетаются элементы путевых записок, политических памфлетов, исторических хроник и т.д.); то есть автор исходно не стоит перед альтернативой или-или (дипломатические отчёты или энциклопедические сочинения) и в любом случае он в итоге не формулирует ответ на поставленный в заглавии вопрос. Работа в целом выполнена на должном научно-методическом уровне, в основании исследования лежит в том числе значительное количество англоязычных исследований по теме работы. Рецензируемый текст рекомендуется к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Автоматные патроны уменьшенного калибра конструкции В.Г. Федорова 1944–1945 годов // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74953 EDN: KJQCTZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74953

Автоматные патроны уменьшенного калибра конструкции В.Г. Федорова 1944–1945 годов

Тимофеева Римма Александровна

ORCID: 0000-0002-9051-0391

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра истории и теории искусства; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, корпус 2, кв. 32

✉ rimma.a.timofeeva@gmail.com

Чумак Руслан Николаевич

кандидат технических наук

Начальник отдела фондов; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, парк Александровский, д. 7

✉ rimmaa@gmail.com

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74953

EDN:

KJQCTZ

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2025

Аннотация: Предметом изучения в данной статье является деятельность В.Г. Федорова, направленная на разработку патрона уменьшенного калибра и мощности для стрелкового оружия. Анализируются ключевые события этого процесса, начиная с 1943 года. Отмечается, что патрон уменьшенной мощности меньшего калибра (6,5-мм) разрабатывался В.Г. Федоровым и ранее, анализируются причины отказа от данного проекта на государственном уровне. Рассматриваются основные точки зрения,

высказанные в указанный период ведущими специалистами по стрелковому оружию из Артиллерийской академии (А.А. Благоднаров, В.А. Малиновский), Академии ВВС (П.И. Майн) и ОКБ-44 (Н.М. Елизаров). Указываются сложности и проблемы, с которыми пришлось столкнуться В.Г. Федорову, в том числе, субъективного характера, и итоги его работы. Отмечается верность предлагаемого Федоровым пути развития стрелкового оружия и необходимость создания оружия малого калибра – то, к чему были вынуждены обратиться в СССР в 1959 году, после получения сведений о разработке в США 5,56-мм малоимпульсных патронов с высокой скоростью пули и оружия под них. При работе над статьей использовались следующие методы исследования: обработка архивных данных, сравнительно-исторический метод, историко-научный анализ специальной литературы. Впервые в научный оборот вводятся новые данные, касающиеся разработки В.Г. Федоровым патрона уменьшенной мощности и патрона уменьшенного калибра. Выполняется сопоставление баллистических качеств патронов различных калибров уменьшенной мощности, которые были разработаны в 1945 году. На основании вновь выявленных архивных материалов и изучения персонального фонда В.Г. Федорова делается вывод о причинах его противоречий с Главным артиллерийским управлением, ранее не рассматривавшихся в отечественной историографии. В результате проведенного исследования делается вывод о верном понимании Федоровым пути развития отечественного стрелкового оружия. Данное положение подтверждается фактом последующего принятия на вооружение Советской армии в 1974 году 5,45-мм автоматного патрона и автомата Калашникова АК74.

Ключевые слова:

проектирование вооружения, стрелковое оружие, автомат, патрон, патрон Федорова, промежуточный патрон, патрон уменьшенной мощности, Главное артиллерийское управление, бюро консультантов, В.Г. Федоров

В СССР в 1943 году были начаты работы по созданию патрона промежуточной (уменьшенной) мощности. Причиной послужил захват на фронте в начале 1943 года нескольких образцов опытных германских 7,92-мм автоматических карабинов МкВ-42(Н), использующих для стрельбы патроны данного типа. Возможности этого оружия, а особенно используемого им патрона, сильно впечатлили военное руководство Красной армии, которое решило не дать противнику возможности получить огневое преимущество на поле боя и создать аналогичное оружие. В июле 1943 года в Наркомате вооружения (НКВ) состоялось первое совещание по вопросу необходимости разработки собственного образца патрона уменьшенной мощности и оружия под него. На этом совещании присутствовал В.Г. Федоров, который поднял вопрос о целесообразности разработки одновременно двух опытных вариантов патронов: одного – калибром 7,62 мм, при котором нельзя будет обойтись снижением баллистических качеств на наиболее важных решающих дистанциях боя, и второго – калибром 6,5 мм без снижения баллистических качеств.

Мнение Федорова в то время не было учтено, и был взят курс на проектирование патрона калибра 7,62 мм [\[1, л. 7-8\]](#). В ноябре того же 1943 года по тому же вопросу состоялось специальное заседание Артиллерийского комитета ГАУ, в котором Федоров так же принял участие, и на этот раз его мнение о необходимости проведения опытной работы с патронами уменьшенных калибров было услышано, но практического развития не получило. В конце 1943 года завершилось проектирование первого варианта

советского 7,62-мм патрона промежуточной мощности, а в следующем 1944 году этот патрон уже считался отработанным и выпускался серийно. Под этот патрон началось проектирование новых образцов автоматического оружия – автоматов, самозарядных карабинов и ручного пулемета, к созданию которых были привлечены лучшие конструкторы-оружейники страны.

Однако в середине 1944 года вновь возник вопрос о том, правильно ли были выбраны основные параметры патрона обр.1943 года, и поднял его В.Г. Федоров. С самого начала работ по созданию промежуточного патрона в сентябре 1943 года он являлся сторонником принятия на вооружение патрона калибром 6,5 мм с пулей весом 5,3–5,95 г и скоростью не менее 850 м/с, считая что ее убойное действие на дистанции прямого выстрела не менее 420 м будет достаточным. По его утверждению, 7,62-мм патрон обр. 1943 года не мог считаться удовлетворительной заменой устаревшего 7,62-мм винтовочного патрона, и новый патрон для карабина и ручного пулемета мог иметь калибр 6,5 мм, что обеспечило бы ему серьезные преимущества над обоими перечисленными выше патронами. Опасения ГАУ о слабой убойности пули малого калибра он объяснял недостаточным изучением этого вопроса и указывал что существовавшие до этого сведения о малой убойности 6,5-мм пули относятся к дальностям более 2000 м, стрельба на которые пехотой не ведется и подтверждал свое мнение результатами исследований видных полевых хирургов.

Здесь следует сделать важное пояснение о сути замысла Федорова в отношении баллистических свойств задуманного им нового патрона. Подход Федорова к проектированию промежуточного патрона уменьшенного калибра отличался от заинтересовавшего наших военных германского подхода к баллистическим свойствам патрона данного типа. Федоров настаивал на необходимости не понижать мощность нового патрона по сравнению с винтовочным для обеспечения возможности управляемой стрельбы очередями, а наоборот, сохранить баллистические свойства винтовочного патрона, но на сокращенной дальности прямого выстрела. Такое видение Федоровым баллистических свойств нового патрона окончательно сформировалось в конце 1944 года и строилось на его взглядах на тактику пехоты, в первую очередь, в сложных формах боя, например, в глубине обороны противника, в горах и в обороне. Он считал, что в этих условиях повышение мощности промежуточного патрона, направленное на увеличение дальности эффективной стрельбы прицельным огнем одиночными выстрелами, будет востребовано, поскольку позволит поражать противника на больших расстояниях. Федоров не отрицал эффективности плотного группового огня на всех дистанциях, но считал, что плотность огня может лишь дополнять его меткость, и не должна служить оправданием для ее снижения [\[2\]](#). Такой же принцип он заложил в реализованном им в 1936 году 6,5-мм патроне уменьшенного калибра и мощности: создание патрона меньшего веса и габаритов, чем штатный 7,62-мм винтовочный патрон, но с сохранением в новом патроне его баллистики на ближних дальностях (дальность прямого выстрела на уровне винтовки обр.1891/30 года или карабина обр.1944 года) [\[3, л. 51\]](#).

Кроме того, Федоров считал, что в случае реализации его концепции баллистического решения промежуточного патрона, можно будет иметь в армии «единый универсальный патрон для всех трех образцов оружия стрелкового взвода (автомат, самозарядный карабин, ручной пулемет – примечание авт.), а не тип специального патрона 43 года, безусловно, пригодного лишь для подразделений автоматчиков» [\[4, л. 54\]](#). Опираясь на анализ опыта Великой Отечественной войны, В.Г. Федоров неоднократно отмечал в своих публикациях, что «будущее индивидуального оружия стрелковых частей – это

единый автомат-карабин, разработанный под патрон уменьшенной дальности» [\[5, с. 17-23\]](#). Такое видение Федоровым баллистических свойств нового патрона неизбежно делало предлагаемый им вариант промежуточного патрона достаточно мощным, который он называл «патрон уменьшенной дальности» (УД). Точку зрения Федорова на параметры нового патрона разделял и крупный специалист в области теории автоматического оружия генерал-лейтенант А.А. Благонравов, а также некоторые другие авторитетные специалисты. Им противостояло мнение ОКБ-44, которое считало калибр и параметры 7,62-мм патрона обр.1943 года оптимальными.

В сентябре 1944 года В.Г. Федоров добился проведения совещания в техническом совете НКВ с участием ряда ведущих специалистов по стрелковому оружию из Артиллерийской академии (А.А. Благонравов, В.А. Малиновский), Академии ВВС (П.И. Майн), ОКБ-44 (Н.М. Елизаров). Совещание решило приступить к расчетным работам по созданию патрона с лучшими боевыми характеристиками. Как наиболее выгодный для задуманного баллистического решения был выбран калибр 6,75 мм. В январе 1945 года в нескольких проектно-конструкторских организациях началось проектирование патронов уменьшенной мощности, при этом за основу были приняты расчетные данные ОКБ-44 НКВ. По итогам этой работы В.Г. Федоров предложил два варианта патрона уменьшенного калибра – УД-2/В-2 и УД-4/В-3, с начальной скоростью пули 810 м/с для варианта В-2 в сравнении с 735 м/с для патрона обр.1943 года. Вместе с Федоровым еще один вариант патрона уменьшенного калибра 6,75 мм В-6 для проектирования под него оружия со свободным затвором предложил генерал-лейтенант А.А. Благонравов.

Интересно, что унифицированный автомат под патрон с определенными В.Г. Федоровым основными показателями и подобный патрону В-2 (калибр 6,5 мм, начальная скорость пули 920 м/с, вес пули 6,98 г и 6,28 г) [\[6, л. 9 об.-10\]](#), заменяющий собой магазинную винтовку и самозарядный карабин, предлагался им еще в 1936 году [\[7, с. 129-139\]](#) во время работы в бюро консультантов, организованном начальником Центрального мобилизационного отдела Наркомтяжпрома СССР И.П. Павлуновским (1888–1937 гг.). Отсутствие в опубликованных сочинениях В.Г. Федорова четких сведений о проектировании им патрона уменьшенного калибра и мощности в 1930-е годы имеет объяснение, связанное с исторической судьбой бюро консультантов. Эта структура задумывалась как совещательный научно-исследовательский орган, имеющий целью заблаговременное решение ряда актуальных задач в сфере совершенствования системы вооружения на основании обобщения опыта боевых действий и с опорой на научную школу и производственную базу НКТП. В одной из своих рукописей Федоров отмечал, что помимо указанного выше автомата-карабина 1936 года, в бюро консультантов он занимался еще разработкой ТТТ к противотанковым ружьям, отсутствие которых в системе вооружения РККА в то время очень тревожило членов бюро [\[6, л. 11\]](#).

Отметим, что со стороны Артиллерийского управления (АУ) деятельность данного бюро оценивалась сдержанно, если не отрицательно, поскольку здесь имел место конфликт интересов между гражданским учреждением, относящимся к промышленности, которая должна только исполнять заказы армии и АУ как военной структуры, являвшейся главным заказчиком вооружений, и разработчиком требований к его новым образцам. Со слов Федорова, прекращение работ по автомату-карабину (с уже выполненными чертежами и изготавливавшимися на Подольском заводе патронами нового образца) последовало именно в результате распоряжения АУ. Бюро прекратило свое существование, а его организатора И.П. Павлуновского арестовали и расстреляли во второй половине 1937 года. Председатель бюро В.И. Чебышев и часть бывших

сотрудников подверглись аресту и ссылке. Про себя В.Г. Федоров написал, что с него по требованию НКВД взяли подписку о неразглашении сведений о его предложениях, как и о работах по замене винтовки Мосина автоматом-карабином под патрон меньшего габарита и веса, названного потом промежуточным [\[6, л. 11–11 об.\]](#).

Итогом ликвидации бюро консультантов НКТП, выяснение подлинных причин которого требует дополнительного исследования, стало, в числе прочего, еще и то явление, которое сам В.Г. Федоров в 1955 году называл «катастрофой, которая произошла с... оружием в Великую Отечественную войну»: негодность винтовки СВТ, отсутствие к началу войны противотанковых ружей, отсутствие до 1943 года легкого станкового пулемета [\[6, л. 12\]](#). С учетом хода и контекста событий тех лет, можно предположить, что под «катастрофой» Федоров понимал отсутствие у АУ (ГАУ) желания или возможностей для более широкого взгляда на потребности РККА в том или ином виде оружия и его перспективные возможности. В таком случае и в условиях отсутствия независимых и конкурирующих центров разработки оружия на вооружение либо принимались образцы, не отвечавшие требованиям времени, либо они не разрабатывались вообще.

Несмотря на запрет даже озвучивать тему предыдущих своих работ с оружием под патрон уменьшенного калибра, габаритов и мощности, в 1945 году В.Г. Федоров все же решился возобновить исследования в части проектирования унифицированного оружия под разработанный им патрон уменьшенного калибра В-2. Проект автомата-карабина под этот патрон разрабатывался конструкторами Научно-исследовательского института стрелково-пушечного вооружения авиации (НИИСПВА) М.Н. Блюмом и И. Сверчковым. К концу 1946 года Федоров «считал необходимым приступить к изготовлению образцов по проекту Блюма» [\[4, л. 4–5\]](#). Каков был облик разрабатываемого М.Н. Блюмом при участии В.Г. Федорова автомата-карабина? Материалы проекта пока не обнаружены, но в личном архиве Федорова нашелся документ с таким описанием: «...О полном прекращении разработки унифицированных образцов оружия под патроны В-2 и В-3, в том числе, и образцов конструктора Блюма с прямым прикладом наподобие того, как это была изготовлена впоследствии английская винтовка с уменьшением подбрасывания дула оружия вверх и соответствующего уменьшения рассеивания пуль при непрерывной стрельбе» [\[4, л. 10\]](#). Очевидно, что в данном случае речь идет об оружии с компоновкой, которую в настоящее время называют «с линейной отдачей» – в описываемое время она была определенным новшеством применительно к индивидуальному оружию.

Осенью 1945 года ГАУ решило провести экспериментально-теоретическое исследование возможностей разработанных вариантов патронов уменьшенной мощности, в т.ч. и калибра 6,75 мм. Для проведения опытной проверки баллистическими стрельбами было изготовлено 5000 шт. 6,75-мм патронов В-2 первоначального варианта и 8000 гильз к ним усовершенствованного варианта [\[8, л. 34\]](#). Итог испытаний патронов В-2 вместе с другими вариантами новых промежуточных патронов показал, что патроны с пулями уменьшенного калибра имеют хорошие баллистические характеристики. По влиянию бокового ветра на траекторию пуля патрона В-2 существенно превосходила параметры патрона обр.1943 года и являлась лучшей по дальности прямого выстрела, практически не уступая пуле штатного 7,62-мм винтовочного патрона. Однако у НИИ-44 и ГАУ оставались сомнения в убийности пуль уменьшенного калибра. Во-первых, увеличение убийности пуль уменьшенного калибра за счет применения специальных (искусственных) способов нашими специалистами признавалось нежелательным с точки зрения их оценки иностранными государствами, которые в ответ могут применить пиротехнические пули высокого поражающего действия [\[9, с. 30\]](#). Во-вторых, возникали вопросы по поводу

возможности создания в их габаритах хороших специальных пуль [\[9, с. 38\]](#). В итоге ГАУ осталось при своем мнении о нецелесообразности пересматривать параметры промежуточного патрона, отвергло практически готовый патрон Федорова В-2 и сконцентрировалось на подготовке к принятию на вооружение Советской армии 7,62-мм патрона обр.1943 года и оружия под него. Работы по унифицированному образцу оружия (автомату-карабину) под 6,75-мм патрон В-2 по настоянию начальника ГАУ маршала Н.Д. Яковлева, озвученному на заседании Министерства вооружения 1 февраля 1947 года, были так же прекращены [\[10, л. 31\]](#).

Прекращение изысканий по выработке оптимального варианта патрона уменьшенного калибра стало тяжелым ударом для В.Г. Федорова. В своих многочисленных письмах и прочих публичных и непубличных обращениях к ГАУ он попытался добиться понимания своей точки зрения о важности продолжения работ по исследованию возможностей патронов уменьшенного калибра с расчетом создать научный задел для следующего перевооружения, которое, по его мнению, рано или поздно произойдет и в нем, несомненно, придется вернуться к оружию и патронам уменьшенного калибра, т.к. только они смогут обеспечить оружию пехоты оптимальные баллистические характеристики в различных формах боя. Но ГАУ, сосредоточившись на перевооружении армии оружием под 7,62-мм патрон обр.1943 года, не только не стало вступать в дискуссии с Федоровым на данную тему, но и предприняло меры по устранению его влияния на развитие оружия. В 1950 году В.Г. Федоров подвел итог описанных выше событий, связанных с созданием им оружия и патронов уменьшенного калибра: «Вся моя работа, начатая по патрону уменьшенной мощности в 1936 году, а по малокалиберному автомату в 1911–1918 годах, которую... я никоим образом не могу довести до конца, в настоящее время окончательно прекращена. Средств на заказы необходимых вариантов патронов и пороха не отпущено. В отпуске просимого мной незначительного аванса 60000 рублей на изготовление в НИИ-61 надлежащих спецпуль также отказано...» [\[1, л. 12\]](#).

Впереди Федорова ждали трудные годы, в которых было исключение из кадров армии в 1953 году, отстранение от общения с военно-научными организациями, борьба за свое доброе имя, болезни. В какой-то момент Владимир Григорьевич понял тщетность своих попыток изменить мнение ГАУ в отношении предлагавшихся им направлений развития оружия и в черновике одного из своих писем в органы военного управления написал такую фразу: «Время покажет, кто из нас был прав» [\[11, л. 11\]](#). И не ошибся – время показало, что прав был он, если не во всем, то в очень многом.

В 1959 году, после получения сведений о разработке в США 5,56-мм малоимпульсных патронов с высокой скоростью пули и оружия под них в СССР начались исследовательские работы по созданию собственных автоматных патронов аналогичного типа. Таким образом, полностью оправдалось предвидение В.Г. Федорова 1957 года о том, что жизнь скоро заставит ГАУ заняться решением проблемы создания оружия малого калибра, но, к сожалению, в СССР эти работы оказались вызваны к жизни не эволюцией отечественной оружейно-технической мысли, проводником которой являлся В.Г. Федоров, а сведениями о деятельности потенциального противника. Однако сам факт начала отечественных исследований данного рода стал подтверждением правоты В.Г. Федорова, пусть даже он к этим работам и не имел отношения.

С этого времени жесткая позиция ГАУ в отношении оценки значимости результатов научной деятельности В.Г. Федорова стала смягчаться. В 1960 году его снова «увидели» некоторые организации армии, из которых он ранее был исключен, последовали приглашения выступить с докладами.

Публичное признание правоты Федорова в оценке путей развития стрелкового оружия состоялось в декабре 1961 года в статье Н.С. Охотникова «Основоположник отечественной школы автоматического оружия (к 60-летию творческой деятельности В.Г. Федорова)», опубликованной в Военно-историческом журнале. В 1940-х годах инженер-полковник Н.С. Охотников занимал должность заместителя начальника полигона ГАУ (НИПСВО) по научной и исследовательской части, являлся организатором испытаний всех образцов стрелкового оружия, принятых на вооружение Красной армии в 1940-х годах. В последующие годы служил в Артиллерийском комитете ГАУ, вел научную работу. В названной статье сообщалось, что в США в это же время уже ведутся работы с патронами малых калибров 5,5 и 6,3 мм с высокими скоростями пуль, имеющими большое убойное действие. В конце статьи специальным разряженным шрифтом указывалось, что «проблема уменьшенных калибров, с которыми В.Г. Федоров на протяжении полувека неразрывно связывал развитие стрелкового оружия, не снята с повестки дня» [\[12, с. 111\]](#). Это был знак, переданный В.Г. Федорову со стороны ГАУ в лице авторитетного и лично ему знакомого специалиста в области стрелкового оружия, о том, что его правота в выборе путей развития отечественного оружия наконец-то признана: в том же 1961 году после проведения двухлетнего цикла предварительных исследований в СССР началась полномасштабная разработка малокалиберного автоматного патрона с высокой начальной скоростью пули [\[13, с. 436\]](#). Точно известно, что с этой публикацией В.Г. Федоров ознакомился и обратил внимание на содержащийся в ней посыл [\[14\]](#).

В 1964 году опала с Федорова была окончательно и официально снята – на самом высоком уровне Министерства обороны СССР состоялось решение отметить 90-летие со дня его рождения. Накануне юбилея 12 мая 1964 года В.Г. Федорова специальным приказом поздравил Министр обороны СССР Р.Я. Малиновский. В тексте поздравления указывалось на крупный вклад В.Г. Федорова в дело создания и совершенствования автоматического оружия, ему объявлялись благодарность и награждение ценным подарком – именными карманными золотыми часами (на данный момент – в собрании Центрального музея Великой Отечественной войны). Последним значимым для В.Г. Федорова подарком от армии стала публикация в 1964 году Военным издательством его давно готовой книги «В поисках оружия» [\[15\]](#). К этому времени в силу возраста и существенно ухудшившегося состояния здоровья В.Г. Федоров уже давно отошел от научной работы. На признание его правоты ведущими военно-техническими органами Советской армии ушло слишком много лет. К сожалению, Владимир Григорьевич не увидел торжества своих идей в виде 5,45-мм автоматного патрона и автомата Калашникова АК74, принятых на вооружение Советской армии в 1974 году – он умер в 1966 году, за восемь лет до этого события.

Библиография

1. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 103.
2. Федоров В.Г. Плотность и меткость огня (обсуждение статьи А. Малинина "Ближний бой") // Красная звезда. 1946. 19 декабря (№ 296 (6284)).
3. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 66.
4. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 4. Д. 39.
5. Федоров В.Г. Проблема автомата // Военный Вестник. 1946. № 2.
6. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 4. Д. 10.
7. Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Разработка 6,5-мм винтовочного патрона уменьшенной мощности и автомата-карабина 1936 года под него по тактико-техническим требованиям В. Г. Федорова // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2024.

8. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 4. Д. 40.
9. Дворянинов В.Н. Боевые патроны стрелкового оружия. В 4-х кн. Кн. 3. Современные отечественные патроны. Климовск: Д'Соло, 2015.
10. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 1. Д. 99.
11. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 136.
12. Охотников Н. Основоположник отечественной школы автоматического оружия (К 60-летию творческой деятельности В. Г. Федорова) // Военно-исторический журнал. 1961. № 12.
13. Дворянинов В.Н. Боевые патроны стрелкового оружия. В 4-х кн. Кн. 2. Современные зарубежные патроны. Климовск: Д'Соло, 2015.
14. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 45Р. Оп. 2. Д. 28.
15. Федоров В.Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена разработке русского конструктора Владимира Григорьевича Федорова автоматных патронов уменьшенного калибра в 1944–1945 гг. Описаны попытки Федорова внедрить патрон промежуточной мощности с сохранением баллистических свойств винтовочного патрона, создать унифицированное оружие (автомат-карабин). Исследование показывает влияние разработки В.Г. Федорова на развитие советского стрелкового оружия.

Методология исследования включает методы архивной работы – поиск, выявление, научную интерпретацию, анализ документов из научного архива ВИМАИВиВС (фонды 45Р), переписки Федорова, протоколов совещаний НКВ и ГАУ, анализ технической документации – тактико-технических требований (ТТТ), чертежей и результатов баллистических испытаний патронов В-2 и В-3. Использован метод сопоставления разработки В.Г. Федорова с немецкими аналогами (7,92-мм патрон для МкВ-42(Н)) и советским 7,62-мм патроном обр. 1943 года. Методология опирается на сочетание исторических и технических источников, что позволяет реконструировать процесс разработки и выявить причины неудачи внедрения патронов Федорова.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения малоизвестных страниц развития советского стрелкового оружия в период Великой Отечественной войны, в том числе вклада В.Г. Федорова, разработки которого предвосхищали мировую тенденцию перехода к малокалиберным патронам (5,56 мм НАТО, 5,45 мм СССР). Востребованность концепции Федорова о баллистике и унификации в условиях развития стрелкового оружия и патронов нового поколения (например, 6,8 мм для программы NGSW в США) усиливает актуальность тематики статьи.

Научная новизна выражена введением в широкий научный оборот малоизвестных архивных материалов, в том числе научно-технического характера. Статья поднимает проблему конфликта идей – сложного противостояния между концепцией Федорова (патрон с высокой баллистикой на ближних дистанциях) и официальной линией ГАУ (7,62-мм патрон обр. 1943 года). Подчеркивается его предвидение мировых тенденций в развитии малокалиберного оружия, что подтверждается началом работ над 5,45-мм патроном в СССР в 1961 году. В статье впервые подробно описаны результаты баллистических испытаний патронов В-2, показавшие их превосходство по дальности прямого выстрела и устойчивости к ветру.

Стиль статьи в целом соответствует стилю научных публикаций, достаточно доступный,

техническая терминология использована умеренно. Текст насыщен фактами, но местами избыточно детализирован, что может затруднить восприятие широкого читателя. Структура логичная, статья выстроена в соответствии с этапами разработки (1943–1945 годы), анализ идей Федорова, испытания и последствия. По структуре есть замечание к отсутствию чёткого введения и заключения, что нарушает целостное видение статьи. Содержание статьи охватывает технические, исторические и биографические аспекты, основной акцент сделан на технических характеристиках патронов и противостоянии Федорова с ГАУ.

Библиография включает 15 источников, в том числе 7 ссылок на фонды ВИМАИВиВС, что подтверждает глубокую проработку первичных источников. Работы В.Н. Дворянинова и сборник ВИМАИВиВС 2024 года, что демонстрирует связь с актуальной историографией. Автор также ссылается на работы самого В.Г. Федорова – две статьи 1946 г. (в «Красной звезде» и «Военном вестнике»), а также книга «В поисках оружия» (1964). При этом непонятно, почему не названа работа В. Г. Фёдорова «Оружейное дело на грани двух эпох» в 3 частях (Часть I-III. -Л., Издание артиллерийской академии РККА им. Дзержинского, 1938–1939 гг.). В этой книге В. Г. Фёдоров приводит чертежи двух экспериментальных вариантов 6,5-мм патрона улучшенной баллистики, дает описание результатов исследований по поиску оптимальных параметров патрона улучшенной баллистики – это единственное сохранившееся на настоящий момент свидетельство, отображающее технический облик 6,5-мм экспериментальных патронов конструкции В. Г. Фёдорова. Библиография могла бы быть дополнена зарубежными источниками при сравнении с немецкими разработками.

Исследование корректно, но с явным акцентом на защиту позиции Федорова. Оппоненты (ГАУ, ОКБ-44) представлены как консервативные структуры, препятствовавшие прогрессу. Их доводы (сомнения в убойности малокалиберных пуль, опасения по поводу специальных пуль) упоминаются, но не анализируются глубоко. Автор не пытается объективно оценить правомерность позиции ГАУ, что снижает убедительность работы. Например, не рассмотрены экономические или производственные ограничения, которые могли повлиять на решение ГАУ.

Выводы исследования убедительны, доказаны дальновидность идей Федорова, его вклад в развитие концепции малокалиберных патронов и их влияние на последующие разработки (5,45-мм патрон). Подчёркивается, что непринятие его идей в 1940-х годах было обусловлено бюрократическими, а не техническими причинами.

Работа представляет интерес для историков оружия, военных специалистов, исследователей советской науки, история борьбы Федорова за свои идеи и его посмертное признание может привлечь внимание любителей военной истории.

Статья отличается проработкой источников, научной новизной и актуальностью, хотя работа могла бы выиграть от более чёткой структуры, объективного анализа позиции оппонентов и акцента на практических выводах. В целом статья вносит вклад в изучение истории советского стрелкового оружия и роли конструктора В.Г. Федорова, может быть опубликована в научном издании.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О., Кирюшин А.Н. Истоки отечественного искусственного интеллекта: к 70-летию манифеста советских кибернетиков Соболева, Китова, Ляпунова // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74842 EDN: KQDMQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74842

Истоки отечественного искусственного интеллекта: к 70-летию манифеста советских кибернетиков Соболева, Китова, Ляпунова

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Кирюшин Алексей Николаевич

ORCID: 0000-0001-8614-8353

доктор философских наук

доцент, кафедра тактики авиации; Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

394064, Россия, г. Воронеж, ул. СтарыхБольшевиков, 54А

✉ elirisha_@rambler.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74842

EDN:

KQDMQU

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2025

Аннотация: Данная публикация представляет исключительную актуальность в контексте 70-летия ключевого документа – научной статьи С.Л. Соболева, А.И. Китова и А.А. Ляпунова (1955 г.), по праву считающейся истоком отечественной школы искусственного

интеллекта. В условиях повышенного внимания к истории науки и технологий, особенно в области искусственного интеллекта, данная работа восстанавливает историческую справедливость, подчеркивая приоритет советских ученых в формулировке фундаментальных принципов искусственного интеллекта (машинное самообучение, моделирование нейронной деятельности, эвристические методы, автономность) задолго до широкого признания этих идей на Западе. Осмысление этого «манифеста» критически важно не только для понимания генезиса и уникальных особенностей российской традиции в осмыслении искусственного интеллекта и робототехники, но и осознания удивительной пророческой силы идей, изложенных в 1955 году. При работе над данным материалом использовались: историко-научный анализ специальной исследовательской литературы и сравнительно-исторический метод. Ключевым методом выступает также критический источниковедческий анализ первоисточника – статьи Соболева, Китова и Ляпунова 1955 года. Для определения исторического контекста и научной новизны «манифеста» применяется компаративный метод. Новизна исследования заключается в том, что впервые показано, как данная статья «Основные черты кибернетики» (1955) предвосхитила магистральные пути развития глобальной науки об искусственном интеллекте на десятилетия вперед. В эпоху революции нейросетей и глубокого обучения обращение к этим истокам служит не только данью уважения пионерам, но и мощным интеллектуальным стимулом и ориентиром для современных российских исследований и разработок в области искусственного интеллекта. Понимание глубины и дальновидности С.Л. Соболева, А.И. Китова и А.А. Ляпунова и их стратегическое видение необходимо сегодня для формирования уникальной национальной повестки в сфере искусственного интеллекта. Кроме того, показано, как эти принципы, опередившие западные аналоги (включая Дартмутскую инициативу) и сформулированные в терминах советской кибернетической школы, предопределили специфические траектории развития советского и российского искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, робототехника, кибернетика, информатика, вычислительная техника, С.Л. Соболев, А.И. Китов, А.А. Ляпунов, СССР, автоматизация

Введение

Семь десятилетий назад, в разгар идеологических бурь и на заре компьютерной эры, в журнале «Вопросы философии» (№4 за 1955 год) появилась статья, изменившая судьбу целой науки. Эта статья – «Основные черты кибернетики»^[1], подписанная титанами отечественной мысли – академиком С.Л. Соболевым (математика), А.И. Китовым (военная информатика) и А.А. Ляпуновым (математика и биология) стала не просто актом реабилитации дисциплины, клеймившейся как «буржуазная лженаука». Это был смелый «манифест», провозгласивший кибернетику фундаментом будущего и заложивший концептуальные основы для понимания искусственного интеллекта задолго до его триумфального шествия. В условиях, когда сама идея «мыслящих машин» (в то время «вычислительных машин») казалась крамолой, авторы совершили интеллектуальный прорыв. Они с опорой на выдающегося математика и полиглота Н. Винера^[2], определили кибернетику в Советском Союзе как науку об управлении, связи и переработке информации в любых системах – технических, биологических и социальных. Другими словами, с точки зрения С.Л. Соболева, А.И. Китова, А.А. Ляпунова: «Кибернетикой называется новое научное направление, возникшее в последние годы и

представляющее собой совокупность теорий, гипотез и точек зрения, относящихся к общим вопросам управления и связи в автоматических машинах и живых организмах»[\[1,с.136\]](#). То есть, изучая: «... принцип работы нервной системы и электронных счетных машин, принципы действия обратной связи в машинах и живых организмах, функции памяти в машинах и живых существах, кибернетика по-новому и обобщенно ставит вопрос об общем и различном в живом организме и машине»[\[1,с.145-146\]](#).

Юбилей этой публикации является не только поводом для исторической ретроспективы. Это еще момент для переосмысления истоков нынешнего прогресса в области искусственного интеллекта и робототехники через призму смелого советского проекта. Научная статья советских ученых «Основные черты кибернетики» предвосхищала вызовы, которые актуальны и сегодня: этику автономных систем, роль искусственного интеллекта в управлении обществом, природу «разумности» машин. Она напоминает нам, что за нынешними прорывами в генеративных моделях и нейросетях стоят фундаментальные идеи, которые советские ученые отстаивали еще в эпоху, когда само слово «кибернетика» вело на идеологическую Голгофу. Кроме того, эта первая в нашей стране публикация по теоретической кибернетике уникально подчеркивала системный подход и математическую строгость как основу кибернетики (и по сути, сущность парадигмы сложности и искусственного интеллекта). Советские ученые (А.А. Ляпунов, А.И. Китов, А.Н. Колмогоров, Д.А. Поспелов) уже в середине XX века видели потенциал искусственного интеллекта не только в вычислениях, но и в моделировании высшей нервной деятельности, языка и даже социальных процессов.

Несмотря на то, что их акцент на теоретические основания и философское осмысление (диалектико-материалистическая интерпретация информации и мышления) отличался от прагматичного подхода на Западе. Однако проекты вроде ОГАС («Общегосударственная автоматизированная система управления народным хозяйством СССР»)[\[3\]](#) под руководством доктора физико-математических наук, академика АН СССР В.М. Глушкова демонстрировали грандиозное (хотя и не реализованное) видение – внедрение роботизации и элементов искусственного интеллекта как инструментов автоматизированного управления всей социально-экономической системой страны. Разработка проекта ОГАС формально завершилась к 1980 году, однако его итоговая версия стала вынужденным компромиссом между интересами государства и отдельных министерств. Необходимость такого баланса привела к тому, что смета реализации возросла в восемь раз относительно первоначального плана, поставив под вопрос саму возможность внедрения этой грандиозной системы автоматизации экономики СССР. Дальнейшее продвижение проекта забуксовало на стадии межведомственных согласований. Практическое применение нашли только некоторые из идей, выдвинутых А.И. Китовым и В.М. Глушковым, и лишь в ограниченных секторах: «...на предприятиях советского военно-промышленного комплекса и народном хозяйстве страны»[\[4,с.137\]](#).

В последние годы в мире происходит революционный прорыв в развитии и внедрении систем искусственного интеллекта. Согласно выводам Stanford AI Index Report 2024[\[5,р.39-42\]](#), в минувшем году искусственный интеллект впервые продемонстрировал результаты, превосходящие человеческие, в нескольких фундаментальных областях: распознавании образов на изображениях, визуальном анализе и понимании текстов на английском языке. Однако, несмотря на ошеломляющие практические успехи, современная отрасль разработки, внедрения и реализации искусственного интеллекта и робототехники вынуждена заново решать глубинные проблемы, поднятые еще

советскими учеными: вопросы этики автономных систем, социальных последствий автоматизации, границ моделирования человеческого интеллекта и острой необходимости теоретического осмысления сложнейших моделей. Эта актуализация фундаментальных вопросов ярко подтверждает прозорливость основателей советской кибернетической школы. Ключевые тезисы С.Л. Соболева, А.И. Китова, А.А. Ляпунова о примате информации как универсальной субстанции, обратной связи, как основе адаптивности, моделировании мышления и системном подходе к сложным объектам оказались пророческими. Их научные труды не только на долгие годы осветили пути развития отечественной кибернетики (информатики) и робототехники, но и стали началом зарождения современного искусственного интеллекта – от машинного обучения до автономных роботов. В этой статье мы обратим внимание не только на восстановление исторической справедливости в понимании того, что советская кибернетика является предтечей современных направлений искусственного интеллекта, но и на то, что она и сегодня помогает понять генезис сложностных проблем современного мира. Так, по мнению отечественного исследователя Е.Н. Ивахненко: «Особое место в ряду технологий, привносящих парадигму сложности (ПС) в представления о системной организации и управлении, заняла кибернетика. И хотя первые попытки преодоления жестких детерминистских схем в управлении предпринимались в конце XIX – начале XX вв., в целом широкая популярность пришла и признание науки об управлении системами произошло только в середине XX в...»[\[6,с.16\]](#).

Норберт Винер и «буржуазная лженаука»: вызов для СССР

Разработка ЭВМ (электронных вычислительных машин) в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов шла опережающими темпами. Однако область применения этих электронных вычислительных машин, аналогично заокеанскому опыту, ограничивалась преимущественно сложными расчетами и компьютерным моделированием физических явлений для нужд оборонного сектора. Главным драйвером создания подобных систем стал «атомный проект», который и определил первоочередные задачи для вычислительной техники того периода. Параллельно с этими событиями профессор Н. Винер из Массачусетского технологического института, оценивая возможности электронных вычислительных машин, пришел к выводу о грядущей трансформации индустриального общества[\[7\]](#). Он предвидел становление новой социальной формации, основанной на коммуникациях, обработке данных и системах управления. Кроме того, сформулировав основы кибернетики (науки об управлении, связи и обработке информации в биологических, технических и социальных системах), Винер предсказывал, что она станет двигателем новой промышленной революции через всеобщую автоматизацию. Но в СССР эти прогнозы были расценены рядом философов как несовместимые с марксистско-ленинской теорией. Наиболее резонансным выступлением стала публикация 1953 года в журнале «Вопросы философии» под названием «Кому служит кибернетика»[\[8\]](#). В ней новая дисциплина объявлялась «реакционной лженаукой империализма» не имеющей будущего. Примечательно, что автор этого резко критического текста предпочел скрыться за псевдонимом «Материалист». Использованный набор обвинений («пустоцвет», «идеологическое оружие империалистической реакции», «порождение лакеев империализма» и т.д.), по сути, предопределял негласный запрет: отныне советским ученым следовало избегать занятий этой, по мнению анонима, «буржуазной» наукой[\[9\]](#). Подобные публикации служили не приглашением к дискуссии, а идеологическим обоснованием для административного преследования. Отечественная кибернетика оказалась под угрозой полного запрета.

Признание кибернетики (информатики) как науки в СССР во многом стало возможным благодаря небольшой группе ученых, многие из которых были военными. Активная позиция А.И. Китова и А.А. Ляпунова, возглавлявших эту группу, позволила преодолеть сопротивление консервативных философских кругов, охранявших идеологические догмы. Без их вклада прогресс в науке управления экономическими и социальными процессами с помощью кибернетики мог бы отстать на годы, как это случилось с генетикой и иными областями, испытывавшими на себе давление идеологических ограничений. Другими словами, 1950-е годы стали временем интенсивной и разнообразной работы А.И. Китова и А.А. Ляпунова по реабилитации кибернетики [\[10, с. 71\]](#). Их усилия были направлены на слом недоверия, прояснение предмета и методов науки, поиск прикладных возможностей, привлечение внимания специалистов и подготовку кадров. Разнообразные формы этой работы включали лекции, семинары, встречи с научным сообществом и чиновниками, публикации. Немаловажную роль в этой борьбе и в пробуждении интереса к кибернетике сыграли личные качества А.И. Китова и А.А. Ляпунова: открытость, увлеченность, доброжелательность и талант коммуникаторов.

Начиная с весны 1953 года, А.И. Китов и А.А. Ляпунов организовали масштабную просветительскую кампанию, выступив с лекциями в ключевых государственных учреждениях, НИИ и вузах страны. Их усилия, поддержанные коллегами, совпали с периодом трансформации советского общества после 1953 года, когда сталинские методы управления наукой утратили легитимность [\[11, с. 620\]](#). Широкий общественный резонанс этих выступлений стал одним из факторов, побудивших Идеологический отдел ЦК КПСС в 1955 году пересмотреть свою позицию. Статья «Кибернетика» была изъята из допечатки 4-го издания «Философского словаря» [\[11, с. 620\]](#), а публикация новой статьи «Основные черты кибернетики» закрепила официальную реабилитацию этой научной дисциплины. Вместе с тем публикация немедленно запустила процесс институционального становления кибернетики. Уже в 1955 году был создан Вычислительный центр АН СССР (позже Институт прикладной математики им. Келдыша), ставший одним из главных центров кибернетических исследований. В 1956 году Президиум АН СССР выступил инициатором создания Научного совета, призванного решать комплексную проблему «Кибернетика». Руководство Советом было поручено академику АН СССР, доктору технических наук А.И. Бергу, на которого легла задача координации исследований в масштабах всей страны [\[12, с. 54\]](#). Из этого можно сделать вывод, что статья «Основные черты кибернетики» открыла двери для масштабного государственного финансирования кибернетических проектов, особенно в военно-промышленном комплексе и фундаментальной науке. Она позволила советским ученым В.М. Глушкову, А.И. Китову, А.А. Ляпунову, А.Н. Колмогорову, И.А. Полетаеву, Д.А. Пospelову активно включиться в международные исследования, начать публиковать работы и участвовать в конференциях. В результате 1955 год ознаменовал не просто прекращение гонений, но и начало эпохи государственной поддержки кибернетики как стратегически важной науки для научно-технического прогресса и усиления обороноспособности СССР.

Важной вехой 1956 года стал выход первой в Советском Союзе монографии А.И. Китова по вычислительной технике «Электронные цифровые машины» [\[13\]](#). Этот труд стал ключевым источником знаний для целого поколения специалистов, включая В.М. Глушкова. Процесс признания кибернетики набирал силу: тогда же А.А. Ляпунов, А.И. Китов и С.В. Яблонский представили доклад «О кибернетике» на Всесоюзном математическом съезде (текст позднее опубликован в «Успехах математических наук»). В следующем, 1957 году, на философском совещании прозвучал совместный доклад А.А.

Ляпунова и С.Л. Соболева «Кибернетика и естествознание». Более того, статья «Основные черты кибернетики» вышла в США, ГДР и Польше в 1956 году, а во Франции и Японии ее публикация состоялась годом позже. Этот текст послужил мощным катализатором, запустившим в СССР необратимый процесс признания кибернетики. Это привело к мгновенному появлению профильных кафедр в вузах, созданию научных центров и лабораторий. По выражению А.И. Китова, это был настоящий прорыв: «Как будто платину прорвало»^[14,с.44]. То есть статья сыграла огромную роль в реабилитации кибернетики в СССР и ознакомила мировую научную общественность с позицией ведущих советских математиков и программистов по этому вопросу. При этом статья в «Вопросах философии» стала символическим рубежом, после которого кибернетика из гонимой превратилась в приоритетную и модную дисциплину.

1958 год ознаменовался двумя ключевыми событиями для советской кибернетики: публикацией русского перевода труда Н. Винера «Кибернетика или управление и связь в животном и машине»^[15] и запуском серии «Проблемы кибернетики». В дебютном выпуске серии были представлены фундаментальные статьи А.А. Ляпунова «О некоторых общих вопросах кибернетики» и «О логических схемах программ». Позднее, в 1963 году, Ляпунов (в соавторстве с С.В. Яблонским) опубликовал в этой же серии основополагающую работу «Теоретические проблемы кибернетики»^[16]. В ней авторы определяют кибернетику как дисциплину, изучающую общие принципы организации управляющих систем и протекающих в них процессов управления. Ключевыми характеристиками такой системы, согласно работе, являются ее структурная схема, информационное наполнение, параметры состояния (координаты) и алгоритмическая функция. В качестве иллюстраций рассматривались системы различной природы: вычислительные машины, нейронные сети, алгоритмы, математические формулы, игра в шахматы. Авторы работы выделили два принципиальных исследовательских вектора: макроанализ (изучение системы как целого) и микроанализ (изучение составляющих элементов), четко обозначив ключевые задачи каждого уровня. В методологический арсенал вошли кибернетический эксперимент, а также моделирование управляющих систем с помощью программных или аппаратных средств с последующим анализом полученной модели. А.И. Китов и А.А. Ляпунов, обладая необычайной широтой научных интересов, эрудицией в различных областях, глубокой математической подготовкой и выдающимися коммуникативными навыками, стали ключевыми фигурами в процессе институционализации кибернетики в СССР^[17,р.138].

Советская кибернетика сыграла и фундаментальную роль в становлении информатики и вычислительной техники в СССР. Это создало необходимую теоретическую и идеологическую платформу для новой дисциплины – информатики, которая в советском контексте часто фокусировалась на «информационных машинах и системах». Кибернетические институты и научные школы стали центрами, где формировалось понимание компьютера не просто как гигантского калькулятора, а как универсального устройства для обработки информации, автоматизации управления и моделирования сложных процессов. Именно в рамках этих кибернетических исследований были сформулированы ключевые задачи и принципы, ставшие ядром советской информатики, и заложены основы для системного подхода к созданию вычислительной техники. Например, в рамках кибернетических институтов и лабораторий разрабатывались первые отечественные ЭВМ (МЭСМ, БЭСМ, Минск, Урал, Мир, Днепр), решались сложные задачи моделирования, оптимизации и управления, что и составляло ядро зарождающейся информатики. Кроме того, кибернетика дала концептуальный язык и цели для развития вычислительной техники. В области компьютерной техники кибернетика была не только

идеологическим двигателем, но и источником критически важных теоретических и инженерных решений. При этом разработка элементной базы, архитектур, систем реального времени (например, для систем противоракетной обороны) и даже ранних операционных систем велась под сильным влиянием кибернетических концепций, заложив технологический фундамент для всей последующей компьютерной индустрии СССР.

Другими словами, фундаментальные принципы кибернетики непосредственно воплощались в инженерных решениях, определяя развитие отечественной компьютерной техники. Идеи управления, обратной связи и обработки информации, центральные для кибернетики, легли в основу архитектуры первых советских ЭВМ. Работы выдающихся конструкторов: С.А. Лебедева (серии БЭСМ, МЭСМ), И.С. Брука (М-1, М-2), В.М. Глушкова (Мир, Днепр) и их коллективов были глубоко вдохновлены кибернетической парадигмой^[17,p.149]. Академик АН СССР В.М. Глушков, например, развивал теорию автоматов и рекурсивных функций, напрямую связанную с кибернетикой и ставшую теоретической базой проектирования ЭВМ нового поколения. Параллельно развивались оригинальные архитектуры: «Стрела» (Ю.Я. Базилевский), серия «Минск», «Уралы» (Б.И. Рамеев)^[17,p.93]. Вместе с тем в области теории компьютерных наук и программирования СССР дал миру выдающихся ученых: программиста и математика А.П. Ершова (теория программирования, оптимизация, языки «Альфа», «Альфа-6»)^[17,p.197], математика М.Л. Цетлина (теория автоматов)^[17,p.177], инженера-радиотехника Н.П. Брусенцова (тринарные компьютеры «Сетунь»)^[18].

Необходимо подчеркнуть, что термин «информатика», введенный в СССР советским ученым А.А. Харкевичем в 1962 году^[17,p.217], обозначал не просто компьютерные науки, а широкую междисциплинарную область, синтезирующую теорию информации (К. Шеннон), кибернетику (Н. Винер), математическую логику, теорию алгоритмов, системный анализ, программирование и прикладное математическое моделирование. Формирование основ информатики как научной дисциплины было заложено в труде «Основы научной информации» (1965)^[19]. Знаковым стало его переиздание в 1968 году под названием «Основы информатики»^[20], что отразило консолидацию новой науки. В связи с этим крайне важно понимать, что термин «информатика» изначально нес в себе гораздо более глубокий и всеобъемлющий смысл, чем просто «компьютерные науки». А.А. Харкевич вкладывал в это понятие широкую междисциплинарную парадигму, рассматривавшую информацию как фундаментальный объект изучения и управления в сложных системах различной природы. В результате информатика, по логике Харкевича, была задумана как метанаука об информационных процессах во всем их многообразии. Такая трактовка принципиально отличала советское понимание информатики от более узкой западной концепции информатики, фокусирующейся преимущественно на самих вычислительных машинах, их архитектуре, программном обеспечении и алгоритмах. В СССР информатика с самого начала претендовала на роль «универсальной методологии»^[21,c.12] для анализа и оптимизации потоков информации и процессов управления в масштабах всего народного хозяйства, научных исследований, социальных систем и даже биологических объектов. Поэтому термин «информатика» в его изначальном смысле обозначал стратегический синтез знаний, необходимый для управления сложностью в индустриальную и зарождающуюся информационную эпоху. Отсюда следует, что советская информатика фокусировалась на фундаментальных вопросах: формализации знаний и процессов мышления, создании языков программирования («Алгол-68», «Альфа»)^[21,c.258-259], разработке алгоритмических

языков для экономического планирования, теории оптимального кодирования и передачи данных. Кроме того, сформировались сильнейшие научные школы: математическая кибернетика в Новосибирске и Ленинграде (А.П. Ершов), в Москве – системное программирование (В.С. Штаркман, И.В. Поттосин) и теоретическая кибернетика и искусственный интеллект (Д.А. Поспелов), теоретическая кибернетика в Киеве (В.М. Глушков).

Например, в Ленинграде сформировалась одна из сильнейших и наиболее влиятельных школ теоретического программирования и системного программного обеспечения. Ее основателем и безусловным лидером был академик АН СССР А.П. Ершов^[22], хотя значительная часть его деятельности позднее была связана с Новосибирском. Именно в Ленинграде под его руководством зародились фундаментальные работы по теории компиляторов и автоматизации программирования. Параллельно и в тесной связи с этим развивалась мощная школа математической логики, теории алгоритмов и кибернетики, связанная с именем члена-корреспондента АН СССР А.А. Ляпунова. Эта школа заложила теоретические основы для многих направлений компьютерных наук в СССР. Позднее в области практического системного программирования, особенно операционных систем, большую известность получила школа доктора технических наук С.С. Лаврова, а также работы академика Б.Н. Наумова^[23] и его коллектива по созданию операционных систем для БЭСМ-6 и других машин. В Киеве центр развития кибернетики и вычислительной техники был неразрывно связан с именем В.М. Глушкова – одного из основоположников советской кибернетики^[24, p.78]. Под его руководством в Институте кибернетики АН УССР сформировалась уникальная школа теоретической кибернетики, вычислительной математики и проектирования вычислительных машин. Эта школа охватывала невероятно широкий спектр направлений: от теории автоматов, теоретических основ проектирования ЭВМ (включая машины с развитой архитектурой, как серия «Мир» и проект «Украина») и систем автоматизации проектирования (САПР) до математического моделирования сложных систем экономической кибернетики (ОГАС) и искусственного интеллекта. Глушков собрал и воспитал плеяду выдающихся ученых, таких как: академика АН СССР В.С. Михалевича, доктора физико-математических наук А.А. Летичевского, доктора технических наук В.П. Деркача, доктора физико-математических наук Е.Л. Ющенко и других. Киевская школа Глушкова стала прямым наследником идей С.А. Лебедева (создавшего в Киеве МЭСМ) и отличалась мощным синтезом глубокой теории и масштабных практических разработок^[24, p.78].

Однако системные ограничения (хроническое отставание в микроэлектронике, ведомственные барьеры, дефицит ресурсов, слабая связь науки с промышленностью, идеологический контроль, изоляция от мировых трендов) не позволили реализовать потенциал полностью. Информатика осталась элитарной наукой для военно-промышленного комплекса (ВПК) и Академии наук СССР, не став драйвером массовой цифровизации общества. Разрыв между передовой теорией (мирового уровня) и ограниченной практикой стал ключевой чертой советской информатики. Тем не менее советские ученые внесли фундаментальный вклад в теорию алгоритмов, теорию автоматов, математическую логику, теорию сложности вычислений, разработку языков программирования и операционных систем^[25, c.318-321].

Развитие искусственного интеллекта и робототехники в СССР

Развитие искусственного интеллекта и робототехники в СССР также представляет собой уникальную страницу научно-технической истории^[26, c.7-9]. Несмотря на идеологическое

противостояние «холодной войны» и сложный период неприятия кибернетики в конце 1940-х – начале 1950-х годов, СССР сумел не только догнать, но и в ряде областей стать мировым лидером в этих перспективных направлениях. Работы велись в тесной взаимосвязи, опираясь на мощные теоретические школы кибернетики, математики и вычислительной техники, и были ориентированы как на фундаментальные исследования, так и на решение практических задач оборонной промышленности, космоса и народного хозяйства. В этой связи, по мнению советских кибернетиков первой волны, искусственный интеллект представляет собой модель процесса принятия решений естественным интеллектом (человеком). Ее основу составляет кибернетическая модель по переработке информации с целью принятия решений [\[27, с.31\]](#). Другими словами, искусственный интеллект – это система, основанная на знаниях о предметной области. Если у какой-то системы есть своя модель внешнего мира, в которой она что-то может делать: планировать, предсказывать, то это искусственный интеллект. Если такой модели нет, то это не искусственный интеллект. Более того, это определение не противоречило определению искусственного интеллекта, которое впервые дал в 1956 году на конференции о «механизации интеллекта» в Дартмутском колледже американский информатик Дж. Маккарти: «Искусственный интеллект – это интеллект машин или программного обеспечения, в отличие от интеллекта людей или животных. Это также область исследований в компьютерных науках, которая разрабатывает и изучает интеллектуальные машины. Искусственный интеллект также может относиться к самим машинам» [\[28, с.35\]](#).

Отсюда следует, что классическое определение искусственного интеллекта, сформулированное Маккарти, не основывается напрямую на аналогиях с человеческим разумом. По мнению Маккарти, для решения конкретных проблем допустимо привлекать методы, не характерные для людей. Ученый подчеркивал, что основная трудность – отсутствие универсальных критериев идентификации интеллектуальных вычислительных процедур, поскольку механизмы интеллекта изучены лишь частично. Поэтому в данной научной области интеллект интерпретируется сугубо как вычислительная способность к достижению целей в мире. Исходя из этого, искусственный интеллект можно определить как синергетическое объединение аппаратных средств и программного обеспечения, способное воспроизводить в заданной предметной сфере творческие процессы, обычно ассоциируемые с человеческой деятельностью. Существуют и другие интерпретации данного термина. Например, в рамках научного аспекта: дисциплина, занимающаяся моделированием (аппаратным или программным) интеллектуальных функций человека и решением связанных с этим вычислительных задач. Во-вторых, в рамках функционального аспекта: характеристика систем, позволяющая им замещать человека в выполнении творческих функций. В-третьих, в технологическом аспекте: область информатики и информационных технологий, ставящая целью разработку искусственных устройств и вычислительных комплексов, имитирующих разумное поведение и логические рассуждения.

Итак, истоки искусственного интеллекта связаны с именами выдающихся зарубежных исследователей, таких как А. Тьюринг, К. Шеннон, Н. Винер, Дж. Маккарти, Д. Хинтон и Дж. фон Нейман. Среди них Дж. Маккарти занимает особое место. Заслуги Дж. Маккарти особенно значимы: он не только предложил термин «искусственный интеллект», но и стал ключевой фигурой в становлении этой области знаний, возглавив при этом первый значимый проект по исследованию искусственного интеллекта. Запуск советских исследований в сфере искусственного интеллекта состоялся в 1974 году под началом академика Г.С. Поспелова. Именно он выступил инициатором создания в рамках Научного совета Президиума АН СССР по кибернетике особой секции «Искусственный

интеллект», которую возглавил лично, привлекая в качестве заместителей Д.А. Поспелова и Э.В. Попова. При этом советские исследования в области искусственного интеллекта не только отличались глубокой теоретической проработкой, но и оригинальностью подходов [\[21,с.261-262\]](#). В результате ключевым центром стала московская школа одного из родоначальников искусственного интеллекта в СССР – Д.А. Поспелова, главным образом в Институте проблем управления АН СССР и на кафедре кибернетики МИЭМ, которая сосредоточилась на символическом искусственном интеллекте, логических моделях представления знаний и рассуждений. То есть Д.А. Поспелов и его коллеги (такие как В.Н. Вагин, В.Ф. Хорошевский, С.В. Яблонский, В.К. Финн, Г.С. Осипов и др.) развивали ситуационный подход в управлении. А именно теорию, рассматривающую процесс принятия решений интеллектуальной системой как реакцию на изменение ситуации в окружающем мире [\[29,с.8-10\]](#). При этом подобная реакция искусственного интеллекта описывалась с помощью специальных языков (часто на основе семиотических подходов, объединяющих синтактику, семантику и прагматику) [\[29,с.52-55\]](#).

В итоге важнейшими направлениями в развитии искусственного интеллекта в московской школе Д.А. Поспелова стали: 1) логические модели вывода (включая немонотонные рассуждения); 2) теория распознавания образов (как основа для восприятия); 3) моделирование рассуждений в условиях неполноты и неопределенности, разработка языков представления знаний и создание когнитивных архитектур. Д.А. Поспелов неоднократно подчеркивал о необходимости применения символического подхода к осмыслению искусственного интеллекта, видя в манипулировании структурированными знаниями ключ к созданию искусственного разума. Кроме того, в этот период в Институте прикладной математики имени М.В. Келдыша АН СССР (В.Л. Арлазаров, Г.М. Адельсон-Вельский) были достигнуты выдающиеся успехи в игровом искусственном интеллекте. Была создана программа «КАИССА» – первого чемпиона мира по шахматам среди компьютеров (1974) [\[30,с.45-48\]](#). Проведенная в 1988 году в Институте АН СССР (Переславль-Залесский) Первая Всесоюзная конференция по искусственному интеллекту также имела большое значение. Она подвела итоги многолетних изысканий советских ученых. На основе представленных докладов был выпущен 11-томный сборник, ставший источником для ряда монографий [\[26\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что основное развитие искусственного интеллекта в СССР происходило в тесной связи с развитием робототехники и задачами автоматизации сложных и опасных промышленных производств. Уже в 1962 году в Институте проблем передачи информации АН СССР был создан один из первых в мире манипуляторов с программным управлением [\[31,с.5-6\]](#). А в 1969 году в Ленинграде на заводе ВЭФ начался серийный выпуск промышленных роботов УМ-1 (универсальный манипулятор) [\[32,с.5-21\]](#), предназначенных для работы с горячими заготовками. Однако наибольших успехов СССР достиг в космической робототехнике. Аппараты «Луноход-1» (1970) и «Луноход-2» (1973) стали настоящим триумфом. Это были первые в мире дистанционно управляемые планетоходы, способные автономно преодолевать сложный рельеф, выполнять научные задачи и работать в экстремальных условиях месяцами. При этом «Центральный научно-исследовательский институт робототехники и технической кибернетики» (ЦНИИ РТК) в Ленинграде под руководством Е.И. Юревича и А.И. Кобринского стал флагманом отрасли [\[33,с.15-18\]](#). Здесь были созданы первые в мире промышленные роботы для работы в открытом космосе (манипулятор космического корабля «Буран»), подводные роботы и уникальные шагающие машины (серия «ШК»). Важнейшим направлением работы было и

создание роботов для атомной промышленности (манипуляторы «М-20», «УМ»), разработанные в том числе в Ленинградском НПО ЦНИИТМАШ и Московском НПС «Прикладная механика». «В итоге в 1980 году в СССР насчитывалось 6 тыс. роботов (20% от мирового объема), а в 1985 году – 40 тыс. роботов (40% мирового рынка роботов). К 1988 году было создано более 63 моделей промышленных роботов-манипуляторов советской разработки»[\[34,с.9\]](#). Все это свидетельствовало о чрезвычайно высоком на то время уровне робототехники в стране. Советские инженеры создали множество уникальных робототехнических комплексов для экстремальных сред (космос, АЭС, глубоководные работы), заложив тем самым основы для современных разработок. Значительные усилия также направлялись на исследования в сфере компьютерного зрения, наделявшего роботов способностью анализировать окружение и идентифицировать объекты. Эта технология легла в основу создания автономных машин, принимающих решения на основе информации от датчиков.

Тем не менее социалистическая модель автоматизации и роботизации шла особым путем. Хотя советское государство громко заявляло о полной автоматизации как неизбежном этапе после механизации, на деле это оставалось скорее идеологическим конструктом, чем практической задачей. Реальное внедрение на предприятиях и ощутимая польза для работников не становились приоритетом для властей и систематически отодвигались на второй план [\[34,с.9\]](#). Советская политика сознательно сдерживала темпы автоматизации, а позднее и роботизации, исходя из принципа всеобщей занятости. Полная занятость населения считалась ключевым элементом социальной стабильности. Массовое внедрение подобных технологий неизбежно повлекло бы за собой фундаментальные изменения на рынке труда, потребовав перепрофилирования огромного числа работников в специалистов по управлению и сервису сложных машинных комплексов. Неготовность руководства страны к подобным структурным сдвигам в экономике ограничила применение новых технологий преимущественно опасными для человека сферами производства (химия, атомная энергетика, космические исследования, металлургия и др.). Технологические заделы, созданные именно в этих областях, впоследствии оказались востребованы и легли в основу новых перспективных отраслей российской экономики, таких как нанотехнологии. Кроме того, данный период характеризовался активным становлением мирового рынка робототехники. Советский Союз обладал значительным потенциалом для завоевания и удержания на нем лидирующих позиций, демонстрируя показатели, кратно превосходящие объемы производства роботов в США. Однако последовавший распад СССР привел к разрушению формирующегося технологического превосходства страны в этой сфере на глобальном уровне, обусловив утрату потенциала роста и конкурентоспособности по отношению к Соединенным Штатам и другим государствам в данной отрасли [\[34,с.9\]](#).

Таким образом, статья кибернетиков 1955 года, по сути, их «манифест», сыграла решающую роль в истории советской науки и техники. Ее вклад в становление отечественных направлений искусственного интеллекта и роботостроения трудно преувеличить. Этот текст осуществил мощную трансформацию: он реабилитировал кибернетику (прежде опороченную как «антинаучное» течение), сломив идеологическое сопротивление, и открыл пространство для свободных научных поисков в сфере создания компьютеров, систем автоматического управления, роботов и искусственного интеллекта. Манифест не просто защищал кибернетику, но и предложил конкретную программу развития. Акцент на управлении, информации, обратных связях, моделировании мышления и создании сложных автоматизированных систем (включая экономику) стал стратегической дорожной картой для целого поколения советских

ученых. Хотя практическая реализация идей «манифеста» часто сталкивалась с трудностями, именно он заложил интеллектуальный и организационный фундамент для последующих значимых достижений СССР в области теории автоматов, распознавания образов, искусственных нейронных сетей, экспертных систем, автоматизированного проектирования (САПР), промышленной робототехники и космической автоматики. Поэтому «манифест» Соболева, Китова и Ляпунова был не просто оправданием кибернетики, он стал ее «Декларацией независимости» и мощным катализатором. Он определил вектор развития, мобилизовал научный потенциал страны и обеспечил теоретическую базу, на которой строились все последующие успехи советских исследований в области искусственного интеллекта и робототехники, оставив глубокий след в истории мировой науки и техники.

Современный ландшафт роботизации и развития искусственного интеллекта в России: успехи и препятствия

После распада СССР в 1990-е годы Российская Федерация, будучи правопреемницей, не сумела восстановить утраченные позиции в сфере робототехники на фоне глобальной технологической революции. Впоследствии, между 2002 и 2016 годами, рынок промышленных роботов перераспределился, и на долю 5–7 ведущих стран стало приходиться около 70%. Потеря значительного объема закрытых советских разработок в области роботостроения после 1991 года привела к тому, что эти технологии были запатентованы и внедрены в производство в других государствах. Ряд аналитиков полагают, что быстрый прогресс некоторых стран в этой области отчасти объясняется эффективной деятельностью в сфере технологической разведки, которая и в настоящее время рассматривается как ключевой фактор усиления конкурентоспособности и национальной безопасности. Тем не менее колоссальный научно-технический потенциал, накопленный в СССР, продолжает использоваться и в настоящее время. В научных кругах вновь наблюдается подъем интереса к разработке роботов, в особенности для целей космической робототехники. Кроме того, искусственный интеллект сегодня становится все больше ключевым драйвером глобального технологического прогресса, определяя конкурентоспособность стран и трансформируя целые отрасли. Россия, обладающая богатыми научными традициями в математике и информатике, активно включилась в эту гонку, стремясь занять достойное место на мировой арене в области развития искусственного интеллекта.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года задала амбициозные цели, а государственное финансирование и поддержка исследовательских центров создали определенный положительный импульс. Однако путь развития российского искусственного интеллекта нельзя назвать гладким. Он проходит в условиях уникальных вызовов, связанных как с внутренними структурными особенностями, так и с внешними геополитическими факторами. Современный этап характеризуется динамичным, но противоречивым сочетанием значимых научно-технических достижений и серьезных, подчас системных препятствий. Вместе с тем на фундаментальном уровне российская наука вносила и продолжает вносить весомый вклад в развитие теории искусственного интеллекта. Так, например, работы ведущих российских ученых, таких как академика РАН А.Б. Куржанского, не только нашли применение в задачах прогнозирования и принятия решений по разработке искусственного интеллекта, но и заложили устойчивую основу для будущих прорывов^[35]. Параллельно наблюдается рост прикладных разработок. Успешно создаются и внедряются отечественные решения в области компьютерного зрения, обработки естественного языка (NLP) и анализа данных.

Поэтому, несмотря на внешние ограничения, российский рынок искусственного интеллекта сохраняет положительную динамику. Отечественные компании активно интегрируют решения, связанные с технологиями искусственного интеллекта, в ключевые секторы экономики. В финансовой сфере, например, Сбербанк сохраняет лидерство, масштабируя собственную экосистему продуктов на базе искусственного интеллекта. Значимым прорывом 2024 года стали достижения и российских разработчиков в области больших языковых моделей (LLM). Кроме того, Сбербанк представил усовершенствованный GigaChat MAX, демонстрирующий новые возможности. «Яндекс» ответил выпуском четвертого поколения своей флагманской модели YandexGPT. Активное развитие нейросетевых технологий также ведут Т-Банк (ранее Тинькофф), МТС и VK, расширяя линейку своих сервисов, связанных с технологиями искусственного интеллекта. Параллельно растет проникновение искусственного интеллекта в реальный сектор экономики. Технологии машинного зрения и предикативной аналитики активно внедряются в промышленности для оптимизации производства и контроля качества. Ритейл-гиганты используют искусственный интеллект для управления запасами персонализированных рекомендаций и анализа покупательского поведения. Транспортные компании внедряют системы планирования маршрутов и управления автопарком на основе данных. Этот тренд указывает на зрелость подходов и готовность бизнеса к практическому применению сложных решений, связанных с искусственным интеллектом, для повышения эффективности. В этой связи государственная поддержка и опора на импортозамещение остаются важными драйверами роста. Национальные проекты и целевые программы стимулируют разработку и внедрение отечественных платформ, оснащенных искусственным интеллектом, особенно в критически важных отраслях. Активно создаются акселераторы и площадки для взаимодействия разработчиков, сотрудников научных организаций и работников промышленных компаний, такие как «Платформа НТИ». Хотя кадровый дефицит и технологические барьеры сохраняются, консолидация усилий государства и бизнеса позволяет российской экосистеме искусственного интеллекта адаптироваться к новым условиям и находить точки роста.

Вместе с тем, несмотря на отдельные успехи, развитие искусственного интеллекта в России сталкивается с комплексом взаимосвязанных препятствий. Ключевой проблемой остается ограниченный масштаб коммерциализации и интеграции разработок в реальный сектор экономики. Разрыв между академическими исследованиями, промышленными потребностями и готовностью бизнеса внедрять инновации является системным барьером, сдерживающим формирование полноценной инновационной экосистемы искусственного интеллекта. Другой критический вызов – дефицит высококвалифицированных кадров, особенно специалистов по машинному обучению и инженеров по данным мирового уровня [\[36, с. 96\]](#). Этому способствуют как глобальная конкуренция за таланты, так и внутренние факторы, включая уровень оплаты труда и условия для исследований. Частичная технологическая изоляция, ограничивающая доступ к передовому зарубежному оборудованию (например, высокопроизводительным GPU), программному обеспечению и данным, а также к международному научному сотрудничеству, создает дополнительные сложности для исследователей и разработчиков.

Можно отметить, что 2024-й стал годом стремительного внедрения систем искусственного интеллекта во всех сферах человеческой жизни, в том числе и военной. То, какие разработки в данной области ведутся уже сегодня и какие испытания проходят, в том числе в зоне спецоперации, показывает, насколько радикально искусственный интеллект изменит боевые действия в ближайшие годы. Одним из парадоксальных выводов из хода

специальной военной операции (СВО) является то, что главным фактором следующей войны будут даже не дроны и уж точно не танки (хотя они никуда не исчезнут, более того, продолжат производиться и совершенствоваться, эволюционируя дальше). Главным фактором войны будущего будет умение армии работать с большими массивами данных и пользоваться системами искусственного интеллекта для их анализа и управления оружием. Поэтому в современных условиях системы на базе искусственного интеллекта оцениваются экспертами [\[37,38\]](#) как ключевой элемент новых методов ведения боевых действий, фундаментальная основа военно-технической политики государств [\[39,40\]](#), а также как катализатор для формирования инновационных подходов к тактике, оперативному искусству применения вооружений и принципам управления войсками. Внедрение технологий искусственного интеллекта открывает перспективу существенного сокращения численности личного состава в ключевых родах войск: сухопутные силы могут использовать боевые роботы, авиация – беспилотные летательные аппараты, а флот – роботизированные надводные и подводные системы. Наиболее значимым преимуществом при этом выступает минимизация людских потерь в ходе вооруженных конфликтов. Тем не менее для реализации этого потенциала требуется всесторонняя и объективная оценка как текущих возможностей технологий искусственного интеллекта, так и их ожидаемого развития в среднесрочной перспективе. На основе такой оценки должны быть определены приоритетные направления работы для военного командования, научно-исследовательских институтов, предприятий оборонно-промышленного комплекса и военных учебных заведений.

Первые практические шаги в реализации этой стратегии уже предприняты на государственном уровне. Знаковым событием стало заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина о формировании нового рода войск, а именно соединений, основу боевого потенциала которых составят беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Это решение подчеркивает стратегический курс на глубокую роботизацию и интеллектуализацию вооруженной борьбы, где автономные системы, управляемые или дополняемые искусственным интеллектом, займут центральное место в разведке, поражении целей, радиоэлектронной борьбе и обеспечении действий традиционных сил. Создание специализированных войск БПЛА актуализирует комплекс задач по развитию технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, систем автономного управления группировками дронов, а также подготовке высококлассных операторов и разработчиков для этого принципиально нового вида вооружений.

Кроме того, по интеграции искусственного интеллекта в военную сферу являются следующие первоочередные задачи.

- 1). Создание новых тактических схем и принципов оперативного искусства, адаптированных под применение интеллектуальных вооружений.
- 2). Формирование требований (на период 5–10 лет) к военно-техническому облику перспективных систем вооружения, использующих искусственный интеллект.
- 3). Анализ возможностей оборонно-промышленного комплекса в разработке и серийном выпуске таких систем, а также определение перспектив их включения в Государственную программу вооружения.
- 4). Организация системы подготовки и переподготовки инженерно-технических специалистов и операторов для эффективного использования вооружений, оснащенных системами искусственного интеллекта.

5). Адаптация штатного расписания и структуры подразделений под специфику эксплуатации новых образцов вооружения с интегрированным искусственным интеллектом.

6). Обновление содержания подготовки военных специалистов с акцентом на углубление знаний в области искусственного интеллекта, вычислительной техники и робототехнических систем.

Своевременное и комплексное решение указанных задач обладает критически важной стратегической значимостью для гарантирования национальной и военной безопасности Российской Федерации в обозримом будущем.

Заключение

Семь десятилетий отделяют нас от знаменательной статьи С.Л. Соболева, А.И. Китова и А.А. Ляпунова, ставшей интеллектуальным манифестом зарождающейся эпохи искусственного интеллекта в СССР. Этот документ, рожденный в эпоху становления кибернетики, заложил не просто теоретический фундамент, а стратегическое видение. Он провозгласил переход от вычислений к мышлению машин, от алгоритмов к самообучению, от узких задач к универсальному интеллекту. Идеи, зашифрованные в 1955 году: моделирование высшей нервной деятельности, эвристическое программирование и автономность систем, оказались удивительно пророческими, предвосхитив на десятилетия вперед ключевые векторы развития мировой и отечественной науки, изучающей искусственный интеллект. Сегодня, в эпоху расцвета нейросетей и глубокого обучения, истоки отечественного искусственного интеллекта, берущие начало в смелом проекте советских ученых, напоминают о мощном интеллектуальном потенциале и стратегической дальновидности отечественной научной школы. Статья «Основные черты кибернетики» (1955) дала мощный стимул для советских и российских ученых для продолжения традиций фундаментальных исследований творческой смелости и практической реализации интеллектуальных систем, завещанных пионерами советской кибернетики. Их наследие остается актуальным компасом в стремительно развивающемся мире искусственного интеллекта.

Кроме того, сегодня стало очевидным, что основополагающая черта, заявленная авторами, – это радикальный отход от жестко запрограммированных алгоритмов. Они провозгласили создание машин, способных к самообучению и саморазвитию в процессе решения задач. Это подразумевало способность искусственного интеллекта автономно вырабатывать стратегии достижения целей, используя эвристические методы (поиск решений через опыт, аналогии, «озарение») вместо строгих математических вычислений. Ключевым стал акцент на моделировании высшей нервной деятельности человека, то есть создании систем, имитирующих нейронные сети мозга для распознавания образов, формирования ассоциаций и обобщений, что является фундаментом адаптивного интеллекта. Вторая ключевая группа черт – это переход от машин, выполняющих конкретные вычислительные операции (калькуляторы) к машинам, способным к универсальной интеллектуальной деятельности. Авторы видели искусственный интеллект как систему, решающую широкий класс логических задач, требующих творческого подхода и способности самостоятельно формулировать и доказывать теоремы (как пример сложной интеллектуальной деятельности). Это включало обработку нечеткой информации, работу с неполными данными, планирование действий и принятие решений в условиях неопределенности, что подразумевает элемент креативности и интеллектуальной автономии, выходящей за рамки простого исполнения инструкций.

Библиография

1. Соболев С.Л., Китов А.И., Ляпунов А.А. Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 136-148.
2. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris: Hermann & Cie, 1948. 194 p.
3. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство" от 21 мая 1963 г. // Государственный архив РФ (ГАРФ). ф. 5446, оп. 106, д. 1324, л. 160-172.
4. Кутейников А.В. Судьба оригинальной идеи А.И. Китова, проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 143. С. 132-138. EDN: NXMABZ
5. Maslej N., Fattorini L. Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI), 2024. 502 p.
6. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 1) // Образовательная политика. 2020. № 3 (83). С. 10-19. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-3-10-19 EDN: MTTZUP
7. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: The MIT Press, Cambridge 1961. 212 p.
8. Материалист. Кому служит кибернетика // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 210-219.
9. Китов В.А., Шилов В.В. К истории борьбы за кибернетику. ИИЕТ им. С.Н. Вавилова. РАН. Годичная научная конференция. 2011. Т. 2. С. 539-543.
10. Никофоров А.Н. Выдающаяся роль А. И. Китова в признании кибернетики в СССР // Научные труды Вольного экономического общества России. 2012. Т. 164. С. 69-75. EDN: PQNWDZ
11. Дюрик А.М., Ершова К.А., Китов В.А., Петелина А.В. Непростая судьба кибернетики в СССР // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 186. С. 618-623. EDN: VKOTFP
12. Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Образ кибернетики в памяти отечественной науки // История и педагогика естествознания. 2018. С. 52-56.
13. Китов А.И. Электронные цифровые машины. М.: Советское радио, 1956. 358 с.
14. Нескоромный В. Человек, который вынес кибернетику из секретной библиотеки // Компьютерра. 1996. № 43. С. 44-45.
15. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958. 217 с.
16. Ляпунов А.А., Яблонский С.В. Теоретически проблемы кибернетики // Проблемы кибернетики. 1963. Вып. 9. С. 5-22.
17. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 383 p.
18. Иванько М.А., Гасович А.А. Троичные ЭВМ: исторический и образовательный аспекты изучения компьютерной архитектуры // Вестник Московского государственного университета печати. 2016. С. 42-45.
19. Михайлов А.И. Основы научной информации. М.: Наука, 1965. 655 с. EDN: SKJLOR
20. Михайлов А.И. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. 756 с. EDN: SKJLPB
21. Очерки истории информатики в России. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1998. 662 с.
22. Ершов А.П. Информатика: предмет и понятие // Кибернетика. Становление информатики. М.: Наука, 1986. С. 28-31. EDN: YUGCDK
23. Информатика и компьютерная грамотность: Сборник научных трудов ИПИ АН СССР /

Отв. ред. Б.Н. Наумов. М.: Наука, 1988. 237 с.

24. Graham L.R. The Ghost of the Executed Engineer: Technology and the Fall of the Soviet Union. Harvard UP, 1993. 128 p.

25. Ревич Ю.В., Малиновский Б.Н. Информационные технологии в СССР. Создатели советской вычислительной техники. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 336 с.

26. Поспелов Г.С. Искусственный интеллект - основа новой информационной технологии. М.: Наука, 1988. 280 с.

27. Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.

28. Буравлев А.И., Ветошкин В.М. Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика. 2024. № 2(68). С. 33-42. EDN: BXZLNS

29. Поспелов Д.А. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986. 288 с.

30. Арлазаров В.Л. Компьютерные шахматы. М.: Физматлит, 2008. 304 с.

31. Попов Е.П., Верещагин А.Ф., Зенкевич С.Л. Манипуляционные роботы: динамика и алгоритмы. М.: Наука, 1978. 400 с.

32. Козырев Ю.Г. Промышленные роботы: Справочник. М.: Машиностроение, 1988. 392 с.

33. Юревич Е.И. Основы робототехники. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 416 с. EDN: QMOBXN

34. Комков Н.И., Бондарева Н.Н. Перспективы и условия развития робототехники в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 8-21. DOI: 10.18184/2079-4665.2016.7.2.8.21 EDN: WEBCJB

35. К 70-летию со дня рождения Александра Борисовича Куржанского // Вестник Московского университета. Серия 15: Вычислительная математика и кибернетика. 2009. № 4. С. 5-6. EDN: KYQLAD

36. Горбачева Т.А. Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 1. С. 96-105. DOI: 10.47576/2949-1894.2025.1.1.014 EDN: VEKLBK

37. Вилловых А.В. Искусственный интеллект как фактор военной политики будущего // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1(52). С. 177-192. EDN: YYHGXR

38. Кирюшин А.Н., Шайдуллин Т.В. Неоднозначность социальной роли и функций искусственного интеллекта в контексте когнитивного противоборства // Военный академический журнал. 2024. № 2. С. 19-28. EDN: MTXGPZ

39. Буренок В.М. Искусственный интеллект в военном противостоянии будущего // Военная мысль. 2021. № 4. С. 106-112. EDN: JZELGG

40. Леонов А.В., Брайткрайц С.Г., Пронин А.Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта на этапах системного проектирования нового оружия // Вооружение и экономика. 2023. № 3(65). С. 23-34. EDN: VWXVYA

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования автором не сформулирован. Сформулировать его за автора затруднительно, так как основная идея статьи не ясна. Статья носит чисто описательный характер, причём её направленность соответствует более журналу исторического, а не философского профиля.

Методология исследования автором также не описана. Всё, что можно найти в тексте на этот счёт, это следующая ремарка: «В этой статье мы обратимся к «Основным чертам кибернетики» как к живому документу. Мы выявим ключевые черты искусственного

интеллекта, зашифрованные в манифесте 1955 года. Проследим их эволюцию и покажем, почему уникальный советский опыт с его акцентом на теорию, системность и глобальные модели остается и сегодня, в цифровую эпоху глубокого обучения и больших данных, источником вдохновения и критических вопросов». Однако эта декларация о намерениях осталась нереализованной. Упомянутая статья так и остаётся лишь упоминаемой. Никакого её анализа не приводится (даже цитат из неё в тексте нет).

Актуальность рецензируемой статьи в тексте тоже не обоснована. Похоже, автор усматривает её в круглой дате (70 лет с момента выхода в свет статьи: Соболев С.Л., Китов А.И., Ляпунов А.А. Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 136-148.), но очевидно, что само по себе это слишком неубедительное обоснование.

Научная новизна представленного на рецензирование текста не ясна.

Стиль и структура текста соответствуют жанру научной статьи.

Содержание текста вызывает ряд нареканий. Помимо того, что не сформулированы предмет изучения (какая-либо конкретная научная проблема, которую автор хочет решить), актуальность темы, методология исследования и научная новизна, текст грешит явной описательностью (это текст исторической, а не философской направленности) и при этом остаётся неясным, откуда автор черпает материал. Например, на какие сведения опирается автор, когда пишет следующее: «Начиная с весны 1953 года, А.И. Китов и А.А. Ляпунов организовали масштабную просветительскую кампанию, выступив с лекциями в ключевых государственных учреждениях, НИИ и Вузах страны. ... Широкий общественный резонанс этих выступлений стал одним из факторов, побудивших Идеологический отдел ЦК КПСС в 1955 году пересмотреть свою позицию: статья «Кибернетика» была изъята из допечатки 4-го издания «Философского словаря», а публикация новой статьи «Основные черты кибернетики» закрепила официальную реабилитацию этой научной дисциплины»?

В некоторых случаях остаётся не ясным, имеем ли мы дело с личным мнением автора или он приводит результаты каких-то исследований. Так, например, он пишет следующее: «Однако, несмотря на яркие прорывы, массового внедрения роботов в гражданскую промышленность СССР так и не произошло. Главными препятствиями стали хронические проблемы микроэлектроники (отставание в производстве дешевых и надежных микропроцессоров, датчиков), негибкость плановой экономики (сложности с модернизацией производств, дефицит комплектующих, низкое качество серийных изделий) и ведомственная разобщенность». Более того, эти причины выглядят недостаточно убедительными, особенно в свете того, что в конце статьи автор пишет о проблемах соответствующей отрасли в современной России с её рыночной экономикой. Получается, дело вовсе не в «негибкости плановой экономики»? А может быть, одной из причин являются какие-то управленческие решения? В любом случае, хотелось бы увидеть в тексте не досужие размышления на эту тему, а какой-то более детальный и опирающийся на конкретные данные анализ.

С сожалением приходится также отметить следующий недостаток работы: сноски на библиографические источники очень часто оформлены с нарушением – не указываются страницы, на которых размещена та информация, на которую ссылается автор. Вот лишь один из многочисленных примеров: «Практическое применение нашли только некоторые из идей, выдвинутых А.И. Китовым и В.М. Глушковым, и лишь в ограниченных секторах – на объектах военно-промышленного комплекса и в аппарате Госплана Украинской ССР [3]». В данном случае даётся ссылка на 300-страничную книгу: Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Cambridge: MIT Press, 2016. Автор предлагает заинтересованному читателю, желающему убедиться в корректности

сообщаемой информации, прочитать её всю? В таком случае, автору стоит напомнить, что научный текст должен стремиться к максимальной точности изложения и проверяемости информации, для этого и существует справочно-библиографический аппарат. Неумение или нежелание им пользоваться сразу ставит вопрос о научной компетентности и добросовестности автора.

Библиография состоит из 25 работ на русском и английском языках. В целом эти работы соответствуют тематике статьи. Однако в ряде случаев не ясно, откуда автор черпает данные, приводящиеся в статье. Например: «Успешно создаются и внедряются отечественные решения в области компьютерного зрения, обработки естественного языка (NLP) и анализа данных. Ярким примером служат работы доктора физико-математических наук, профессора РАН И.В. Оселедца, чья группа добилась выдающихся результатов в разработке эффективных алгоритмов тензорных разложений и сжатия глубоких нейронных сетей».

В ряде случаев можно заметить нарушение норм русского литературного языка. Примерами неловкого построения фраз являются следующие предложения: «Кроме того, по интеграции искусственного интеллекта в военную сферу являются следующие первоочередные задачи»; «Вывод, к которому можно прийти, таков: покажет время»; «Искусственный интеллект, хотя и далек еще от создания сознания, очевидно, что он будет развиваться и становиться все более распространенным с каждым днем». Слово «вуз» пишется строчными буквами, не нужно писать его с заглавной буквы.

Апелляция к оппонентам в статье не выражена. Как уже говорилось, работа носит сугубо описательный характер. Автор ни с кем не полемизирует. Не удивительно, что в результате научная новизна работы совсем не видна.

Выводы автора исключительно банальны, кроме того, как уже указывалось, неловко сформулированы: «В настоящее время считается, что существующие искусственные нейронные сети и модели искусственного интеллекта недостаточны для решения проблемы сознания. Вывод, к которому можно прийти, таков: покажет время. (Здесь не ясно, что именно оно покажет?) Искусственный интеллект, хотя и далек еще от создания сознания, очевидно, что он будет развиваться и становиться все более распространенным с каждым днем».

Заглавие работы способно вызвать интерес читательской аудитории, но содержание работы разочаровывает, кроме того, не ясен философский аспект затронутой темы. В данном виде, с учётом многочисленных недостатков, статья не может быть рекомендована к печати в научном журнале по философии.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В.Г. Белинский как-то справедливо заметил, что русская история «есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика». И действительно, в истории России героическое нередко сопровождалось трагическим, причем это нашло отражение и в научной сфере. В этой связи следует напомнить про сложный путь кибернетики в нашей стране, которая подвергалась активным нападкам в конце 1940-х-начале 1950-х гг. Так, например, М.Г. Ярошевский писал на страницах «Литературной газеты»: «Буржуазная печать широко разрекламировала новую науку — кибернетику. Эта модная лжетеория, выдвинутая группкой американских «учёных», претендует на решение всех стержневых научных проблем и на спасение человечества от всех социальных бедствий...По утверждению кибернетиков, поводом к созданию их лженауки послужило сходство

между мозгом человека и современными сложными машинами».

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является научная статья советских ученых «Основные черты кибернетики». Автор ставит своими задачами рассмотреть влияние работы Н. Винера «Кибернетика» на СССР, показать развитие искусственного интеллекта и робототехники в СССР, раскрыть успехи и препятствия в развитии искусственного интеллекта в России. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать советскую кибернетику в качестве предтечи современных направлений искусственного интеллекта. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников отметим прежде всего сам труд С.Л. Соболева, А.И. Китова, А.А. Ляпунова

«Основные черты кибернетики», опубликованный в журнале «Вопросы философии», работу Н. Винера «Кибернетика», документы из фондов Государственного архива Российской Федерации. Из используемых исследований укажем на работы А.В. Кутейникова и А.Н. Никифорова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения кибернетики в СССР. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кибернетикой, в целом, так и ее историей в нашей стране, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «несмотря на ошеломляющие практические успехи, современная отрасль разработки, внедрения и реализации искусственного интеллекта и робототехники вынуждена заново решать глубинные проблемы, поднятые еще советскими учеными: вопросы этики автономных систем, социальных последствий автоматизации, границ моделирования человеческого интеллекта и острой необходимости теоретического осмысления сложнейших моделей». В работе показано, что ««манифест» Соболева, Китова и Ляпунова был не просто оправданием кибернетики, он стал ее «Декларацией независимости» и мощным катализатором, он определил вектор развития, мобилизовал научный потенциал страны и обеспечил теоретическую базу, на которой строились все последующие успехи советских исследований в области искусственного интеллекта и робототехники, оставив глубокий след в истории мировой науки и техники». Автор обращает внимание на то, что «распад СССР привел к разрушению формирующегося технологического превосходства страны в этой сфере на глобальном уровне, обусловив утрату потенциала роста и конкурентоспособности по отношению к Соединенным Штатам и другим государствам в данной отрасли».

Главным выводом статьи является то, что работа «Основные черты кибернетики» (1955)

дала мощный стимул для советских и российских ученых для продолжения традиций фундаментальных исследований творческой смелости и практической реализации интеллектуальных систем, завещанных пионерами советской кибернетики».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий развития искусственного интеллекта в России.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Концевая В.А. Китайская миграция на территорию российского Дальнего Востока в материалах периодической печати конца XIX в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74298

EDN: KRCGGN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74298

Китайская миграция на территорию российского Дальнего Востока в материалах периодической печати конца XIX в.

Концевая Виталина Андреевна

ORCID: 0000-0002-1793-098X

аспирант; кафедра всеобщей истории; ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

656031, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Молодежная, д. 55

✉ vita.k98@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74298

EDN:

KRCGGN

Дата направления статьи в редакцию:

02-05-2025

Аннотация: В истории китайско-российских отношений особое место занимает проблема миграции населения из одного государства в другое. Несмотря на то, что и российские, и зарубежные исследователи активно изучают данную тему, в ней еще присутствует достаточное количество вопросов. В статье рассматриваются вопросы, связанные с освещением в периодической печати конца XIX века процесса китайской миграции на территорию российского Дальнего Востока. Ранее исследователи не освещали миграцию китайского населения исходя из данных периодической печати. Особое внимание уделяется вопросам количества мигрантов, занятости прибывающих китайских граждан, а также социальным аспектам взаимодействия (быт, жалобы, конфликты, правонарушения) между мигрантами и российским населением, между китайскими подданными и местной властью. Автор анализирует публикации, показывающие особенности миграционных потоков, причины и последствия китайской миграции для местного населения и экономики региона. Статья подготовлена на анализе материалов периодических изданий конца XIX в., что позволяет лучше понять особенности

миграционных процессов из Китайской империи и значение этого явления для развития российского Дальнего Востока. Автор приходит к выводу, что китайские подданные на российской территории успешно адаптировались и внедрились в экономическую деятельность Дальнего Востока. Однако отношения между местными жителями и властью с одной стороны и китайцами с другой складывались достаточно сложно в виду опасения потери влияния в регионе, уменьшения количества российского населения, конфликтных ситуаций между российскими и китайскими подданными. С одной стороны, мигранты воспринимались местными властями как необходимый рабочий ресурс, с другой – вызывали часто оправданные опасения.

Ключевые слова:

китайские мигранты, китайцы, экономика, Дальний Восток, Российская империя, периодическая печать, Китайская империя, Владивосток, Приамурские ведомости, Восточное обозрение

Проблема китайской миграции на территорию российского Дальнего Востока является предметом изучения многих известных российских ученых. Вопросы, связанные с этим явлением, рассматриваются, в частности, в исследованиях В. Г. Дацышена [\[43\]](#); [\[44\]](#); [\[45\]](#), О. В. Залесской [\[46\]](#), А. Г. Ларина [\[47\]](#), О. А. Тимофеева [\[48\]](#), Е. Ю. Башкуевой [\[42\]](#) и других. Однако их работы, при несомненной глубине и основательности, ограничиваются, либо определенной областью расселения мигрантов, либо, освещением отдельного вопроса означенной проблемы. При этом в ходе изучения указанной проблематики исследователи часто не использовали периодическую печать второй половины XIX века. В предлагаемой статье предпринят анализ этого вида источников, позволяющий выделить ряд особенностей в расселении, адаптации, хозяйственной деятельности, нормативно-правовой базе миграции китайцев.

В ряду периодических изданий, выходивших на Дальнем Востоке в рассматриваемый период, наибольшую активность в описании жизни мигрантов проявляли такие газеты как «Владивосток», «Приамурские ведомости», «Восточное обозрение». Важным элементом здесь является то, что публиковались они в разных городах: Владивостоке, Хабаровске, Иркутске (это были центры своих областей), эти города охватывали районы наибольшего расселения мигрантов, и в силу этого давали картину состояния дел с китайской миграцией в различных областях огромного региона. Газета «Владивосток» публиковалась в период 1883 - 1906 гг., «Приамурские ведомости» выходила с 1894 г. по 1917 г., «Восточное обозрение» - с 1882 г. по 1906 г. Данные издания были еженедельными (встречаются дополнительные номера, посвященные отдельным событиям), они охватывали новости всего региона. В газетах было разделение на официальную и неофициальную часть. В официальной части публиковались указы правительства (как местного, так и столичного), приказы местных властей по актуальным вопросам региона, статистика, судебные дела, жалобы населения, заметки из иностранной и столичной периодики. В неофициальной части были литературные произведения: рассказы, фельетоны, стихотворения, рекламные объявления, слухи и другое. Автором анализировался материал о мигрантах из Китайской империи, представленный в официальной части, что позволяет говорить о репрезентативности информации. Это позволяет проследить факты влияния мигрантов на развитие всей территории российского Дальнего Востока. В целом же в материалах газет и журналов конца XIX в. в большей или меньшей степени представлены все сферы жизни китайских

мигрантов на российской территории. Прежде всего это касается проблемы расселения.

Согласно данным, приведенным в журнале «Записки русского географического общества по отделению статистики», составленным по данным переписи 1897 г. на территории российского Дальнего Востока (в составе Иркутской губернии, Забайкальской, Амурской, Приморской областей) всего проживало 1 531 083 чел., из них 44 172 чел. – китайцы, что составляло около 3% населения (русское население насчитывало 1 036 203 чел., что составляло около 68%) ^[41]. (В рамках заявленной темы автор дает информацию только по двум категориям населения: русским и китайцам – В. К.) Подробнее информацию по губерниям и областям можно проследить в табл. 1.

Таблица 1. Количество русского и китайского населения российского Дальнего Востока в конце XIX в.

№	Количество людей, проживающих в Иркутской губернии	в %	Количество людей, проживающих в Забайкальской области	в %	Количество людей, проживающих в Амурской области	в %	Количество людей, проживающих в Приморской области
русское население	376 291	73	442 744	72	103 523	86	103 645
китайское население	74	0,01	2 339	0,3	11 073	9,2	30 686
всего	515 070		672 072		120 306		223 635

Однако эти данные не отражают полную картину, которая сложилась на территории российского Дальнего Востока во второй половине XIX в., так как в таблице указано население, которое постоянно проживало в регионе. А миграция китайцев имела ряд особенностей: сезонность (рабочие, торговцы, люди, занимающиеся ремеслом, проживали на территории Российской империи только в определённые промежутки времени), не все мигранты переселялись в государство по годовым билетам, был также процент тех, кто незаконно пересек границу, или пересекал границу по билету другого человека.

В периодической печати Дальнего Востока нет точных данных о количестве мигрантов, однако, встречаются статьи и заметки, которые указывают на их большое количество и на отношение к этому местных властей. Например, в газете «Владивосток» №17 от 1885 г. отмечено, что в Южно-Уссурийском крае проживает до 15 тыс. взрослых китайцев [2 с. 2]. В этом же материале заявляется о том, что мигрантов необходимо поддерживать, так как их расселение также необходимо региону, как и расселение русских. Однако уже в №26 от 1885 г. этой же газеты говорится о том, что наплыв китайцев на российские территории ведет к высокой конкурентности и углублению проблемы малозаселенности региона русскими [3 с. 5]. В газете «Восточное обозрение» №29 от 1893 г. интерес представляет заметка, в которой автор рассуждает об опасности наплыва китайского населения в Дальнем Востоке. Материал появился в связи с тем, что в Северных штатах США ввели закон, закрывающий доступ китайцев на американскую территорию. В этой же заметке дается отсылка на информацию газеты «Singspoore Free Press». В ней сообщалось о создании общества добровольной колонизации, которое собирает информацию об экономическом развитии Восточной Сибири. По данным газеты, за несколько месяцев 1893 г. в Российскую империю прибыло от 7 до 8 тыс. подданных Поднебесной [24 с. 6]. О количестве китайцев упоминалось также в №11 газеты

«Владивосток» от 1893 г [13 с. 7]. Эти данные отражены в таблице 2.

Таблица 2. Количество русского и китайского населения в г. Владивосток в 1891-1892 гг.

Годы	Всего в городе Владивосток	Количество русского населения	Количество китайского населения
1891	5812	2346	2740 (в течение года помимо этого прибыло 1997, а убыло 196 человек)
1892	7894	3167	3607

Из таблицы видно, что во Владивостоке, китайское население превалировало над русским. Это обстоятельство приводило к разного рода конфликтам, жалобам со стороны русских горожан. Необходимо отметить, что данные о количестве мигрантов разнятся в разных источниках.

Помимо информации о количестве китайского населения на территории изучаемого региона, самыми частыми упоминаниями о мигрантах в газетах являются статьи и заметки об их экономической деятельности. При этом в опубликованных материалах присутствуют как негативные, так и положительные характеристики мигрантов.

Наиболее частым упоминанием является вопрос об их торговой деятельности. В №2 от 1888 г. газеты «Владивосток» заявляется о том, что китайцы держат в своих руках всю розничную торговлю в регионе [4 с. 6]. В №13 этой же газеты от 1890 г. говорится о том, что каботажная торговля находится в руках местных корейцев и китайцев [11 с. 3]. Указывается, что запрет этой деятельности – невозможен, так как найдутся аферисты, которые преследуют личные выгоды, которые могут брать на свое имя патенты и передавать их корейцам и китайцам. В заметке пишется о том, что китайцы считают этот край своим. Отмечается, что русским трудно конкурировать с китайцами. Автор материала полагает, что «Нет надежды на развитие местного судостроения, пока каботаж в руках иностранцев. Китайцы – стоят свои суда по особому типу. Противоречащему требованиям мореплавания и только неизвестность и невозможность учета не позволяет сказать цифру ежегодной гибели их судов. Причем сроят эти суда благодаря деревьям из нашего леса. Возле Бычьей Бухты расположены целые селения китайских судовиков, строящих китайские суда» [11 с. 4]. Заметки о развитии торговли китайскими подданными на территории Российской империи встречаются не только в газете «Владивосток», но и в «Амурских ведомостях». Так, интересна заметка в номере втором от 1890 г., в которой говорится о торговле между китайцами, проживающими в с. Китайское на 300 дворов и местным населением. Китайцы торговали с ними разными товарами из лавок и питейных заведений, в основном это был хлеб и водка [22 с. 5]. Этот факт подтверждает информацию о том, что китайские мигранты не только находились не только в Приамурье, но и в Иркутской губернии, но и успешно там торговали. С 1893 г. в газетах появляются заметки об ограничении и запрещении китайской торговли на территории Восточной Сибири [33 с. 5]. В №34 за 1893 г. «Восточного обозрения» появляется информация о деятельности китайского пивоваренного завода (предприниматель Ти-Фон-тай). В следствие работы данного

завода в Хабаровске активно открываются питейные заведения для продажи пива, ханшина (китайская водка) [27 с. 6], что мешает развиваться российским вино-водочным предприятиям, так как китайская продукция более дешевая и в больших количествах присутствует на рынке.

В газетах рассматриваемого периода довольно часто встречаются материалы и заметки содержащие жалобы на то, что китайцы заняли нишу торговцев на территории российского Дальнего Востока и что это мешает развивать этот вид деятельности местному русскому населению. Например, в № 22 газеты Владивосток от 3 июня 1890 г. говорится о том, что и мелкая, и крупная торговля находятся под контролем китайского населения. Автор материала сообщает, что «Китаец Тун-фан-лун транспортирует в село Никольское десятки пудов товаров. Сы-хай-шень, Тун-шен-лун и другие торгуют на крупные и очень солидные суммы». Описано также, что причины высокой устойчивости торговой деятельности мигрантов, заключаются, во-первых, в том, что «русские не умеют вести дела и живут не по средствам». Во-вторых, китайская торговля имеет поддержку в виде разносной торговли. Разносчики ходят по домам и улицам и торгуют не только дозволенными, по разным свидетельствам, мелочными товарами, но также табаком и водкой. Контроль за этим слабый из-за нехватки чинов. Газета, отмечает факты многочисленных жалоб на этих торговцев от крестьян [12 с. 5]. Приведенные и похожие ситуации представлены не только в этом номере газеты. Они вообще встречаются довольно часто. Например, о высокой конкурентности не в российскую пользу пишется в этой же газете в №26 от 30 июня 1885 г. [3 с. 5], №21 газеты от 30 мая 1893 г. [15 с. 6], в газете «Восточное обозрение» от 1893 г. №42 [29 с. 6]. В №2 «Владивостока» от 10 января 1888 г. высказывается мнение о необходимости запрета розничной торговли китайцам по причине того, что она находится под их контролем, что не позволяет развиваться здесь русским торговцам [4 с. 6]. О сохранении этой проблемы можно встретить заметки и в номерах газеты «Владивосток» от 7 ноября 1893 г. [18], от 19 мая 1896 г. [23]. Всего в 1893 г. из 52 номеров в жалобы на китайское население встречается в 23 номерах. В основном, это весенние, летние и осенние номера. Это объясняется сезонностью миграции (в летнее время мигрантов было больше) [46],[47]. Это позволяет сделать вывод о том, что проблема стояла остро во всем регионе. Поскольку материалы с жалобами и обсуждением вопроса об ограничении торговли китайцев в регионе появлялись в газетах на протяжении 10 лет, постольку можно сделать вывод, что власти были не в состоянии справиться с данным явлением.

Помимо жалоб на количество и деятельность, выходящую за правовые рамки китайцев-торговцев, по материалам периодической печати можно проследить наличие целого ряда других проблем, связанных с торговой деятельностью мигрантов. Так, многочисленные вопросы авторов статей и читателей вызывали ценообразование, номенклатура товаров, повсеместное нарушение правил о торговле и другие. О ценах на товары, которые предлагались китайскими торговцами, в материалах периодических изданий давалась разная часто взаимоисключающая информация. Так, в № 22 газеты «Владивосток» от 1890 г. говорится, что китайцы торгуют предметами первой необходимости по завышенным ценам [12 с. 6]. А в номере от 1 августа 1893 г. та же газета указывает, что товары хорошего качества и низкие по цене [16 с. 7]. Это позволяет сделать вывод о том, что установление цены – было личной инициативой торговцев, а предложение было достаточно широким. Ассортимент предлагаемых товаров включал продукты, ткани, одежду, медицинские товары, предметы быта и т.д. В номере от 25 апреля 1893 г. той же газеты «Владивосток» заявляется о том, что китайские купцы снабжают рисом все население близлежащих территорий [14 с. 5].

Необходимо отметить, что борьба с неправильными методами торговли на территории Дальнего Востока велась постоянно, однако успешной ее назвать было нельзя. Основная причина этого заключалась в постоянной нехватке кадров. В свою очередь мигранты находили множество способов и уловок, позволявшим им нарушать российские законы. Так описаны случаи замены годовых билетов и изменения имен. Например, китайцу Цай-лю был выписан протокол в связи с нарушением правил торговли. Он поменял годовой билет, где указал вместо своего имени имя Лю-цай и продолжил вести торговую деятельность [16 с. 6].

В материалах газет встречается информация и о других видах деятельности мигрантов: о земледелии, о труде рабочих, о разных промыслах (охота, добыча жемчуга, женьшеня судостроительство, и т.д.) [10 с. 2]; [20 с. 2]. Однако количество таких материалов меньше и их совокупность не позволяет всесторонне рассмотреть жизнь и деятельность этих категорий мигрантов. Это можно объяснить тем, что данные категории населения не проживали в городах, а значит реже попадали в новостные сводки. Однако отдельные сюжеты выделить можно. Например, интересна информация о том, что в 1894 г. на Хинганском прииске в золотодобывающей сфере было задействовано 1308 китайца [37 с. 15], в 1896 на Надеждинском прииске было задействовано 1400 китайца [38 с. 11], на Фроловском прииске – 200 китайцев, на Надеждинском – 1400, на Ольгинском – 450, на Генриховском – 200 [39 с. 10]. Эта информация позволяет сделать вывод о том, что указанном регионе. китайцы-рабочие были активно востребованы.

О земледельцах-китайцах в газетах встречается в основном положительная информация. Чаще всего они арендовали землю у местных жителей и выращивали различные культуры. Причем их труд был продуктивней, чем у местного населения. Газета «Приамурские ведомости» пишет, что китайцы не знают неурожая и зерно, сравнительно с русскими, более полное и тяжеловесное [36 с. 6].

Давая общую оценку занятости в регионе китайцев-мигрантов, газета «Восточное обозрение» отмечает, что их активное привлечение к работе в разных отраслях объясняется малочисленностью собственных рабочих на Дальнем Востоке. Это обстоятельство и вынуждает нанимать китайцев [25 с. 2]. При этом труд китайцев оценивался меньше, чем российских рабочих, поэтому нанимать их было весьма выгодно. Это подтверждается заметками в газетах. Так, в № 32 «Восточного обозрения» от 1893 г. сообщалось о строительстве железной дороги, где привлекались китайские рабочие из-за того, что их заработная плата меньше [26 с. 6]. Это же прослеживается и в других номерах газет. Например, в номере 77 от 1892 г. и в №37 от 1893 г. указано, что средняя заработная плата китайского рабочего от 1 до 2,5 руб. в день [23 с. 1]; [28 с. 7]. Подобная информация есть в № 34 от 1893 г. В этом номере сообщается, что рабочие-китайцы начали забастовку по причине низкой заработной платы сравнительно с другими [27 с. 4]. Были случаи, когда китайские рабочие получали заработную плату 18 коп. в день. Это происходило в периоды наибольшей миграции в регион [21 с. 8].

В газетах с 1895 г. начинают появляться заметки о фабричном производстве китайских поданных на территории Российской империи. Так в газете «Восточное обозрение» №23 1895 г. указывается, что в Приморской области из 17 предприятий 3 китайских (помимо китайских присутствуют европейские, японские и российские фирмы) – фирмы Юн-хо-заня, Ти-фон-тая, Тун-ли [31 с. 2]. Все эти фирмы занимались торговой деятельностью. В материале газеты «Владивосток», посвященном рабочим-китайцам встречается информация о том, какие работы они выполняли. Китайцы работают прислужкой, чернорабочими. При этом отмечается, что рабочие-китайцы востребованы в регионе из-за более высокой производительности, в отличие о русских [12 с. 5]; [17 с. 7-8]; [36

с.5]. В газете «Приамурские ведомости» от 1897 г. интересна заметка о работе кирпичных заводов в Приморской области. В ней отмечается, что на заводе Старцева работает 120 китайцев, на заводе наследников Курцева – 150 китайцев [38 с. 14-15].

Благодаря новостным заметкам, публикуемым в газетах рассматриваемого периода, можно проследить адаптацию и быт мигрантов на российской территории. Например, газета «Владивосток» в № 25 от 19 июня 1888 г. писала о правилах по благоустройству китайского населения в Приамурском крае. Согласно этим правилам мигрантам, отводился особый участок земли из городских наделов, он именовался китайский квартал. В пределах этого участка расселение китайцев разрешено, однако есть запрет на заселение в отдельных районах города: «в Офицерской и Экипажной слободках» [6 с. 1]. При этом встречается много заметок о повседневном быте китайских мигрантов. Интересно, что в основном эти заметки носят негативный характер. Эти материалы сообщали, что мигранты жили в плохих гигиенических условиях, в грязных кварталах, увлекались азартными играми, продажей алкоголя (в питейных заведениях). Нередко суля (китайская водка – К.В.) отличалась крайне низким качеством, что приводило к летальным исходам после ее употребления [1 с. 8].

Самое большое количество заметок в газетах, содержащих какую-либо информацию о китайских мигрантах, находятся в разделах «Происшествия», «Хроника». При этом китайские мигранты были и пострадавшей стороной, и обвиняемой. Самые распространенные правонарушения, совершаемые китайскими мигрантами – это воровство, грабеж, мошенничество, реже встречаются – нарушение санитарных норм (однако жалобы на антисанитарию китайских мигрантов присутствуют в периодической печати постоянно) и убийства. Например, в № 39 «Владивостока» от 5 сентября 1888 г. – отмечен факт мошенничества – китайские подданные Ван-ден-куй, Цей-хуо-юнь, Тау-фу-хун, Ван-си, Юн-фа-тун обвинялись в устройстве игорных домов и обмане местного населения [7 с. 6]. Факты разбоя встречаются в номерах этой же газеты №14 от 3 апреля 1888 г., №13 от 29 марта 1890 г., 318 от 6 мая 1890 г., №19 от 13 мая 1890 г. В 1893 г, в 1896 г. Практически в каждом номере газеты встречаются описание правонарушений китайскими мигрантами. Подобные случаи описаны и в газете «Приамурские ведомости». Например, в №48 от 1894 г. описывается ситуация с грабежом китайскими подданными в Хабаровске крестьянки Серебряковой [34 с. 6-7]. Схожие факты встречаются в №72 от 1895 г [35 с. 2]. Убийство 10 человек китайцами описывается в №23 газеты «Восточное обозрение» за 1899 г. [33 с. 2].

Стоит отметить, что случаи нарушения китайцев российских законов с годами увеличивались. Поскольку количество заметок, где описывались преступления, совершаемые китайскими подданными, в период с 1884 до 1899 г. нарастало. Сводку по статистике преступлений в газетах чаще всего предоставляли 1 раз в месяц, т.е. в среднем 10-12 номеров в год. В 1888 г. в 10 номерах из 52 описаны правонарушения, совершенные в регионе. В 4 номерах правонарушителями были китайцы. В 1893 г. в газете «Владивосток» было представлено 11 номеров (из 52), где описываются совершенные правонарушения и наказания. В 8 номерах представлена информация, где встречаются мигранты в роли нарушителей законов. В 1896 г. выпущено 53 номера этой газеты, в 12 из них присутствует информация о правонарушениях, нарушенные законы и санкции в отношении китайцев описаны в 10. Т.е. количество номеров газеты, где описываются правонарушения китайцев, с 1888 г. до 1896 г. выросло на 43%. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что и количество китайских мигрантов в этот период увеличивалось. В других изданиях информация о преступлениях не выводилась в отдельный блок, встречаются заметки об отдельных преступлениях, которые произошли в

регионе.

Почти столь же часто встречаются факты, где китайские мигранты являлись потерпевшей стороной. Чаще всего это были преступления, связанные с избиением и убийством китайских подданных [8 с. 6]; [9 с. 7]; [40 с. 18]. В №181 номере «Восточного обозрения» от 1899 г. сообщается о поджоге места жительства китайцев-рабочих во Владивостоке. Причем аналогичные происшествия происходят не только в приграничных территориях. Например, в «Восточном обозрении» в №37 за 1893 г. описан факт убийства китайского подданного в с. Акша Забайкальского края [28 с. 8].

Еще одной особенностью китайского присутствия на российской территории можно считать деятельность хунхузов (китайские разбойники – К. В.) Они нападали на людей вблизи городов и на станциях на железнодорожных путях [5 с. 4]. Эта проблема широко освещалась в периодической печати второй половины XIX в., а также в различных донесениях и приказах пограничных служб обоих государств, так как хунхузы грабили и на российской, и на китайской территориях. Пострадавшей стороной в конфликтах с хунхузами были корейцы, китайцы и русские. Чаще всего их грабили или уводили в плен и требовали выкуп. Так заметки о нападениях данной категории встречаются в «Восточном обозрении» за 1893 г №34 [27 с. 4]. В №12 от 1895 г. была помещена заметка о том, что хунхузы вырезали жителей русской деревни возле Благовещенска [30 с. 2]. В №171 от 1899 г. «Восточного обозрения» хунхузы взяли в плен и требовали выкуп за китайских подданных, плененных на территории Российской империи [32 с. 1]. Борьба с хунхузами была одной из важных задач политики местных властей, так как жалоб на их деятельность было очень большое количество. Кроме того, хунхузы наносили урон экономической жизни рассматриваемого региона.

Выявленная информация позволяет детализировать и углубить ту, которая есть в опубликованных работах по данной тематике. Анализ газетных и журнальных публикаций конца XIX в. позволил выявить особенности китайской миграции на территорию российского Дальнего Востока. Во-первых, они свидетельствуют, что китайские мигранты заполняли вакансии в различных секторах экономики, что способствовало не только экономическому развитию региона, но и его культурной трансформации. Во-вторых, материалы периодики позволяют получить сравнительно ясную картину устройства, быта, особенный характер повседневной жизни мигрантов. В-третьих, анализ периодической печати этого времени дают основания говорить о сложной реакции местного русского населения и властей на китайскую миграцию. С одной стороны, мигранты воспринимались как необходимый рабочий ресурс, с другой – вызывали часто оправданные опасения. Таким образом, в периодической печати конца XIX в. достаточно широко освещена проблема китайской миграции на территорию российского Дальнего Востока. Благодаря материалам таких периодических изданий, как «Владивосток», «Восточное обозрение», «Приамурские ведомости» можно проследить вопросы адаптации китайских мигрантов, их деятельности, а также отношения к ним местного населения.

«Владивосток»

Библиография

1. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета. от 12 мая 1884 г. №19. 1884. С. 8.
2. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 28 апреля 1885 г. №17. С. 2.
3. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 30 июня 1885 г.

№26. С. 5.

4. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 10 января 1888 г.
№2. С. 6.

5. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 3 апреля 1888 г.
№14. С. 4.

6. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 19 июня 1888 г.
№25. С. 1.

7. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 25 сентября 1888 г.
№39. С. 6.

8. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 6 ноября 1888 г.
№45. С. 6.

9. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 11 марта 1890 г.
№10. С. 7.

10. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 12 марта 1890 г.
№11. С. 2.

11. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 29 марта 1890 г.
№13. С. 3-4.

12. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 3 июня 1890 г.
№22. С. 5.

13. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 14 марта 1893 г.
№11. С. 7.

14. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 25 апреля 1893 г.
№17.

15. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 30 мая 1893 г.
№21. С. 6.

16. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 1 августа 1893 г.
№31.

17. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 15 августа 1893 г.
№33. С. 7-8.

18. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 7 ноября 1893 г.
№45.

19. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 19 мая 1896 г.
№21.

20. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 29 марта 1898 г.
№13. С. 2.

21. Владивосток: еженедельная общественно-литературная газета от 16 августа 1898 г.
№33. С. 8.

22. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1890 г. №2. С. 5.

23. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1892 г. №17. С. 1.

24. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №29. С. 6.

25. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №31. С. 2.

26. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №32. С. 6.

27. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №34. С. 6.

28. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №37. С. 7.

29. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1893 г. №42. С. 6.

30. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1895 г. №13. С. 2.

31. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1895 г. №23. С. 2.

32. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1899 г. №171. С. 1.

33. Восточное обозрение: газета литературная и политическая от 1899 г. №233. С. 2.

34. Приамурские ведомости: газета от 1894 г. №48. С. 6-7.

35. Приамурские ведомости: газета от 1895 г. №72. С. 2.
36. Приамурские ведомости: газета от 1897 г. №172. С. 6.
37. Приамурские ведомости: газета от 1897 г. №175. С. 15.
38. Приамурские ведомости: газета от 1897 г. №176. С. 11.
39. Приамурские ведомости: газета от 1897 г. №177. С. 10.
40. Приамурские ведомости: газета от 1897 г. №180. С. 18.
41. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.).
42. Башкуева, Е. Ю. Китайцы в России (1860-1930): Обзор отечественной историографии // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. Хабаровск, 2003. – Т. 3. – С. 293-297.
43. Дацышен, В. Г. История русско-китайских отношений (1618 – 1917) : Учебное пособие. / В. Г. Дацышен. – Благовещенск, 2004. – 275 с. EDN: QPBAKR.
44. Дацышен, В. Г. Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации. / В. Г. Дацышен. – Красноярск, 2008. – 306 с.
45. Дацышен, В. Г. Китайки на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – 1930-е гг.) / В. Г. Дацышен // Исторический курьер. 2019. № 3 (5).
46. Залеская, О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1939 гг.) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Залеская Ольга Владимировна. – Благовещенск, 2009. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskie-migranty-na-dalnem-vostoke-rossii>. EDN: QPMGGJ.
47. Ларин, А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А. Г. Ларин. – Москва : Восточная книга, 2009. – 512 с.
48. Тимофеев, О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) / О. А. Тимофеев. – Благовещенск, 2003. – URL: http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html#_ftn269. EDN: QZSYRJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Китайская миграция на территорию российского Дальнего Востока в материалах периодической печати второй половины XIX в» представляет собой рассмотрение важного аспекта двусторонних русско-китайских отношений (миграция) на основе конкретного комплекса печатных источников (дальневосточная пресса). Вторая половина XIX века, обозначенная автором как временные рамки исследования, является качественно новым этапом русско-китайских отношений после заключения серии межгосударственных договоров (включавших более четкое определение границ) с одной стороны и после отмены крепостного права в России с другой стороны. Оба обстоятельства способствовали более интенсивному хозяйственному освоению Дальнего Востока, собственно в этом и интерес обращения к данному периоду. Автор с одной стороны никак не мотивирует выбор хронологических рамок, с другой стороны выбранный им корпус печатных изданий не соответствует определению «вторая половина XIX века». Исходя из библиографического списка, автор прибег к рассмотрению изданий «Владивосток» с 1884 по 1898, «Восточное обозрение» за 1890-1899 гг., «Приамурские ведомости» 1894-1897 гг., что в сумме может быть определено как конец XIX века. Данные переписи приводятся также по состоянию на 1897 г., таким образом автор

несколько неверно определяет временные рамки своего исследования. Далее, являясь по сути контент-анализом, работа нуждается в источниковедческом анализе рассмотренных изданий, автор же ограничивается указанием на города издания газет и журналов без прочих характеристик. Выбор изданий и отбор материалов этих изданий также требуют комментариев: если из газеты «Владивосток» с 1884 по 1898 гг. автор отобрал всего 20 номеров с мигрантской тематикой, значит ли это что эта тематика была малозначимой и неинтересной для публики? Вряд ли, автор пишет в том числе : «....количество заметок, где описывались преступления, совершаемые китайскими подданными, в период с 1884 до 1899 г. нарастало», но на основании какого корпуса источников сделан такой вывод? 20 номеров за 14 лет не представляются репрезентативным объемом; в любом случае требуется более основательное источниковедческое описание материалов исследования с указанием на специфику такого источника как периодическая печать. Автор в заключении заявляет, что анализ газетных и журнальных публикаций второй половины XIX в. позволил выявить особенности китайской миграции на территорию российского Дальнего Востока. Здесь автор упускает из виду, что он рассматривает миграцию на основе лишь одного и довольно специфического вида источников, следовательно автор может выявить в лучшем случае особенности репрезентации миграции в российских средствах массовой информации, в общественном мнении и т.д., но для комплексных выводов по миграции требуется анализ более широкого круга источников. Работа нуждается в доработке, преимущественно в части анализа и характеристик материалов исследования (периодической печати).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования - китайская миграция на российский Дальний Восток в материалах периодической печати в конце XIX в.

Методология исследования. В статье вопросы методологии не освещаются, но из текста статьи можно сделать вывод, что статья базируется на принципах объективности, системности и историзма. В работе также использованы историко-типологический, историко-сравнительный и другие методы.

Актуальность. Во второй половине XIX в. активное развитие Дальнего Востока Россией активизировала миграционные процессы из сопредельных стран (Корея, Китай, Япония в этот регион). С 1990-х годов Дальний Восток стал регионом активных миграционных процессов и вновь, как во второй половине XIX- начале XX века возросла миграция из Китая на российский Дальний Восток. Тема китайской миграции в настоящее время является одной из актуальной, и она исследуется экономистами, историками, социологами и т.д. О китайской миграции много пишут в СМИ, эту тему обсуждают в социальных сетях и на различных форумах в сети Интернет, одни считают китайскую миграцию в регион оправданным с точки зрения экономики региона, другие видят в ней угрозу. В связи с этим представляется, что исследование китайской миграции а конце XIX- века может быть интересно с точки зрения изучения опыта этой миграции для решения современных проблем.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также обусловлена тем, что в статье на основе материалов, публиковавшихся в газетах, выходивших в регионе, исследуется глубоко и всесторонне изучается вопросы китайской миграции во второй половине XIX- века.

особенностей в расселении, адаптации, хозяйственной деятельности, нормативно-правовой базе миграции китайцев.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом академический, есть элементы описательности, что оправданно для работ такой тематики и это делает статью легкой для чтения и восприятия широким кругом читателей. Структура статьи направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор дает краткий обзор работ по теме исследования (В. Г. Дацышена, О. В. Залесской, А. Г. Ларина и др.), отмечает, что в этих работах исследовались лишь некоторые вопросы темы (в частности, вопросы расселения мигрантов), кроме того при изучении темы они не использовали материалы периодической печати, а потому многие вопросы китайской диаспоры остались не освещенными. В рецензируемой статье на основе работ предшественников, статистических данных и материалах газет «Владивосток», «Восточное обозрение», «Приамурские ведомости» изучены вопросы численности, особенностей расселения, адаптации в местах поселения, хозяйственной деятельности мигрантов (торговли, земледелия, промысловой деятельности и т.д.), взаимоотношений с местным населением, быта, культуры, повседневной деятельности, бытовой преступности (воровство, грабежи, убийства) и организованной преступности со стороны хунхузов (китайские разбойничьи шайки) от которых страдали русские и сами китайцы), нормативно-правовой базы миграции китайцев и др. вопросы. В тексте статьи много интересных материалов и информации о жизни мигрантов-китайцев, об амбивалентном отношении к китайской миграции со стороны русских и властей и причин такого отношения. Табличный материал хорошо разъяснен и делает текст информативным. В конце статьи представлены выводы по теме. Текст статьи последовательно изложен и читается с интересом.

Библиография статьи насчитывает 43 источника (это статьи, монографии по теме исследования (их 7) и публикации по теме исследования в периодической печати исследуемого периода). Библиография в полной мере соответствует тематике исследования. 7 работ по теме исследования, и

Апелляция к оппонентам представлена в полученной в ходе работы информации по теме, проведенного анализа и полученных выводов по исследуемой теме. Апелляция к оппонентам представлена также в библиографии, которая поможет получить ответы на вопросы по исследуемой теме.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес у специалистов и широкого круга читателей.

Англоязычные метаданные

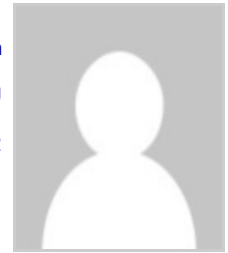
Kinofication in Khakassia 1985-1991: The Explosion of Video Rental

Alehin Fedor Vital'evich

Postgraduate student; Institute of History, Katanov KSU

655009, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Komarova str., 7b, sq. 162

✉ super8766@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the process of cinematization in the Khakass autonomous region from 1985 to 1991, with a primary focus on the phenomenon of the "video boom" (the development of video rental). Special attention is also given to the following aspects of the cinematization process, namely the material condition of the cinematization department, planned development, and development indicators. Concurrently and in symbiosis, video rental developed in the region. The main sources of this research are documents from the State Archive of the Republic of Khakassia, "National Archive" R-336, Khakass Regional Cinematization Administration, which contains plans, reports, personnel data, estimates, lists of property and its movement, prospective plans, and explanatory notes. Cuttings and notes from the newspaper "Soviet Khakassia," memories of residents, and interviews were also used. The research is based on the principles of historicism and scientific objectivity and is constructed according to the issue-chronological principle. In analyzing historical sources in this work, the main methods can be named: analytical, comparative, and statistical. The course of cinematization in the Khakass autonomous region from 1985 to 1991 is examined, specifically: material and technical condition, repertoire. The main indicators of the perestroika period are identified. The main problems related to the stagnation of cinema and its competition with the new phenomenon of video rental are considered. Key milestones in the establishment of video rental in Khakassia and the primary status of theaters during this period are highlighted. The main technical equipment is examined. The article discusses one of the main differences between theaters and video salons, namely the repertoire. It is also noted that video salons were actually under the jurisdiction of the cinematization department. The integration of this knowledge from various disparate sources on this topic is conducted for the first time.

Keywords: Video clubs, VHS, videorecorder, City cinema, Cinema installations, Cinemas, Cinema, Perestroika, Khakassia, Cinematography

References (transliterated)

1. Moiseenko A.D. Perestroika videodela (1985–1988): gosudarstvennyi kontrol' i ego ogranicheniya // Novoe proshloe / The New Past. 2023. № 3. S. 159. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-3-157-172. EDN: IKSJUH.
2. Soin Ya.Ya. Otechestvennyi kinematograf rubezha XX–XX vv. i ego vliyanie na kul'turu povsednevnosti // Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke. 2019. T. 2. S. 357. EDN: BXTQDQ.
3. Lunacharskii A.V. Beseda s V.I. Leninym o kino // Samoe vazhnoe iz vseh iskusstv. Lenin o kino. M., 1973. S. 164.

4. Tsymbal E.V. Kinematografiya - primer uspeshnogo sotrudnichestva // Mir peremen. 2004. № 1. S. 153. EDN: RDVDOL.
5. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-336. Op. 1. D. 140. L. 1.
6. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-336. Op. 1. D. 131. Ll. 49-50.
7. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-336. Op. 1. D. 162. Ll. 4, 5, 6.
8. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-336. Op. 1. D. 172. L. 1.
9. Kryukov G. Videogrezy i videoslezy // Sovetskaya Khakasiya. 1988. 6 sentyabrya. № 205 (16248). S. 3.
10. Kryukov G. Videogrezy i videoslezy // Sovetskaya Khakasiya. 1988. 6 sentyabrya. № 205 (16248). S. 3.
11. Kryukov G. Videogrezy i videoslezy // Sovetskaya Khakasiya. 1988. 6 sentyabrya. № 205 (16248). S. 3.
12. Razlogov K.E. Metamorfozy kinoklubnogo dvizheniya vchera i segodnya // Nauka televideniya. 2021. T. 17. № 2. S. 263. DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.2-241-271. EDN: AHPPVN.
13. Kak zhiteli Khakasii vo vremena SSSR priobshchalis' k zarubezhnomu kino? // Reklamno-informatsionnaya gazeta "ShANS". URL: <https://clck.ru/gecju> (data obrashcheniya: 19.04.2022).
14. Kak zhiteli Khakasii vo vremena SSSR priobshchalis' k zarubezhnomu kino? // Reklamno-informatsionnaya gazeta "ShANS". URL: <https://clck.ru/gecju> (data obrashcheniya: 19.04.2022).
15. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. P-30. Op. 45. D. 6. L. 5.
16. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. P-30. Op. 45. D. 6. Ll. 2-3.
17. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-619. Op. 1. D. 52. L. 5.
18. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. R-619. Op. 1. D. 52. L. 2.
19. Abakanskaya trgovaya reklama // Sovetskaya Khakasiya. 1989. 9 avgusta. № 183 (16526). S. 4.
20. GKU RKh "Natsional'nyi arkhiv". F. P-12. Op. 4. D. 19. L. 51.
21. Nadykto S. Prazdnik v dom // Sovetskaya Khakasiya. 1989. 14 iyulya. № 162 (16505). S. 3.

Pedagogical courses and teachers' conferences as forms of professional training for educators in the Voronezh province in the second half of the 19th century

Samedova Natella Enurovna

Postgraduate student of the Department of Russian History of the Peoples' Friendship University of Russia

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ samedova.natella@yandex.ru

Abstract. The teaching profession today requires continuous professional development, updating of knowledge, and flexibility in adopting new teaching methods. Lifelong learning, explained by the accelerating process of knowledge obsolescence in a constantly evolving information landscape, is now not only the right of educational workers but also an obligation enshrined in the Federal Law "On Education in the Russian Federation." Systematic

enhancement of a teacher's professional level is currently possible through pedagogical courses of various themes and durations, offered either in-person or online, across any region of Russia. Undoubtedly, such opportunities were not always available to teachers. The shortage of educators and their low competence, along with a lack of professional educational institutions for their training in the second half of the 19th century, affected not only the overall literacy level of the Russian population but also the subsequent processes of modernization of the empire. It was during the 1860s and 1870s that pedagogical courses and teachers' congresses became an unconventional solution to the preparation of teaching staff for primary educational institutions. Studying their history at the regional level allows for a clearer picture of how quickly and in what manner the authorities and society addressed the issues of educator shortages. Based on the conducted research, it was revealed that the development of forms of professional pedagogical education, such as pedagogical courses and teachers' congresses in the Voronezh province, despite existing research work, requires further examination with the involvement of lesser-known historical sources. The author concludes that the minimal costs for funding pedagogical courses and teachers' congresses, along with the ability to prepare qualified specialists in a short time, determined their popularity. The result of their efforts was a noticeable improvement in the quality of teacher training and an increase in their numbers. This paper employed comparative-historical, descriptive, and causal research methods.

Keywords: knowledge, teaching, teacher, profession, school, teacher seminary, pedagogical courses, teachers' congresses, professional training, Voronezh Province

References (transliterated)

1. Chekhov N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2018. S. 107.
2. Chernoboeva T. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v g. Voronezhe (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.): dis. ... istor. nauk. Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Tambov, 2008. S. 32.
3. Chernoboeva T. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v g. Voronezhe (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.): dis. ... istor. nauk. Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Tambov, 2008. S. 33.
4. Pyl'nev Yu. V. Istoriya narodnogo obrazovaniya Voronezhskogo kraia (konets XVII – nachalo XX veka): monografiya. Kaliningrad: Aksios, 2012. S. 489.
5. Chernoboeva T. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v g. Voronezhe (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.): dis. ... istor. nauk. Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Tambov, 2008. S. 39.
6. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 257. L. 16.
7. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 257. L. 17.
8. Pyl'nev Yu. V. Istoriya narodnogo obrazovaniya Voronezhskogo kraia (konets XVII – nachalo XX veka): monografiya. Kaliningrad: Aksios, 2012. S. 489.
9. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 3. L. 2.
10. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 257. L. 38-39.
11. Pyl'nev Yu. V. Istoriya narodnogo obrazovaniya Voronezhskogo kraia (konets XVII – nachalo XX veka): monografiya. Kaliningrad: Aksios, 2012. S. 500.
12. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 1b (ob.).
13. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 15 (ob.).

14. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 29.
15. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 28.
16. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 36 (ob.).
17. GAVO. F. I-20. Op. 1. D. 476. L. 15.

Reflection of the Beginning of World War I in the Newspaper Chronicle of Moscow

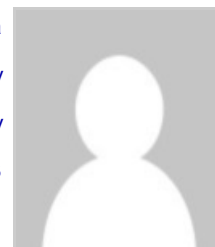
Ershova Tamara Vital'evna

Doctor of History

Professor; Institute of Humanities; Moscow City Pedagogical University

129226, Russia, Moscow, Rostokino district, 2nd Agricultural passage, 4 K. 3

✉ ErshovaTV@mgpu.ru

Kaburov Artemiy Ravil'evich

Postgraduate student; Institute of Humanities; Moscow City Pedagogical University
Teacher of history and social studies; GBOU Romanovskaya school

129226, Russia, Moscow, Rostokino district, 2nd Agricultural passage, 4 K. 3

✉ artem.kaburov@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the Russian periodical press during the years of World War I. The subject of the research is the content of Moscow daily newspapers reflecting their reaction to the onset of World War I. The authors have analyzed the issues of three major daily newspapers published in Moscow during the first days after the declaration of war ("Moscow Vedomosti," "Russian Vedomosti," "Morning of Russia"). The selected newspapers belong to various currents of public thought, which is particularly important to consider when studying public opinion in the context of war. The material chosen for the study demonstrates both common and differing elements in the assessments of the Moscow press regarding the onset of the conflict. The research identified the emphases characteristic of each involved publication and highlighted the range of topics addressed by the newspapers in the early days of the war, which allows for a high level of diversity in the coverage of events in late summer 1914. The methodological basis of the research is the principles of historicism, objectivity, systematics, and reliance on historical sources. The study was primarily conducted using a historical-comparative method. The scientific novelty of the research lies in the involvement of a wide range of newspaper articles as historical sources and a detailed analysis of their content. The findings indicate both the ambiguity of contemporaries' assessments of the onset of the world war and a broad range of issues related to the armed conflict covered by the press. The initial reactions of various newspapers to the start of the war are virtually identical, but different interpretations of the unfolding events are also found. The newspapers provide ambiguous evaluations of the patriotic fervor experienced by Russian society, with positive responses alongside calls for calm. Other popular topics in the newspapers during those days included issues of diplomacy, air forces, historical parallels, articles about Kaiser Wilhelm II, and reviews of the economic situation of the warring powers.

Keywords: journalism, articles, Moscow, public opinion, press, newspapers, Moscow newspapers, periodical press, World War I, the beginning of the war

References (transliterated)

1. Samoderzhavie i pechat' v Rossii / [Predisl.: S. Vengerov]. – Sankt-Peterburg: Svetoch, 1906. – 80 s.
2. Balitskii G. V. Zarozhdenie periodicheskoi pechaty v Rossii / G. V. Balitskii. – Sankt-Peterburg: Senat. tip., 1908. – 78 s.
3. Shlosberg A. N. Nachalo periodicheskoi pechaty v Rossii (Ist.-lit. issled.) / A. N. Shlosberg. – Sankt-Peterburg: Senat. tip., 1911. – 75 s.
4. Lisovskii N. M. Bibliografiya russkoi periodicheskoi pechaty 1703–1900 gg.: (materialy dlya istorii russkoi zhurnalistiki) / sostavil i izdal N. M. Lisovskii. – Tipografiya Akts. Obshch. Tip. Dela, 1915. – 1066 s.
5. Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901–1916 / Sostaviteli: Belyaeva L. N., Zinov'eva M. K., Nikiforov M. M.; pod obshchei redaktsiei V. M. Barashenkova, O. D. Golubevoi, N. Ya. Morachevskogo. – L.: Gosudarstvennaya Publichnaya biblioteka imeni M. E. Saltykova-Shchedrina, 1958–1961. – V 4-kh tomakh. – Tom 1. A-3. – L.: GPB, 1958. – 661 s.; Tom 2. I-P. – L.: GPB, 1959. – 714 s.; Tom 3. R-Ya. – L.: GPB, 1960. – 668 s.; Tom 4. Ukazateli. – L.: GPB, 1961. – 396 s.
6. Bokhanov A. N. Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX v. – 1914 g. – M.: Nauka, 1984. – 152 s.
7. Bereznoi A. F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoi mirovoi voiny / Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. – Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. – 152 s.
8. Belogurova T. A. Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrennei zhizni strany v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.) / T. A. Belogurova; pod red. Yu. V. Zhurova. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – Smolensk: Smolenskii TsNTI, 2006. – 129 s.
9. Nazarova T. P., Morozova N. V. Tseli i prichiny Pervoi mirovoi voiny v diskurse Rossiiskoi tsentral'noi pechaty (1914 g.) // Manuskript. 2019. T. 12. № 7. S. 35-38.
10. Kostrikov S. P., Nadekhina Yu. P. Periodicheskaya pechat' Rossii kak otrasl' predprinimatel'stva (na primere moskovskoi pressy rubezha XIX–XX vv.) // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 2012. № 69. S. 75-78.
11. Dzhagaryan E. A. Moskovskaya periodicheskaya pechat' kak istoricheskii istochnik po izucheniyu obraza Moskvy v poslednei treti XIX – nachale XX v. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. T. 24. № 2. S. 23-27.
12. Derevyagina E. V. M. N. Katkov v "Moskovskikh vedomostyakh". K istorii izdaniya // Vestnik NovGU. 2003. № 25.
13. Esin B. I. "Moskovskie vedomosti" pod redaktsiei L. Tikhomirova. 1909 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2013. № 3.
14. Taimasova Ya. V. Liberaly "Russkikh vedomostei" v kontse 1860 – nachale 1880-kh gg.: formirovanie obshchestvenno-politicheskoi programmy // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2016. № 4.
15. Bokhanov A. N. Burzhuaznaya pressa i krupnyi kapital. Konets XIX v. – 1914 g. – M.: Nauka, 1984. S. 68-69.
16. Rozenberg V. A. Iz istorii russkoi pechaty: organizatsiya obshchestvennogo mneniya v Rossii i nezavisimaya partiinaya gazeta "Russkie vedomosti", 1863–1918 gg. – Praga: Plamya, 1924. – S. 258.
17. Eiduk D. V. Germaniya i nemtsy v russkoi pechaty, iyul'–oktyabr' 1914 g. (po materialam gazety "Utro Rossii") // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2008. № 2.

18. Guzhva D. V. Voennaya tsenzura russkoi periodicheskoi pechati v gody Pervoi mirovoi voiny // Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy. – M.: IMLI RAN, 2013. – S. 527.
19. Bogomolov I. K. Voennaya tsenzura pechati v Moskve v gody Pervoi mirovoi voiny // Istoriya knigi i tsenzury v Rossii. Pyatye Blyumovskie chteniya: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A. V. Blyuma. 21 maya 2018 goda / pod nauch. red. M. V. Zelenova. – SPb: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2019. – 314 s.
20. Voina ob'yavlena // Moskovskie vedomosti. 1914. № 168. 20 iyulya.
21. Nazarevskii B. V. Voina za pravdu: kak nachalas' velikaya evropeiskaya voina? Chteniya dlya fabrichno-zavodskikh rabochikh. – M.: Komissiya po ustroistvu obshcheobrazovatel'nykh chtenii dlya fabrichno-zavodskikh rabochikh g. Moskvy, 1915. – 70 s.
22. Borisjuk A. A. Zabytaya voina. Rossiya v 1914–1918 gody. Fakty, tsifry, podvigi geroev / A. A. Borisjuk. – M.: Veche, 2024. S. 24.
23. Sredi gazet // Moskovskie vedomosti. 1914. № 169. 22 iyulya.
24. S nami Bog! // Utro Rossii. 1914. № 166. 20 iyulya.
25. Moskva, 20 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 166. 20 iyulya.
26. Moskva, 25 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 170. 25 iyulya.
27. Voina s Avstriei // Utro Rossii. 1914. № 170. 25 iyulya.
28. Tsarskoe slovo // Moskovskie vedomosti. 1914. № 174. 27 iyulya.
29. Tri strany // Utro Rossii. 1914. № 166. 20 iyulya.
30. Moskva, 26 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 171. 26 iyulya.
31. Vozdushnye sily Evropy // Russkie vedomosti. 1914. № 167. 22 iyulya.
32. Chto delaet vozdushnyi flot vo vremya voiny? // Russkie vedomosti. 1914. № 171. 26 iyulya.
33. Vozdushnye sily Germanii // Utro Rossii. 1914. № 167. 22 iyulya.
34. Vozdushnye sily Avstro-Vengrii // Utro Rossii. 1914. № 168. 23 iyulya.
35. Vozdushnye sily Frantsii // Utro Rossii. 1914. № 170. 25 iyulya.
36. Vozdushnye floty na teatre voiny // Moskovskie vedomosti. 1914. № 172. 25 iyulya.
37. Slava geroyam! // Utro Rossii. 1914. № 169. 24 iyulya.
38. Oskol'skii N. Trofei Frantsii // Utro Rossii. 1914. № 169. 24 iyulya.
39. Pervyi vozdushnyi boi // Utro Rossii. 1914. № 169. 24 iyulya.
40. Kizevetter A. A. V spokoistvii sila // Russkie vedomosti. 1914. № 170. 25 iyulya.
41. Bol'she sderzhannosti // Utro Rossii. 1914. № 165. 19 iyulya.
42. Spokoistvie // Utro Rossii. 1914. № 166. 20 iyulya.
43. Sil'nye-spokoiny // Utro Rossii. 1914. № 170. 25 iyulya.
44. Edinenie // Moskovskie vedomosti. 1914. № 171. 24 iyulya.
45. "Na nas napali" // Moskovskie vedomosti. 1914. № 172. 25 iyulya.
46. Rozanov V. V. Voina 1914 goda i russkoe vrozozhdenie / V. V. Rozanov. – Petrograd: Tip. t-va A. S. Suvorina, 1915. – 234 s.
47. Sredi gazet // Moskovskie vedomosti. 1914. № 168. 20 iyulya.
48. Naznachenie Rossii // Utro Rossii. 1914. № 165. 19 iyulya.
49. Zarya novoi epokhi vsemirnoi istorii // Utro Rossii. 1914. № 166. 20 iyulya.
50. Pesn' o Rolande // Utro Rossii. 1914. № 170. 25 iyulya.

51. Smirnov E. Vil'gel'm II protiv Evropy // Russkie vedomosti. 1914. № 170. 26 iyulya.
52. Ob''edinenie Evropy // Utro Rossii. 1914. № 167. 22 iyulya.
53. "Delo imperatora Vil'gelma" // Utro Rossii. 1914. № 171. 26 iyulya.
54. Rubikon Vil'gelma // Utro Rossii. 1914. № 168. 23 iyulya.
55. Germanskie marodery // Moskovskie vedomosti. 1914. № 178. 1 avgusta.
56. Voina // Russkie vedomosti. 1914. № 166. 20 iyulya.
57. Moskva, 22 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 167. 22 iyulya.
58. Moskva, 26 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 171. 26 iyulya.
59. Moskva, 24 iyulya // Russkie vedomosti. 1914. № 169. 24 iyulya.
60. Posrednichestvo Vil'sona // Utro Rossii. 1914. № 171. 26 iyulya.
61. Sredi gazet // Moskovskie vedomosti. 1914. № 177. 31 iyulya.
62. Neobkhodimaya mera // Utro Rossii. 1914. № 166. 20 iyulya.
63. Prodovol'stvie Germanii vo vremya voiny // Russkie vedomosti. 1914. № 168. 23 iyulya.
64. Sredstva Germanii // Moskovskie vedomosti. 1914. № 177. 30 iyulya.
65. Ekonomicheskii krakh Germanii // Utro Rossii. 1914. № 170. 25 iyulya.
66. Ekonomicheskii krizis v Avstrii // Utro Rossii. 1914. № 171. 26 iyulya.
67. Kamskii S. Ekonomicheskaya gotovnost' Rossii // Moskovskie vedomosti. 1914. № 179. 2 avgusta.
68. Sokolov A. Voina i finansovye resursy Rossii // Russkie vedomosti. 1914. № 171. 26 iyulya.
69. Kafengauz L. Nasha promyshlennost' i voina // Russkie vedomosti. 1914. № 171. 26 iyulya.
70. Tsar' i Moskva v ee istoricheskikh predaniyakh // Moskovskie vedomosti. 1914. № 180. 3 avgusta.
71. Sursum Corda // Moskovskie vedomosti. 1914. № 181. 5 avgusta.
72. S nami Bog! // Moskovskie vedomosti. 1914. № 182. 6 avgusta.

The concept of revolutionary war: classical understanding vs. the concept of French military theorists

Galyamina Anna Georgievna

Postgraduate student; Department of World Economy, International Relations and Law; Novosibirsk State University of Economics and Management 'NINH'

56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia, Novosibirsk region

✉ galyamina.anna@yandex.ru

Chernoverskaya Tat'yana Aleksandrovna

PhD in History

Associate Professor; Department of World Economy, International Relations and Law; Novosibirsk State University of Economics and Management 'NINH'

52/1 Kamenskaya str., Novosibirsk, Novosibirsk, 630099, Russia

✉ eleonored@yandex.ru

Abstract. The concept of "revolutionary war" has existed in the intellectual space for a long

time and in each specific context is adequately understood by the participants in the discussion. However, to date there is neither a clear definition of this concept, nor, even more so, a developed concept of this phenomenon. Moreover, there is no understanding that representatives of different national cultures can put completely different meanings into this concept, which can complicate an adequate understanding of scientific and journalistic texts written by representatives of a different cultural and scientific tradition. Thus, this article is devoted to examining the evolution of ideas about revolutionary war since the end of the 18th century, since it was the war of the first coalition and the Napoleonic wars that later served as the empirical material on which ideas about the essence of revolutionary war were formed. The emergence of ideas about the specifics of revolutionary war as an armed struggle for progressive values among representatives of different political forces during the French Revolution was analyzed. The further evolution of this concept is considered in the views of Simon Bolivar, F. Engels, V.I. Lenin and Mao Zedong, who developed a practical concept for waging a revolutionary war in the conditions of weak, agrarian and semi-colonial China in the 1930s. It is shown how the unique historical experience of the French, who encountered the practical application of Mao's recommendations in Vietnam from the Viet Minh, led to the fact that France formed its own original concept of revolutionary war, which exists to this day, within the framework of which this concept acquires a completely different meaning than in the classical version, which naturally changes the interpretation of many historical and modern military conflicts, which would be useful to take into account when working with French-language historiography.

Keywords: revolutions, guerilla, Mao Zedong, Lenin, Engels, Bolivar, Brissot, Robespierre, the French Revolution, revolutionary war

References (transliterated)

1. Burke E. Speech on Conciliation with America. Chicago: Scott, Foresman and company, 1898. 159 p.
2. Brissot J.P. Troisième discours de J.P. Brissot, député sur la nécessité de la guerre Prononcé à la société, le 20 janvier 1792. Paris: Impr. du Patriote français, 1792. 18 p.
3. Robespierre M. Sur la guerre (2 janvier) // Robespierre M. Oeuvres complètes. T. VIII. Discours (3e Partie). Octobre 1791 – Septembre 1792. Paris: Presses universitaires de France, 1954. P. 74-93.
4. Zhores, Zh. Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoi revolyutsii. T. II. M.: Progress, 1978. 648 c.
5. Robesp'ер M. O voine. Rech' 18 dekabrya 1791 // Robesp'ер M. Izbrannye proizvedeniya. T. 1. M.: Nauka, 1965. S. 168-184.
6. Hallen T. van der. Robespierre et le dilemme de la diplomatie révolutionnaire // Academia.edu [sait]. – URL: https://www.academia.edu/35055943/Robespierre_et_le_dilemme_de_la_diplomatie_r%C3%A9volutionnaire (data obrashcheniya: 22.01.2022). 16 p.
7. Bolivar S. Izbrannye proizvedeniya. 1812-1830. M.: Nauka, 1983. 280 c.
8. Thibaud C. Guerre et révolution au cours des Indépendances hispano-américaines // Rivista Storica Italiana. 2010. № 122-122. P. 649-681.
9. Engel's F. Porazhenie p'emonttsev. II // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroe. T. 6. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. S. 416-419.
10. Lenin V.I. O tezisakh po agrarnomu voprosu frantsuzskoi kompartii // Lenin V.I. Poln.

- sobr. soch. T. 44. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. S. 274-281.
11. Protokoly Tsentral'nogo komiteta RSDRP, avgust 1917 – fevral' 1918 / red. M.A. Savel'ev. M., L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. 309 c.
 12. Bazhukov V.I. Kontseptsiya revolyutsionnoi voyny v uchenii V.I. Lenina: teoriya i praktika // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2017. № 1. S. 25-37.
 13. Lenin V.I. K istorii voprosa o neschastnom mire // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 35. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. S. 243-253.
 14. Lenin V.I. Maevka revolyutsionnogo proletariata // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. S. 296-305.
 15. Lenin V.I. VIII s"ezd RKP(b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 38. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. S. 156-162.
 16. Tukhachevskii M. Pokhod za Vislu // M. Tukhachevskii. Pokhod za Vislu. Yu. Pilsudskii. Voina 1920 goda. M.: Izdatel'stvo "Novosti", 1992. C. 33-97.
 17. Mao Tszedun. Strategicheskie voprosy revolyutsionnoi voyny v Kitae, dekabr' 1936 g. [中国革命战争的战略问题(一九三六年十二月)] // marxist.org [sait]. – URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193612.html> (data obrashcheniya: 3.04.2024).
 18. Mao Tszedun. Voprosy strategii partizanskoi voyny protiv yaponskikh zakhvatchikov, mai 1938 [抗日游击战争的战略问题(一九三八年五月)] // marxist.org [sait]. – URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193805.html> (data obrashcheniya: 6.04.2024).
 19. Bouzoumita M. Mao et la guerre révolutionnaire // Stratégique. 2016. № 3. P. 63-87.
 20. Villatoux M.-S., Villatoux P. Aux origines de la "guerre révolutionnaire": le colonel Lacheroy parle // Revue historique des armées. 2012. № 268. P. 45-53.
 21. Beaufre A. La guerre révolutionnaire: Les formes nouvelles de la guerre. Paris: Fayard, 1972. 231 p.
 22. Villatoux M.-S. Hogard et Némó. Deux théoriciens de la "guerre révolutionnaire" // Revue historique des armées. 2003. № 232. P. 20-28.
 23. Gallula D. Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice. N.-Y.: Praeger Security International, 1964. 130 p.
 24. Dzhkha I. Poimi zhe bol' Bastara // Geril'ya v Azii. Krasnye partizany v Indii, Nepale, Indokitae, Yaponii i na Filippinakh, podpol'shchiki v Turtsii i Irane / Sostaviteli A. Kolpakidi, M. Nigmatullin. M.: Rodina, 2023. S. 38-48.
 25. Polonskii I. Krasnaya geril'ya na Filippinakh // Geril'ya v Azii. Krasnye partizany v Indii, Nepale, Indokitae, Yaponii i na Filippinakh, podpol'shchiki v Turtsii i Irane / Sostaviteli A. Kolpakidi, M. Nigmatullin. M.: Rodina, 2023. S. 21-27.
 26. Malis C. La guerre révolutionnaire, de Lénine à l'État islamique // Stratégique. 2017. № 3. P. 161-183.
 27. Girard R. La guerre révolutionnaire du Hamas // le Figaro [sait]. – URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-la-guerre-revolutionnaire-du-hamas-20231016> (data obrashcheniya: 24.03.2024).
 28. Bovykin D. Yu., Chudinov A. V. Frantsuzskaya revolyutsiya. M.: Al'pina non-fikshn, 2022. 468 c.
 29. Starosel'skii Ya.V. Problemy yakobinskoi diktatury. L.: Izdatel'stvo kommunisticheskoi akademii, 1930. 306 c.

Jerome Gorsey's essays on Moscovia: diplomatic reports or encyclopedic writings?

Samigulin Maksim Ravilevich

Postgraduate student; Institute of Humanities; Moscow City Pedagogical University
teacher; GBOU School 2086

12 K. 6 Staropetrovsky proezd, Voykovsky district, Moscow, 125130, Russia

✉ samigulinmaksim@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the political views of English diplomats and travelers on Muscovy in the 16th century. The focus of the study is on Jerome Gorsey's perspectives on Muscovy, as reflected in his travel notes. In these notes, the author departs from the descriptive and encyclopedic nature typical of English travelers' accounts, opting for a narrative approach with detailed descriptions not only of the geography and everyday life of the inhabitants of the Muscovite state but also of the political activities of its rulers. The aim of this work is to examine "The Travels of Jerome Gorsey" in a broader context of political writings from his era. The search for similarities between Gorsey's political language and that of political figures during the Elizabethan era will help to understand the reasons behind the characteristics given to Muscovy and the merchant's particular attention to the activities of Moscow rulers. The work relies on the methodology of the Cambridge School for the study of political languages in the Early Modern Period, whose key method involves examining historical sources in the broad context of contemporary writings and identifying recurring linguistic markers. The main conclusions of the conducted research indicate that Gorsey's writings on Muscovy should be viewed not only as a form of accountability to the Privy Council and one of many travel accounts but also in conjunction with the political pamphlets and chronicles of his time. The study of Jerome Gorsey's political language will help to better understand the features of communication between English diplomats and the state elite of Britain, particularly the members of the Privy Council, to whom the representative of the Muscovy Company addresses at the beginning of "The Travels." Moreover, "The Travels of Jerome Gorsey" should be seen not as precise descriptions of diplomatic and trade activities in Muscovy, but rather as one of the means of transmitting the political ideas of the English elites, whose influence the diplomat experienced.

Keywords: diplomats, pamphlets, Ivan the Terrible, Muscovy Company, Muscovy, diplomacy, Jerome Horsey, political languages, Tudors, travel diaries

References (transliterated)

1. Dmitrieva, O. V. Elizaveta Tyudor / O. V. Dmitrieva. – M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 306 s. EDN: QPXARD.
2. Fedorov, S. E. Korolevskii dvor v Anglii XV-XVII vekov / S. E. Fedorov. – Spb.: Aleteiya, 2015. – 384 s.
3. Collinson, P. Elizabethans / P. Collinson. – L.: Cambridge University Press, 2003. – 265 p.
4. Bossy, John. Under the Molehill: An Elizabethan Spy Story / J. Bossy. – New Haven: Yale University Press, 2002.
5. Guy, J. The Tudors. A Very Short Introduction / J. Guy. – NY.: Oxford University Press, 2000. – 115 p.
6. Solodkin, R. Ya. Zapiski Dzh. Gorseya o Rossii v otechestvennoi istoriografii kontsa

- KhKh V. (na primere issledovaniy V. A. Kolobkova) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 4 (20).
7. Shpak, G. V. Izobretaya prostranstvo. Rossiya i Angliya XVI–XIX vv. v puteshestviyakh, travelogakh, kartakh: monografiya / G. V. Shpak; Rossiiskaya akademiya nauk, Institut vseobshchei istorii. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2021. – 247 s.
 8. Dmitrieva, O. V. "Razlichnye puteshestviya" R. Khaklyuita (1582) i poiski anglichanami severo-zapadnogo prokhoda v Aziyu // Novaya i Noveishaya istoriya. – 2023. – Vypusk 4. – S. 46-59. DOI: 10.31857/S013038640025128-8 EDN: LEVNGG.
 9. Fletcher, Giles. Of the Russe Common Wealth; or, maner of gouvernement by the Russe Emperour. – London: Printed by T. D. for Thomas Charde, 1591.
 10. Hakluyt, Richard. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. – London: Cassell, 1889. – 192 p.
 11. Zapadnoevropeiskie avtory XV–XVII vv. o Rossii: materialy k biobibliograficheskomu slovaryu / Rossiiskaya akademiya nauk, Institut arkheologii; sostavitel' P. D. Malygin; otvetstvennyi redaktor P. G. Gaidukov. – Moskva: IA RAN, 2018. – 190 s.
 12. Horsey, Jerome. Travels of Sir Jerome Horsey // Russia at the close of the sixteenth century: comprising, the treatise "Of the Russe Common Wealth," by Giles Fletcher; and the Travels of Sir Jerome Horsey, now for the first time printed entire from his own manuscript. – London: Printed for the Hakluyt Society, 1856.
 13. Sevast'yanova, A. A. Predislovie. Dzherom Gorsei i ego sochineniya o Rossii // Dzherom Gorsei. Zapiski o Rossii: XVI – nachalo XVII v. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – S. 5-46.
 14. Smith, T. De republica Anglorum. The maner of gouvernement or policie of the realme of England, Seene and allowed. – 1583. – Ann Arbor, MI; Oxford (UK): Text Creation Partnership.
 15. Becon, T. Works of Thomas Becon. – Cambridge: University Press, 1843. – 530 p.
 16. Lord Burghley to the earl of Leycester. 6th March 1586 / W. Cecil // Correspondence of Robert Dudley, earl of Leycester, during his government of the Low countries, in the years 1585 and 1586. – London: Printed for the Camden Society, by J. B. Nichols and Son, 1844. – P. 152-153.
 17. Mortimer, Ya. Srednevekovaya Angliya: putevoditel' puteshestvennika vo vremeni: [6+] / Yan Mortimer; perevod s angliiskogo A. Zakharova. – 4-e izd. – Moskva: Eksmo, Bombora, 2022. – 332 s.
 18. Betteridge, T. Literature and politics in the English Reformation / T. Betteridge. – Manchester [u.a.]: Manchester Univ. Press, 2004. – 272 p.
 19. Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner // History and Theory. – 1969. – Vol. 8, No. 1. – P. 353. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.jstor.org/stable/2504188>.
 20. Uvarov, P. Yu. Istoriya intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoi Evrope / P. Yu. Uvarov. – M.: IVI RAN, 2000. – 98 s. EDN: RPQKFB.

Reduced caliber ammunition of V.G. Fedorov's design from 1944-1945.

Timofeeva Rimma Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of History and Theory of Art; St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

29 Politechnicheskaya str., building 2, sq. 32, Saint Petersburg, 194064, Russia

✉ rimma.a.timofeeva@gmail.com

Chumak Ruslan Nikolaevich

PhD in Technical Science

Head of the Funds Department; Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops

197046, Russia, St. Petersburg, Petrogradsky district, Alexandrovsky Park, 7

✉ rimmaa@gmail.com

Abstract. The subject of this article is the activities of V.G. Fedorov aimed at the development of a reduced-caliber and power cartridge for firearms. Key events in this process are analyzed, starting from 1943. It is noted that a reduced-power cartridge of smaller caliber (6.5 mm) was previously developed by V.G. Fedorov, and the reasons for the abandonment of this project at the state level are analyzed. The main viewpoints expressed during this period by leading firearms specialists from the Artillery Academy (A.A. Blagonravov, V.A. Malinovsky), the Air Force Academy (P.I. Main), and OKB-44 (N.M. Elizarov) are considered. The difficulties and problems faced by V.G. Fedorov, including subjective factors, and the results of his work are indicated. The correctness of the development path proposed by Fedorov for firearms and the necessity of creating small-caliber weapons is noted—an issue that the USSR was forced to address in 1959 after receiving information about the development in the USA of 5.56 mm low-impulse cartridges with high bullet velocity and the weapons designed for them. The research methods used in the article include the processing of archival data, a comparative-historical method, and a historical-scientific analysis of specialized literature. New data regarding V.G. Fedorov's development of a reduced-power cartridge and a reduced-caliber cartridge are introduced into scientific circulation for the first time. A comparison of the ballistic qualities of reduced-power cartridges of various calibers developed in 1945 is performed. Based on newly discovered archival materials and the study of V.G. Fedorov's personal files, conclusions are drawn about the reasons for his contradictions with the Main Artillery Directorate, which have not been previously addressed in domestic historiography. As a result of the conducted research, it is concluded that Fedorov had a correct understanding of the development path of domestic firearms. This is confirmed by the fact that the 5.45 mm automatic cartridge and the Kalashnikov AK74 were subsequently adopted by the Soviet Army in 1974.

Keywords: Bureau of Consultants, Main Artillery Directorate, reduced-power cartridge, intermediate cartridge, Fedorov's cartridge, cartridge, assault rifle, small arms, weapons design, V.G. Fedorov

References (transliterated)

1. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 1. D. 103.
2. Fedorov V.G. Plotnost' i metkost' ognya (obsuzhdenie stat'i A. Malinina "Blizhnii boi") // Krasnaya zvezda. 1946. 19 dekabrya (№ 296 (6284)).
3. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 2. D. 66.
4. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 4. D. 39.
5. Fedorov V.G. Problema avtomata // Voennyi Vestnik. 1946. № 2.
6. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 4. D. 10.

7. Timofeeva R.A., Chumak R.N. Razrabotka 6,5-mm vintovochnogo patrona umen'shennoi moshchnosti i avtomata-karabina 1936 goda pod nego po taktiko-tekhnicheskim trebovaniyam V. G. Fedorova // Sbornik issledovaniy i materialov Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. SPb.: VIMAIViVS, 2024.
8. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 4. D. 40.
9. Dvoryaninov V.N. Boevye patrony strelkovogo oruzhiya. V 4-kh kn. Kn. 3. Sovremennye otechestvennye patrony. Klimovsk: D'Solo, 2015.
10. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 1. D. 99.
11. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 2. D. 136.
12. Okhotnikov N. Osnovopolozhnik otechestvennoi shkoly avtomaticheskogo oruzhiya (K 60-letiyu tvorcheskoi deyatel'nosti V. G. Fedorova) // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1961. № 12.
13. Dvoryaninov V.N. Boevye patrony strelkovogo oruzhiya. V 4-kh kn. Kn. 2. Sovremennye zarubezhnye patrony. Klimovsk: D'Solo, 2015.
14. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 45R. Op. 2. D. 28.
15. Fedorov V.G. V poiskakh oruzhiya. M.: Voenizdat, 1964.

The origins of domestic artificial intelligence: on the 70th anniversary of the manifesto of Soviet cybernetics by Sobolev, Kitov, and Lyapunov

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

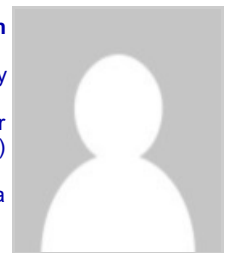
Kiryushin Alexey Nikolaevich

Doctor of Philosophy

Associate Professor; Department of Aviation Tactics; Military Training and Research Center of the Air Force 'Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin' (Voronezh)

54A Starye Bolshevikov str., Voronezh, 394064, Russia

✉ elrisha_@rambler.ru

Abstract. This publication is particularly relevant in the context of the 70th anniversary of a key document – the scientific article by S.L. Sobolev, A.I. Kitov, and A.A. Lyapunov (1955), rightly considered the origin of the domestic school of artificial intelligence. In an environment of increased attention to the history of science and technology, especially in the field of artificial intelligence, this work restores historical justice by emphasizing the priority of Soviet scientists in formulating the fundamental principles of artificial intelligence (machine self-learning, modeling of neural activity, heuristic methods, autonomy) long before these ideas gained wide recognition in the West. Understanding this "manifesto" is critically important not only for grasping the genesis and unique features of the Russian tradition in the conceptualization of artificial intelligence but also for recognizing the remarkable prophetic power of the ideas presented in 1955. The methodological basis of the study consists of principles of historical-scientific analysis, text hermeneutics, and conceptual reconstruction. The key method is a critical source analysis of the primary source – the article by Sobolev,

Kitov, and Lyapunov from 1955. To define the historical context and scientific novelty of the manifesto, a comparative method is employed, contrasting its ideas with contemporary Western approaches in cybernetics. The novelty of the study lies in demonstrating for the first time how this article "Key Features of Cybernetics" (1955) anticipated the major development paths of global science in artificial intelligence for decades to come. In the era of neural network revolution and deep learning, revisiting these roots serves not only as a tribute to the pioneers but also as a powerful intellectual stimulus and guide for modern Russian research and development in the field of artificial intelligence. Understanding the depth and foresight of S.L. Sobolev, A.I. Kitov, and A.A. Lyapunov and their strategic vision is essential today for shaping a unique national agenda in the area of artificial intelligence. Furthermore, it is shown how these principles, which outpaced their Western counterparts (including the Dartmouth initiative) and were formulated in the terms of the Soviet cybernetic school, predetermined the specific trajectories of development for Soviet and Russian artificial intelligence.

Keywords: automation, cybernetics, USSR, A.A. Lyapunov, A.I. Kitov, S.L. Sobolev, computing technology, informatics, robotics, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Sobolev S.L., Kitov A.I., Lyapunov A.A. Osnovnye cherty kibernetiki // Voprosy filosofii. 1955. № 4. S. 136-148.
2. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris: Hermann & Cie, 1948. 194 p.
3. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR "Ob uluchshenii rukovodstva vnedreniem vychislitel'noi tekhniki i avtomatizirovannykh sistem upravleniya v narodnoe khozyaistvo" ot 21 maya 1963 g. // Gosudarstvennyi arkhiv RF (GARF). f. 5446, op. 106, d. 1324, l. 160-172.
4. Kuteinikov A.V. Sud'ba original'noi idei A.I. Kitova, proekta sozdaniya avtomatizirovannoi sistemy upravleniya sovetsoi ekonomiko (OGAS) // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2010. T. 143. S. 132-138. EDN: NXMABZ
5. Maslej N., Fattorini L. Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI), 2024. 502 p.
6. Ivakhnenko E.N. Khrupkii mir cherez optiki prostoty i slozhnosti (Ch. 1) // Obrazovatel'naya politika. 2020. № 3 (83). S. 10-19. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-3-10-19 EDN: MTTZUP
7. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: The MIT Press, Cambridge 1961. 212 p.
8. Materialist. Komu sluzhit kibernetika // Voprosy filosofii. 1953. № 5. S. 210-219.
9. Kitov V.A., Shilov V.V. K istorii bor'by za kibernetiku. IIET im. S.N. Vavilova. RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya. 2011. T. 2. S. 539-543.
10. Nikoforov A.N. Vydayushchayasya rol' A. I. Kitova v priznanii kibernetiki v SSSR // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2012. T. 164. S. 69-75. EDN: PQNWDZ
11. Dyurik A.M., Ershova K.A., Kitov V.A., Petelina A.V. Neprostaya sud'ba kibernetiki v SSSR // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2014. T. 186. S. 618-623. EDN: VKOTFP
12. Baranets N.G., Verevkin A.B. Obraz kibernetiki v pamyati otechestvennoi nauki // Istoriya i pedagogika estestvoznaniya. 2018. S. 52-56.

13. Kitov A.I. Elektronnye tsifrovye mashiny. M.: Sovetskoe radio, 1956. 358 s.
14. Neskromnyi V. Chelovek, kotoryi vynes kibernetiku iz sekretnoi biblioteki // Komp'yuterra. 1996. № 43. S. 44-45.
15. Viner N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. M.: Sovetskoe radio, 1958. 217 s.
16. Lyapunov A.A., Yablonskii S.V. Teoreticheski problemy kibernetiki // Problemy kibernetiki. 1963. Vyp. 9. S. 5-22.
17. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 383 p.
18. Ivan'ko M.A., Gasovich A.A. Troichnye EVM: istoricheskii i obrazovatel'nyi aspekty izucheniya komp'yuternoi arkhitektury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati. 2016. S. 42-45.
19. Mikhailov A.I. Osnovy nauchnoi informatsii. M.: Nauka, 1965. 655 s. EDN: SKJLOR
20. Mikhailov A.I. Osnovy informatiki. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1968. 756 s. EDN: SKJLPB
21. Ocherki istorii informatiki v Rossii. Novosibirsk: Nauchno-izdatel'skii tsentr OIGGM SO RAN, 1998. 662 s.
22. Ershov A.P. Informatika: predmet i ponyatie // Kibernetika. Stanovlenie informatiki. M.: Nauka, 1986. S. 28-31. EDN: YUGCDK
23. Informatika i komp'yuternaya gramotnost': Sbornik nauchnykh trudov IPI AN SSSR / Otv. red. B.N. Naumov. M.: Nauka, 1988. 237 s.
24. Graham L.R. The Ghost of the Executed Engineer: Technology and the Fall of the Soviet Union. Harvard UP, 1993. 128 p.
25. Revich Yu.V., Malinovskii B.N. Informatsionnye tekhnologii v SSSR. Sozdateli sovetskoi vychislitel'noi tekhniki. SPb.: BKhV-Peterburg, 2014. 336 s.
26. Pospelov G.S. Iskusstvennyi intellekt - osnova novoi informatsionnoi tekhnologii. M.: Nauka, 1988. 280 s.
27. Averkin A.N., Gaaze-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Tolkovy slovar' po iskusstvennomu intellektu. M.: Radio i svyaz', 1992. 256 s.
28. Buravlev A.I., Vetoshkin V.M. Iskusstvennyi intellekt: sushchnost', printsipy raboty, oblasti primeneniya // Vooruzhenie i ekonomika. 2024. № 2(68). S. 33-42. EDN: BXZLNS
29. Pospelov D.A. Situatsionnoe upravlenie: teoriya i praktika. M.: Nauka, 1986. 288 s.
30. Arlazarov V.L. Komp'yuternye shakhmaty. M.: Fizmatlit, 2008. 304 s.
31. Popov E.P., Vereshchagin A.F., Zenkevich S.L. Manipulyatsionnye roboty: dinamika i algoritmy. M.: Nauka, 1978. 400 s.
32. Kozyrev Yu.G. Promyshlennye roboty: Spravochnik. M.: Mashinostroenie, 1988. 392 s.
33. Yurevich E.I. Osnovy robototekhniki. SPb.: BKhV-Peterburg, 2005. 416 s. EDN: QMOBXN
34. Komkov N.I., Bondareva N.N. Perspektivy i usloviya razvitiya robototekhniki v Rossii // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2016. T. 7. № 2. S. 8-21. DOI: 10.18184/2079-4665.2016.7.2.8.21 EDN: WEBCJB
35. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Borisovicha Kurzhan'skogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 15: Vychislitel'naya matematika i kibernetika. 2009. № 4. S. 5-6. EDN: KYQLAD
36. Gorbacheva T.A. Iskusstvennyi intellekt: riski i problemy vnedreniya v Rossiiskoi

Federatsii // Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy. 2025. № 1. S. 96-105. DOI: 10.47576/2949-1894.2025.1.1.014 EDN: VEKLBK

37. Vilovatykh A.V. Iskusstvennyi intellekt kak faktor voennoi politiki budushchego // Problemy natsional'noi strategii. 2019. № 1(52). S. 177-192. EDN: YYHGXR
38. Kiryushin A.N., Shaidullin T.V. Neodnoznachnost' sotsial'noi roli i funktsii iskusstvennogo intellekta v kontekste kognitivnogo protivoborstva // Voennyy akademicheskii zhurnal. 2024. № 2. S. 19-28. EDN: MTXGPZ
39. Burenok V.M. Iskusstvennyi intellekt v voennom protivostoyanii budushchego // Voennaya mysl'. 2021. № 4. S. 106-112. EDN: JZELGG
40. Leonov A.V., Braitkraits S.G., Pronin A.Yu. Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta na etapakh sistemnogo proektirovaniya novogo oruzhiya // Vooruzhenie i ekonomika. 2023. № 3(65). S. 23-34. EDN: VWXVYA

Chinese migration to the territory of the Russian Far East in the materials of the periodical press of the end XIX century

Kontsevaya Vitalina Andreevna

Postgraduate student; Department of General History; Altai State Pedagogical University

656031, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Molodezhnaya str., 55

✉ vita.k98@mail.ru

Abstract. In the history of Sino-Russian relations, a special place is occupied by the problem of population migration from one state to another. Despite the fact that both Russian and foreign researchers are actively studying this topic, there are still a sufficient number of questions in it. The article discusses issues related to the coverage in the periodical press of the end 19th century of the process of Chinese migration to the territory of the Russian Far East. Previously, researchers did not cover the migration of the Chinese population based on the data of the periodical press. Particular attention is paid to the number of migrants, the employment of arriving Chinese citizens, as well as the social aspects of interaction (everyday life, complaints, conflicts, offenses) between migrants and the Russian population, between Chinese subjects and local authorities.

The author analyzes publications showing the features of migration flows, the causes and consequences of Chinese migration for the local population and the economy of the region. The article was prepared on the analysis of materials from periodicals of the second half of the 19th century, which makes it possible to better understand the features of migration processes and the significance of this phenomenon for the development of the Russian Far East. The author concludes that Chinese subjects on Russian territory have successfully adapted and introduced themselves into the economic activities of the Far East. However, relations between local residents and the authorities, on the one hand, and the Chinese, on the other, were quite difficult in view of fears of loss of influence in the region, a decrease in the number of the Russian population, and conflict situations between Russian and Chinese subjects. On the one hand, migrants were perceived by local authorities as a necessary working resource, on the other hand, they often caused justified fears.

Keywords: Amur Vedomosti, Vladivostok, Chinese Empire, periodical printing, Russian Empire, Far East, economy, Chinese, Chinese migrants, Eastern Review

References (transliterated)

1. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta. ot 12 maya 1884 g. №19. 1884. S. 8.
2. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 28 aprelya 1885 g. №17. S. 2.
3. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 30 iyunya 1885 g. №26. S. 5.
4. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 10 yanvarya 1888 g. №2. S. 6.
5. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 3 aprelya 1888 g. №14. S. 4.
6. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 19 iyunya 1888 g. №25. S. 1.
7. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 25 sentyabrya 1888 g. №39. S. 6.
8. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 6 noyabrya 1888 g. №45. S. 6.
9. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 11 marta 1890 g. №10. S. 7.
10. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 12 marta 1890 g. №11. S. 2.
11. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 29 marta 1890 g. №13. S. 3-4.
12. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 3 iyunya 1890 g. №22. S. 5.
13. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 14 marta 1893 g. №11. S. 7.
14. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 25 aprelya 1893 g. №17.
15. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 30 maya 1893 g. №21. S. 6.
16. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 1 avgusta 1893 g. №31.
17. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 15 avgusta 1893 g. №33. S. 7-8.
18. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 7 noyabrya 1893 g. №45.
19. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 19 maya 1896 g. №21.
20. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 29 marta 1898 g. №13. S. 2.
21. Vladivostok: ezhenedel'naya obshchestvenno-literaturnaya gazeta ot 16 avgusta 1898 g. №33. S. 8.
22. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1890 g. №2. S. 5.
23. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1892 g. №17. S. 1.
24. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №29. S. 6.

25. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №31. S. 2.
26. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №32. S. 6.
27. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №34. S. 6.
28. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №37. S. 7.
29. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1893 g. №42. S. 6.
30. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1895 g. №13. S. 2.
31. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1895 g. №23. S. 2.
32. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1899 g. №171. S. 1.
33. Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya ot 1899 g. №233. S. 2.
34. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1894 g. №48. S. 6-7.
35. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1895 g. №72. S. 2.
36. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1897 g. №172. S. 6.
37. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1897 g. №175. S. 15.
38. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1897 g. №176. S. 11.
39. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1897 g. №177. S. 10.
40. Priamurskie vedomosti: gazeta ot 1897 g. №180. S. 18.
41. Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.).
42. Bashkueva, E. Yu. Kitaitsy v Rossii (1860-1930): Obzor otechestvennoi istoriografii // Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke. Khabarovsk, 2003. – T. 3. – S. 293-297.
43. Datsyshen, V. G. Istoriya russko-kitaiskikh otnoshenii (1618 – 1917) : Uchebnoe posobie. / V. G. Datsyshen. – Blagoveshchensk, 2004. – 275 s. EDN: QPBAKR.
44. Datsyshen, V. G. Kitaitsy v Sibiri v XVII – KhKh vv.: problemy migratsii i adaptatsii. / V. G. Datsyshen. – Krasnoyarsk, 2008. – 306 s.
45. Datsyshen, V. G. Kitayanki na rossiiskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – 1930-e gg.) / V. G. Datsyshen // Istoricheskii kur'er. 2019. № 3 (5).
46. Zalesskaya, O. V. Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1858–1939 gg.) : spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya" : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk / Zalesskaya Ol'ga Vladimirovna. – Blagoveshchensk, 2009. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskie-migranty-na-dalнем-vostoke-rossii>. EDN: QPMGGJ.
47. Larin, A. G. Kitaitsy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskii ocherk / A. G. Larin. – Moskva : Vostochnaya kniga, 2009. – 512 s.
48. Timofeev, O. A. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v Priamur'e (ser. XIX – nach. XX vv.) / O. A. Timofeev. – Blagoveshchensk, 2003. – URL: http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html#_ftn269. EDN: QZSYRJ.